

Прикосновение

Прикосновение

Прикосновение

Горно-Алтайск
2022 г.

ББК 84 (2Рос-Рус)

Сборник печатается по решению издательского совета отделения Петровской академии наук и искусств.

Прикосновение. — Горно-Алтайск, 2022. — 238 стр.

Майминское литературное объединение «ЛиРа»

Светлана Костина

Монро на балконе

От виски с содовой
Ты стала трезвая,
Ты стала странная
Под небом города,
Исполосованном
Аэропланами.

Петь будешь вечно ты
Осточертевшее
«Пупупиду»,
А ведь хотела же
Оставить в вечности
Совсем не ту.

О, слава брeнная!
Живешь, как пленная.
Лишь знай, играй.
Не надо, Мэрилин,
Так замороженно
Смотреть за край.

Ты вся с иголочки,
А всюду сволочи –
Не жизнь, а ад.
Не надо, Мэрилин,
Достань из сумочки
Барбитурат.

Сбежать куда-нибудь,
Закрыв под шарфиком
Сожжённый блонд...
Фотограф требует
Смеяться в камеру –
Затвора взвод.

Побыть приезжей, забыть о прежнем,
Оставить дома дела и цели
И повстречаться с собой, нездешней,
В овальном зеркале отеля.

Понять, что встречных совсем не знаю,
Побыть чужой, почти что лишней.
И пожелать обрести хозяев
Забытой на вокзале книжке.

Родные скажут: «Ну, ты артистка!»
Да пусть ругают меня, хоть матом!
И раскопать в себе эгоистку,
Расправив ей крылья мятые.

И ощутить сиротливую радость,
Своей оторванности истому.
Хоть и ночью в подушку плакать,
Как подросток, сбежавший из дома.

Электропоезд «Новосибирск-Бердск»

Электричка – до Бердска.
Семьдесят рублей – билет.
Парень в армейских берцах,
Дама на склоне лет.

Дремлет мужик усатый,
Как Михалков, почти.
Бабушка – в полосатом,
Пьяница – в забыты.

«Звездная», «Береговая»,
«Юность»...,
Столбы, дома...
Лица запоминаю,
Станции и слова.

В памяти их оставляю,
Или средь этих строк.
Ведь дома, в Горном Алтае,
Нет железных дорог.

Мечта

Пить кофе на ходу – дурацкая привычка.
Среда и суета, маршрут – «работа-дом»,
Весна ведёт себя, как истеричка,
Бросаясь мокрым снегом и дождём.

Гремят усталые маршрутки на дороге,
Бетонно-серый день повис, как пелена,
А я хочу гулять под звёздами Ван Гога,
Держа в руке цветок, бокал вина...

Пусть это будет где-нибудь во Франции,
Пусть светят фонари, и скрипка душу рвёт,
Пьяняще пахнет белая акация,
Она сейчас, должно быть, там цветёт.

Идти легко, как облаков касаться
Ногами в туфельках мощёной мостовой,
И ничего на свете не бояться...
А рядом ты – смешной и молодой.

Но не спастись от злого неуют,
Не одолеть простуду и долги,
Дни копят, как грязная посуда,
И под глазами тёмные круги.

Да, надо быть терпимей и мудрее,
И быть сильнее этой маяты.
Блажен, кто верует, а значит, буду верить,
Идя к мечте, спасаясь от мечты.

Снег

Хочу, чтоб снег валил, валил, валил,
Чтобы собой закрыл всю грязь и слякоть.
Чтоб он, как белый кот, вошёл в наш мир,
Приумножая тишину и мягкость.

Пусть снег поставит суету на «стоп»,
Даст ощутить простую прелесть скуки.
Чтобы пойти во двор, упасть в сугроб,
Как в детстве, широко раскинув руки.

Чтоб пили мы потом несладкий чай
С лимоном и, наверное, с вареньем,
Чтоб свет горел, и телефон молчал,
Чтоб сохли варезки на батарее.

Пусть снег засыплет путь в наш тихий дом,
Запеленает нас, обнимет крепко,
Пусть скажет он: «Оставляю вас вдвоём,
Ведь вы вдвоём бываете так редко».

Снег – соль земли, крылатый белый бог,
Рассыпся, огради холодным пленом,
Спаси от обеснеженности злой,
От наготы ноябрьского тлена.

Так хорошо в окно на снег смотреть,
Как заполняет он собой окрестность,
Ах, если б мог он душу отбелить,
Вернув ей чистоту и легковесность....

Мать

Сын с улицы зашёл,
Горит румянец,
Парнишка вымахал –
Красив и смел!
И мать бежит к нему,
Снимает ранец,
Ей хочется, чтоб он
Скорей поел.

Еще недавно ведь
Лежал в кровати –
Волшебный
Златокудрый Купидон.
Мать думала о том,
Какой он сладкий,
Но сыт ли он? Не
Голоден ли он?
О как же быстро

Подрастает сына!
Он в классе выше всех,
Он учится на «пять».
Мать принесла домой
Пакеты с рынка,
Вновь у плиты
Весь день
Колдует мать.

А у нее давно
Давление скачет,
И непорядок
С сахаром в крови,
Но ежедневно нет
Важней задачи,
Чем той, чтоб вкусно
Сына накормить.
Он вырастет и скоро
В жизни взрослой
Найдет свой путь,
Создаст свой дом и тыл.
И будет опять мать
Звонить с вопросом:
Поел ли ты?
Не голоден ли ты?
И сын ответит:
– Мама, не тревожься
Я сыт, успешен,
Счастлив и здоров!

– Сынок, я приболела...
– Мама, позже,
Прости, идет совет
Директоров!

Любовь Семенцова

От широкой степи

От широкой степи и от снежных вершин
Я попала в березовый край.
А тебе подарила частичку души,
Мой далекий холодный Курай.

Здесь весной белой пеною вишни цветут.
От черемух такой аромат...
Только долго чужой оставалась я тут.
Все хотелось вернуться назад.

Но Катунь целовала ладошки мои
И шептала: «Привыкнешь, поверь!
А когда запоют по ночам соловьи,
Ты захлопни в прошедшее дверь».

И послушалась я и захлопнула дверь,
И живу я в цветущем селе.
Только каждой весной вспоминаю теперь
Одуванчик на стылой земле.

Монгольское

Собрались мы тогда интересно:
Чемодан на двоих один.
И помчал нас в страну чудесную
Скорый поезд «Москва – Пекин».

Нет персон там особо модных.
Мода в юрте – сплошной обман.
А в озёрах больших, полноводных,
Что ни рыба – то древний осман.

Хочешь, слушай симфонию выюги.
Далеко, далеко, друзья...
И ночами на всю округу
Только радио, звезды, да я.

Край непуганой вольницы птичьей.
Край разъезженных пыльных дорог.
И в бескрайней степи, как в притче,
Белой юрты манящий полог.

Слышим русскую речь всё четче.
Здесь по-нашему говорят!
И встречает нас бывший летчик
Эскадрильи «Монгольский арат»!

Повезло нам – такая встреча.
Разговор обо всем подряд.
Но уж поздно, сгустился вечер,
В небе первые звезды горят.

Едем дальше при лунном свете.
Крокодилами горы лежат.
– Где-то здесь проживает йети, –
Наши спутники говорят.

Через вал Чингисхана – в вечность
Историческую окунуть.
Цаган-Нур. Перевала плечи.
Мой любимый Советский Союз!

Сжигаю себя на костре

Сама себя сжигаю на костре,
Но ты совсем не замечаешь дыма...
И я сгорю тихонько на заре
Медленно, неслышно и незримо.

А из пепелища моего
Пусть другая милая восстанет;
От меня не будет ничего,
Только оболочка, но – пустая.

Вы пойдете пить на кухню чай...
С нею ты денёк весенний встретишь,
И её обнимешь невзначай,
И подмены даже не заметишь.

Размышления бессонной ночью

А давайте спросим у бессонницы:
– Почему ты, милая, не спишь?
И хоть ночь уже к рассвету клонится
Всё в окно белёсое глядишь?
Мы уже давным-давно знакомы
И твоя тоска понятна мне.
Но тебе не писаны законы
И не отдыхаешь ты во сне.
Хочешь, я опять пересчитаю
Всех твоих баранов и козлят?
Потому что знаешь, дорогая,
По ночам обычно люди – спят...

Монгольские зарисовки

*Рассказ о том, как мы чуть не замерзли.
Но не замерзли*

(Из монгольской зимы)

В темноте бесновался ветер,
И машина сломалась в пути.
И теперь ни за что на свете
Нам с тобой до жилья не дойти.

Этой страшной морозной ночью
Я с ребенком грудным в руках
Молча слушала песню волчью,
Что поет над душою страх.

Ты – раздетый, лохматый, голодный,
Как большой бесприютный пёс,
Нам отдав полушубок тёплый,
Грелся куревом у колёс.

Бог послал нам тогда машину.
И, конечно же, нас спасли,
Затолкнув пятерых в кабину,
Нас от гибели увезли.

Но, когда мне бывает туго,
Вспоминаю всегда светло:
Ночь. Монголия. Злая выюга.
И шершавых ладошек тепло.

2020 г.

Я однажды в твои заглянула глаза
И увидела – в них назревает гроза,
Молний огненных там полыхают мечи!..
Если можешь молчать – молчи...

Ты сейчас далеко. Ты глядишь сквозь меня.
И секунды летят, как мониста звеня.
Взгляд твой – память далеких нечаянных встреч,
Что обдумать еще предстоит и сберечь.

Взгляд твой – карты, палатки, костры,
Выкидушки вблизи неприступной горы,
Где рождаются реки прохладой маня,
Не пойму, где ты место нашел для меня?..

Снова я заглянула в родные глаза,
В них гроза, в них слеза, бирюза... бирюза...

Я замерзла

Вся изранена в этих тяжелых боях,
Я себя, наконец, победила.
Стали жертвой беспечная гордость моя
И здоровье, что было, да сплыло.

Всё. Теперь я на отдых. Там сон и покой.
Там для счастья мне надо так мало –
Одеялом меня потеплее укрой.
Я замерзла и очень устала.

2020 г.

Оксана Хлопотова

Друг

Как был у меня друг, носил он за мной плащ,
Он мелом чертил круг защиты от неудач.
И с прясел меня садил на серого жеребца,
И вот через тридцать лет не помню его лица.
Мы мерили с ним вдвоем сурепковые поля,
Ведь был у меня друг, родной, как сама земля!
Нам желтым казался мир, пыльца щекотала нос.
Мой рыцарь и кавалер – он крепким, здоровым рос.
Мы плавали с ним в реке, вразмашку и просто так,
Мы знали в округе всех: мальчишек, гусей, собак.
А бабка его пекла сметанные калачи,
Она вынимала их из русской большой печи.
И в детстве своём простом у нас было сто дорог,
И музыкой в унисон – свобода и ветерок.
Дороги всегда вели сквозь солнечные поля,
Ведь был у меня друг, родной как сама земля.

Мы встретились

Мы встретились, мела в окошко осень
И в золоте сентябрьской метели,
Друг друга как-то сразу разглядели,
Сцепились взгляды, точно корни сосен,
Ах осень, эта ласковая осень...
Мы встретились....
Мы встретились, но как мы долго ждали,
И между нами вечности лежали,
И жизнь летела, словно водопад
и разбивалась в брызги, не попад.
Бывали встречи разные в пути,
За них прости, пожалуйста, прости...
Мы встретились, как суша и прибой,
Мы не могли не встретиться с тобой!

В потоке

В потоке времени я – парочка секунд,
Вселенная, не разглядит меня.
Я – вечности частица и огня,
Начало жизни и конечный пункт.
В потоке света искорка одна,
Но как порой она огню нужна!
В потоке музыки я – ласковый минор,
Которым славится большой церковный хор.
Нектаром с клироса мелодия течёт,
Мой тихий голосок её ведет.
Я – альфа и омега, азм есьмъ,
Я – то, что арифметикой не счесть,
Я – жизнь и смерть, которым нет конца,
Я – крест Спасителя и шип его венца.
Я – суматошный звон колоколов
И тишина благая на покров.

Я убежала водой, из-под камня, что давит.
Я уносила в манящие дальние дали,
Думала, встречу еще настоящую реку,
Но не учла я короткого бабьего века.

Запах любимого в ворота ношенной кофты...
Я напилась, нахлебалась свободы до рвоты.
В каждом пришедшем твоей я улыбки искала,
Только во всех, мне тебя одного не хватало.

Стала тогда, как могла, одиночество славить,
Жизнь пробежала, и русла её не исправить.
Старый альбом открываю дрожащей рукою –
Ты улыбаешься мне, и я рядом с тобою.

Дороги...

*

Дороги, самолёты, поезда...
Ведёт меня незримая звезда,
Путей не выбираю, просто жду,
Потом опять иду, иду, иду...
В карманах пусто, ветром пахнут дни,
И манят неизвестные огни,
А я иду по жизни налегке,
И вместо тряпок солнце в рюкзаке!
Иду в места, где детства мил порог,
Там перекрёсток тысячи дорог.
И лишь одну, которая пуста,
Мне освещает ранняя звезда!

*

Как цыгана манят кони, так и мне дороги снятся,
Степь сухая, лес дремучий, приглашают потеряться.
У обочины полынной, головой подсолнух вертит,
Летним солнцем опалённый, словно круг защитный чертит,
Тень сучает под забором, дикий вереск густо пахнет.
Я иду, за косогором ива кружевная чахнет,
Лес дремучий, степь без края, где дороги? Бездорожье,
Ветер листья вслед швыряет, это всё моё и Божье.
Я иду, дорог не видно, просто душу гонит ветер,
Я хожу по бездорожью, Я – счастливей всех на свете!

*

Какие дороги? Широкие, узкие,
Тропинки в лесу незаметные, плюские,
Ночные дороги, огнями рождённые,
Военными тропами загромождённые.
Дороги по Ладоге, жизнью воспетые,
По утренней зорюшке – самые светлые.
Дороги мощённые, серые, пыльные,
И те, что построили пленные ссыльные.
Дороги большие, железом гремящие,
Дороги, дороги животворящие.
Дороги-убийцы, дороги-артерии,
Дороги ведущие в дикие прерии.
Дороги с ухабами, ямами, кочками,
Метельные зимние, разные прочие.
Дороги от сердца родного ведущие,
И душам цыганским покой не дающие.

Подари мне речка камешек

Подари мне речка камешек,
Выкинь смелою волной
На песочка светлый краешек,
Заберу его с собой.
И в далекой, серой замяти
Неизвестных городов
Будет камешек для памяти
О деревне в семь дворов.
И о том, как ива тонкая,
Кружевная смотрит в пруд.
Старый двор да речка звонкая
Мою память сберегут.

Защитникам Отечества

Со времён Александра Невского и по здешние времена
Сарафанами, перелесками, духом святым сильна страна.
Здесь с молитвою песня дружится,
а в ушах – колокольный хор,
Здесь орёл над державой кружится, развевается триколор!
Все мы – русские, все мы дерзкие,
мы свободные – нас не тронь!
Мы за землю свою, как Невский,
и на смерть пойдём, и в огонь!
Если вспомнить походы ратные, русских сроду не победить,
Говорил Александр когда-то: «В правде Бог и Победе быть!»
С бранным подвигом Русь повенчана,
силой Божьей озарена,
Защищали её, как женщину, и любили во все времена!
А когда поднимали головы по границам её враги:
То монголы, славянам вороги, шведы, прочие варнаки,
Поднимались все православные и вставали к плечу плечом,

В уголке паучок паутинку седую колдует, тишина.
Озорной огонек мне лезгинку танцует на свече у окна.
Мягко падают листья, прилипая к окну,
В темно-синем батисте вышивая луну.
Тонкой нитью жемчужной, догорает закат,
И, как водится в жизни, он во всём виноват.
Я закончу вязанье и задую свечу,
О мечтах и страданиях, обо всем промолчу,
Кружевной занавеской занавешу луну,
Даже помыслом дерзким не спугну тишину.

Не считаю за ностальгию – боль по Родине – просто боль.
Захлебнуться твоею синью бесконечною мне позволь.
Окуная глаза в закаты, я душою любовь пила,
Оттого и была крылата шириной твоего крыла,
Высотой твоих рассветов, гордых гор, глубиной озер.
Я в тебе растворяюсь светом, осветившим в ночи костер.
Как языческий звонкий бубен,
ритмом бешеным сердца стук,
Ты нужна для чего-то людям, как тепло материнских рук...
Горы стынут хребтами в небо, на лесной тропе – тишина...
Согревает краюха хлеба полнотелая, как луна,
Звезды светят, в реке качаясь отражаются фонари,
Каждой клеточкою врастаю в эпителий родной земли.

Возвращаюсь я, возвращаюсь, пульс сильнее в конце пути,
Сердца радостью возрождаюсь и готова пешком идти.
Не считаю за ностальгию, боль по Родине вмиг пройдет,
Только скрипнут, пусть только скрипнут
Каблучки у родных ворот.

Август

Метельно-млечный путь распахнут настежь
И, как всегда, на Август не похожий
Возница вечный опускает в траву
Седой луны серебряные вожжи.
Еще тепло и медоточат травы,
Пусть впереди сентябрь хладноросый,
Но деревья по-летнему курчавы,
По-летнему – стремительные грозы.
А Август состоит из вкуса яблок
И хризантем загадочно-печальных.
В душе моей останется осадок,
С ним август догорает за плечами.
Ах, лето уж проходит, как обидно,
И ночи дышат сладкою прохладой,
Луна в пруду купается бесстыдно,
В полях сверчков ночные серенады...
Метельно-млечный путь распахнут настежь
И пусть, порой, на Август не похожий,
Возница вечный опускает в траву
Седой луны серебряные вожжи...

Дивное место – малая Родина

Дивное место – малая Родина
Есть на земле,
И все дороги земные, что пройдены,
Тянут к тебе.
И зацветает в душе неприкаянной

Красный закат.
Малая Родина каждой проталиной
Смотрит в глаза.
Неба синее и глубже не видела,
Гроздь рябин,
Красными каплями сердце царапают,
С горных вершин
Реками быстрыми, слезы хрустальные
Катятся вниз.
А наклоняюсь к воде, каждой капелькой
Шепчет: «Вернись!»

В ней души моей ценная малость

Выходила босой, умывалась росой,
Заплетала в косу я левкой и ромашки,
Ночевала в стогу на зеленом лугу,
Сумасшедшая, в белой холщовой рубашке.
Я совсем не люблю города и сады,
Только речку и лес, и студеную воду.
И могу дотянуться до первой звезды,
Не торгуюсь отдать все, что есть за свободу.
Среди птиц я своя и бродячих собак,
И Есенинской грустью наполнено сердце.
Где Россия большой, бесшабашный кабак,
В душу каждого здесь не зашторена дверца.
Я Россию люблю, её ширь и простор,
Где всегда мне легко и свободно дышалось,
Безмятежность небес, и бездонность озер,
В ней души моей ценная малость.
Выходила босой, умывалась росой,
Нежной песней рассветное утро встречала,
Разливался бескрайним простором покой
В моем сердце, и песня любви в нём звучала.

Алтайская осень

Алтайская осень – печальные нитки дождей,
Уносится в небо курлычущий клин журавлей.
Алтайская осень – малиново-грушевый сад,
Где огненной шапкой горит над Аносом закат.
Алтайская осень – великого Гуркина рай,
Он маслом писал этот богом отмеченный край!
Алтайская осень – здесь в Шамбалу где-то тропа,
И Рерихов шелковый путь через гор купола,
Аскат, отраженный в зеленой Катунской воде,
Как будто деревня в распахнутом настезь окне,
Где видевший душу в расщелине в каждого пня,
Кузьма Басаргин, удивлявший когда-то меня.
Алтайская осень – здесь мой не построенный дом,
Где солнце встает, разливаясь багряным пятном,
И музыкой гор наполняется солнечный день.
Алтайская осень – прозрачные воды Уймень
Из озера катятся быстрой и шумной волной.
Алтайская осень, я в ней растворяюсь душой!

Купание

Река, леденящим дыханьем
Касалась натруженных ног,
Своим изумрудным сияньем
Лениво лизала песок,
А день догорал, как и лето,
Ложился на воду закат,
Дорожкой из лунного света,
Вечерний горел солнцепад.
Я в воду входила, как в небо,
Душа улетала, звеня.
Наивно, доверчиво, слепо
Река принимала меня.
Душа растворялась в сиянье

Вечерней, прохладной реки,
Она прикасалась к слиянью
Восторга, любви и тоски.
Река тосковала, и это
Зачем-то, касалось меня
Тоской догоравшего лета,
Мечтой уходящего дня...

На просторах души...

На просторах души вереницами черные пятна,
Будто кто-то ходил по моей заплутавшей душе,
Где уже далеко за пределами точки возврата,
Жизнь моя, как и я, сорвалась на крутом вираже.

И летим мы, летим,
звездный ветер нас гонит по свету,
Омывая дождями просторы мятежной души,
Ни кола, ни двора до сих пор у души моей нету,
Только звездная пыль, да бескрайних небес шалаши.

Я надеюсь, что свет и зима еще выбелят душу,
И любовью наполнят её бесподобный сосуд,
А стихами своими тот свет отпущу я наружу,
Может, счастья кому-то на крыльях любви принесу.

Возвращение...

Мы приехали, мы приехали, открывайте скорей ворота,
Отдалёнными гулками эхами откликается пустота.
Мы приехали, только нет уже ни тропинки, ни дверки в сад,
Но не верится, всё не верится, и не знаешь, кто виноват.
Позабыто всё, всё заброшено, стариков уж нет, и быльем
Все затянуто и разрушено то, что раньше звалось жильем.
А когда-то ведь смехом, песнями был наполнен
родимый дом,

Я танцевала под дождем,
Стихия плечи целовала,
И рассыпаясь серебром,
В траве высокой застывала.
А молний белые лучи,
Пугали и сверлили душу,
И луж кипящих пузыри
Мешали мне стихию слушать.
А ветер листья с кленов рвал,
Собой довольный,
А ветер тоже танцевал
С листвой безвольной.
И я, насытившись дождем
И танцем диким,
Светилась трепетным огнем
И счастьем тихим.

Пока жива моей души страна,
Я ей пою, о ней я петь должна,
Всё ты, Алтай, куда не кинешь взор –
Меж скал ручья холодный разговор
Любовью полон, музыкой с небес,
Храним пургой давно укрытый лес.
Пьянит и несказанно велика,

Бездонна тишина у родника.
А я, тропинкой тонкою пройду,
Зажгу на небе раннюю звезду,
Сольюсь с вечерним треком снегирей
И уроню снежок подтаявший с ветвей...

Упаду во мглу рассвета

Я уйду из этой ночи,
Даже если ты не хочешь,
Быть любимой и порочной
Не могу.
Упаду во мглу рассвета,
Украду кусочек лета,
Небосвод зарей задетый
И сбегу.
Унесу с собой закаты,
Все цветы, что были смяты,
Голоса и запах мяты
И прибой.
Я люблю тебя, «потеря»,
Даже если ты не веришь,
Быть хочу на самом деле
Лишь с тобой.
Бредить буду, верить буду
И искать тебя повсюду,
Все обиды позабуду
И грехи.
Приезжай сквозь ночь и ливень,
И дождем неторопливым,
На тебя прольются, милый,
Все стихи...

Я в весне заблужусь, заплутаю, растаю,
Этим снегом последним судьбу закружу
И мелодию жизни каплей сыграю,
И замерзшими лужами в небо гляжу.

Я в весне, а она, она так же повсюду,
Она в солнечном дне и в мелодии с крыш,
Она требует срочно довериться чуду,
Её дивную песню ты только услышь!

Хрупок наст, ещё солнца не так уж и много,
И в Сибири морозы еще хороши,
Но беспутную душу пленяет дорога,
Утолив эту жажду цыганской души.

Я в весне утону, заблужусь, загуляю,
Я в предчувствии лета от счастья хмельна,
Мне весеннюю музыку марта и мая,
О любви и свободе исполнит весна.

Что нам зима?

Что нам зима, когда тобой дышу,
Душа весной и радостью полна,
Когда к заснеженному шалашу
Крадется оголтелая луна?!

Что нам зима, когда её снега,
Как хризантемы белые в саду,
Как белая черемухи пурга,
Как пена на лазурном берегу?!

Белым-бела метет, кружит зима,
Что нам она, когда сердца горят?!

И пусть она постройки и дома
Одела в белый праздничный наряд.

Что нам зима, когда она светла?
Любовь меня согреет и в мороз,
А что зима морозна и страшна,
То, чисто риторический вопрос.
Что нам зима...?

Метель

Снег хризантемой белоснежной,
Слепил глаза, вихрил в окно,
Метель поземкой безмятежной
Гнала с твоих следов тепло.
Метель, кружа под фонарями,
И звездный преломляя свет,
Ложилась холодом меж нами,
В десяток безнадежных лет.
И волчьим воем завывая
На полнотелую луну,
Душа скулила, замерзая,
В её плену.

Малая Родина

...Падали листья, я родилась...

М.Цветаева

Я родилась в заказнике лесном,
Где все живое борется со сном
Зимой, в холодном, снежном феврале,
Метровым одеялом на земле
Снега лежали, в искрах серебра
Меня встречала матушка-Зима.
Я каплей крови просочилась в Мир,
А мама, мой единственный кумир,
Мне этот Мир, как сказку, поднесла.

Я ею очарована росла.
Озерный край, любимая земля,
Без каменных построек и кремля,
Лишь комары, болота, да леса,
Где сосны подпирают небеса,
Сибирская деревня, милый дом,
Черемухи кипенье за окном.
Там запах разнотравья, пенье птиц
И теплота родных, суровых лиц.
Я родилась в заказнике лесном,
Среди черемух спал уставший дом,
В морозном небе падала звезда,
А на земле стояли холода.....

Моё лето

Лето ранней сединой пожелтило листья,
Очень жалко, что оно пролетает быстро.
Так и я, уже седа, а на сердце лето,
Только чуточку душа инеем задета.
Лето ранней сединой, пожелтило листья,
Но не иней, а роса в травах серебрится,
И душа моя еще плачет и смеется,
Так же чисто и легко сердце еще бьется.
Вот и в жизни у меня – середина лета,
Голова, как мурава, солнышком согрета.
Спелой женской красотой солнце наделяет
И несбыточной мечтой сердце удивляет...

Друзьям

Пусть солнышко для нас светить не перестанет,
Душа моя – клубок из нервов и стихов,
Как Ариадны нить – в пути светлее станет,
Душа моя чиста от связей и оков.

Я душу оголю, как вечности творенье,
И нитями стихов в тугой трехтомный труд
Я душу раскручу, и каждое мгновенье,
И каждая строка через неё пройдут.

Я душу оголю, чтоб всем теплее стало,
Я душу оголю и как пожар в ночи,
Из нитей светлых тех, сотку я покрывало
И всем друзьям раздам от вечности ключи.

Осень, в небе молоко...

Осень, в небе молоко,
Хрусталем покрылись лужи,
Даже если далеко,
Ты мне очень-очень нужен.
Даже если никогда
Не увидим мы друг-друга,
Мой апостол без креста,
Я – твоя святая мука.
Мне с тобой всегда тепло,
И душа с тобой светлеет,
Мне казалось, отмерло,
Оказалось, ещё тлеет.
И тебе хранить тот свет,
Что в душе моей таится.
В жизни хочешь, или нет,
Ничего не повторится.

Я уходила

Я уходила от тебя,
Тепло огней светило в спину.
В дождей неясную картину
Я уходила от тебя.

Я уходила от тебя,
Страницы прошлого листала,
Но мне всего в них было мало.
Я уходила от тебя.

Я уходила от тебя,
Туманы мне дороги стлали,
И греть друг друга мы устали.
Я уходила от тебя.

Я уходила в дождь и ночь,
Листва следы мои закрыла,
И все хорошее, что было,
Со мною уходило прочь.
Я уходила....

Защити...

Защити ты меня, защити
Поцелуем от горестных фраз,
Добротой от ненужной любви
В тот единственный, данный нам час.
Напои ты меня, напои
Сладким медом ненужных мне слов,
Красотой недосмотренных снов,
Горьким счастьем последней любви.
Тихим ветром меня обласкай,
Дивным звуком гитарной струны,
Обаяньем своим обаяй,
В те минуты, что свыше даны.
Защити ты меня, защити,
От недобрых, завистливых глаз,
Расскажи, что у нас впереди,
Сохрани, что осталось у нас...

У Шамана три руки и крыло из-за плеча

А в костер твоей Шаманки солнце пролилось,
Как тебе, мой Цверг дремучий, без меня жилось?
Сколько дней носило где-то Цверга моего,
Как, наверное, устало у тебя крыло?
Отдохни, прошу, любимый, крылья отстегни,
Для тебя в моем окошке — взлётные огни.
Я тебя душой согрею, чаем напою,
Колдовского чудо-зелья и себе налью,
А потом сердечным светом вымощу тропу
И без дальнего прицела двери отопру.
Волен ты в своих полетах, после погрузу,
И тебя, как птицу Феникс в небо отпущу...

Дом

Дом мой — крепость моя,
Дом мой — солнечный сад,
И малины кусты,
И черемухи град.
Дом, где в детские сны
Вдруг вплетается суть,
Дом, где мы рождены,
Где легко отдохнуть.
Дом, где любят и ждут,
Там, где ярче заря,
Где соседки про нас
Говорят, почем зря.
Там, где белый плетень,
От березовых жил,
Там, где в школу пошёл,
Там, где песню сложил.
Где впервые любил
И шутил невпопад,
Дом мой — солнечный сад,
И черемухи град...

Как жаль

Чего хочу я и за чем гонюсь?
Куда летит моя судьба-блудница?
Наверно, снова я ей покорюсь,
А жаль, что не она мне покорится.
Как жаль, что вёсны очень коротки,
Как жаль, что годы очень быстротечны,
И легкие касания руки,
Как зыбкие мгновения не вечны.
Как жаль, что листья улетают в даль,
И терпких фраз оборванные строки
Ложатся на настольный календарь,
И остаются в нём, и одиноки.
Чего хочу я? Может быть тепла,
Чтоб эти строки вновь меня согрели,
Чтоб каждая дописана была,
И чтобы меньше было в них метели?
Чего хочу я? Может быть весны?
Но так же будут вечно одиноки,
Тобою не досмотренные сны,
И мною недописанные строки
Как жаль...

Мы венчались не в церкви...

Мы венчались не в церкви и не в ЗАГСе венчались,
Нас венчали разлуки, нас венчали печали,
Не хотелось мириться с беспощадностью прозы,
Нас венчали метели и осенние грозы.

Нас не только венчали, нас еще и судили,
И синонимом «слезы» слово «радости» были,
И с любовью своею мы носились по кругу,
Доверяя печалям и не веря друг другу.

Мы венчались не в церкви и не в ЗАГСе венчались,
Наши судьбы, как лодки, над водою качались,
И боясь окунуться в ледяное пространство,
Воспевали разлуку за ее постоянство.

У нас не было в жизни не дворцов и не замков,
Лишь молчание лиры, да свеча без огарков.
Мы в глаза не глядели, как в бездонное небо,
И не ведали сами толи былъ, толи небыль.
Мы венчались не в церкви...

Дождемся ночи

Дождемся ночи, суету прогнав
В страну любви, в страну прикосновений
И влажных губ, застенчивость поправ,
Мы окунемся в мир проникновений.

Пусть в зеркалах свечи проснется тень,
Желанья наши в блеске глаз прочтутся,
Любить, любить, забыв про судный день,
Пусть, где не губы, руки прикоснутся.

В предчувствии разлуки миг нежней,
Дороже в сотни раз часов безликих,
Печаль упрятав в складки простыней,
Любимых глаз запоминая блики,

Ты не посмей меня остановить.
Мне на тебя, увы, не насмотреться.
Одно желанье – сердце подарить,
Но как же мне потом любить без сердца?

Пусть по щеке прокатится слеза,
И страсти крик с припухших губ сорвется,
И да пребудут с нами небеса,
И сердце надорвавшееся бьётся...

Лили Акпыжаева-Тягницкая

От автора

Меня всегда привлекали стихотворения с непростым смыслом строк, над которыми нужно было подумать, чтобы постичь прочитанное. Это А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов и др., а также некоторые современные поэты.

Когда творчество захватило и меня, старалась увидеть в событиях, в вещах, в словах не внешний видимый смысл, но внутреннее движение, которое (как любой подтекст) можно показать только символически, образами, художественными строками, иносказательно — в противовес любой прозе, даже рифмованной... Что я вижу в своих стихах, в частности в представленных? Философичность, предстояние на грани жизни. К примеру: в стихе «Поэт-есса» она «переплавлена взглядом креста» — это означает, что участь каждого поэта — выпадать из материального мира ради своего предназначения и до конца нести свой крест. Далее: «не ветром ветру быть» — за кулисой этого словосочетания спрятан тонкий смысл, о касающейся мнимой реальности (то, что мы видим — на самом деле этого может и не быть или быть другим) и т.д.

Надеюсь, что мои стихи остановят на себе внимание читателя, не сторонящегося вдумчивых размышлений о скрытом течении жизни и меры непонятного, забытийного мира.

Новая эпоха

Не сломлен стержень игом смерти,
И над планетною грядой
Без круга стихотворной верти
Не пригвоздить узду уздой.

Не обезжизнить волю волей,
Печатью глаз не оклеймить.
Увековечив буквой роли,
Нам суждено до края жить.

Перешифруем, пересловим
Мы карту бездны всех времён,
И лабиринтами стеною
В эпоху новую войдём.

Перо поэта ищет

Завесу смерти бытия
Раскроет ли художник? -
Что заповедано, клеймя
Пером неосторожным.

Потеря. Боль. Осколки. Дым.
И вместо сердца прочерк.
Не ляжет путь уже иным,
Свет не пробьётся в очи.

И на бумаге жизни след,
Дымящий пепелищем.
В руках художника мольберт.
Перо – поэта ищет.

Не измерить

Правду правдой не измерить,
Не излить слезу слезой.
И твердыню не из тверди
Боги лепят над луной.

Не в прощании прощанье,
И не ветром ветру быть.
Не в гадании гаданье –
Жизнью жизнь не пережить.

Век веками не извечить,
Не спалить огонь огнём.
Не зажечь пустые свечи,
Там, где двое – тень втроём...

За тенью

Сердце вздуется пламенем выюги
От расколотых жизнью дорог.
И крутые надгробные дуги
Свой за тенью оставят трилог.
Загустеют небесные реки,
Остановится облачный спас.
Прорастут ли в душе вновь побеги,
И взойдет ли поэт на Парнас?...

Вечное Ничто

Млечных муз пересечение,
Небо свито на двоих.
Шелест стен над алой тенью
Немотой кричащей тих.

Обескаменное тело
В безымянной тишине
Разыгралось черно-белым
Наугад в своей игре.

Сумрак озером укрытым
Отраженьем лёг на дно.
Несшиваемое сшито –
Вечно встречное Ничто...

Поэт-есса

Пригвожденная, прибукваренная,
Отпечалена зовом любви.
И в обеты свои же влюбленная
Жертву милостью с неба не жди.

Буква в букве – стиходержавием,
Переплавлена взглядом креста.
Отпророчена свыше жатвою –
В слове спрятана на века.

Ты льёшься музой

Ты льёшься музой вечною во мне,
Как тьма неведомым свеченьем.
Волной игривой в смешанной реке,
Звездой, оттаянной волненьем.

Твой дух и образ в переливах сна
Мерцают подписью вне тени.
Любовь твоя за далями близка –
Все также преданна горению.

Услышу оду с посвященных уст
На чаше, взвешенной молчаньем.
Любви довесок – нитями искусств,
Укутанных небесной тканью.

Мы

Мы далеко от порога,
Осень забрезжит в сердцах.
Мелом по тусклому смогу,
Дождем по голым глазам...

Мы капля в капле стихами,
Осколками по лицу.
Не растворимся с годами
Отзвуком в шумном миру.

Мы без Вселенной и точки
Выпадем с круга, как прах,
Звездами, вшитыми в ночь, и
Пеплом, горевшим в веках.

Мы вод морских колесницей,
Обжигом и на ветру
Пламенем в теле пылимся,
В себя вдувая искру.

Половина времени

Время ушло в половину
Многоходовой борьбы.
Небо стояло незримым,
Зеркалил след от луны.

Брошенный в воду твой камень
Эхом наполнил края.
Всё, что сбывалось веками,
И от меня до тебя
Ровно ещё половина
Времени вписана в нас.
Над горизонтом вершина
Свой лик покажет не раз...

За кругом круг

Лунный щит в тебе,
Сто кругов земли.
Семь веков в руке
Зноем звезды жгли.
От влекомых дум
До верховных скал.
Твой псалтырь вернул
Усмиривший вал.

Проживут слова
Взлетом птичьих стай,
И твоя хвала
Приближала край.
Высотой в ширь
Над кругами врозь.
От рожденья в жизнь –
Так всему жилось...

Не угнаться всё ж
За туманным сном,
И, как Бога, ждешь
Без огня огнём.
Разбелёсой тьмы
Пожелтевших граф,
Серебром иглы –
Недошитых глав.
Шаг без шага – шаг,
Горизонта грудь.
Перекрёстный маг
Солнце смог согнуть.
За кругами круг –
Так уносит даль.
Ниоткуда вдруг
Возгорится гарь...

Стих читается и в обратном порядке (снизу вверх).

Валерия Тюхтенева

Пацифистское

На все происки зла отвечаю добром,
А на ненависть – только любовью.
Мне от предков достался тяжёлый геном,
Заработанный потом и кровью.

Он сегодня не даст мне в отчаянье впасть.
Среди лжи и железных риторик,
Средь убогой грызни за богатство и власть –
Колосится в душе моей поле.

На меже, в окруженье хлебов, граф Толстой
Возвышается глыбой над миром,
Где, как прежде, все споры решают войной,
Изошренным оружием, силой.

А над миром звучит: счастье – в счастье других,
Суть гармонии – в правде насущной,
В красоте и добре... Пока мир не погиб,
Распахнём для любви свои души.

Листопадное

Все случайности вдруг случаются
С неизбежностью часа судного.
В позднем августе примечаю я
Жар румянца безрассудного.

Золотой лихорадки признаки –
Листопадные, листопадные.
Очертанья деревьев призрачны,
Их потери – безвозвратные.

Обнажается правда горькая –
Всё конечное вдруг кончается.
Бьются ветки, ветки голые
Под ветрами от отчаянья.

Я надежды свои укутаю,
Как на ветках все почки в коконы,
Чтоб сберечь в них зимою лютою
Будто бабочку – весну робкую.

Про тишину

И всё же вначале была тишина –
Предтечей библейского слова.
Дрожала натянутая тетива,
И слово сорваться готово.

Вот так перед бурей стихнет вдруг всё.
Мгновенья заряжены током.
(В ином измерении мудрый Басё
Слагает из них свои хокку)

Иль утром из кокона, из тишины
Вдруг выпорхнет бабочка однодневка.
Ей имя – Сегодня. Спешим мы за ней...
И нет тишины. Нет свободы.

Сегодня в городе

Сегодня в городе туман,
И дождик из мельчайшей взвеси
На голых ветках тут и там
Гирлянды капелек развесил.
В стволах весенний бродит хмель –
Сильней любовных приворотов.
По лужам шлёпает апрель
С охапкой первоцветов. Кто-то
Огня добавил в краснотал,
Посеребрил верхушки вербы.
Из поднебесья прозвучал
Клич журавлиный, самый первый.
А я стою, как истукан,
Душа воробышком несмелым
Летит на зов через туман,
Теряясь за земным пределом.

Октябрь. Утро

Вдруг ошетинится хребет горы
Непроходимо жёстким сухостоем,
И сквозь него покатит на прорыв
Светило – крутолобое, златое.
И поплывут навстречу небеса.
Им вслед махнёт крылом жар птицы тополь.
В катунских водах вспыхнет бирюза –
Река припомнит цвет первоистока.
На берегу – вкрапление осин
В берёзовую, охристую гамму,
Где ворон, новый день провозгласив,
Напомнит мне – зима не за горами.

Август

Август. Дождь акапельно
Поёт мне всю ночь.

Август. Яблоки спеют,
Ко Спасу точь-в-точь.

Август. С неба стекает
Рекой благодать.

Август. Не зарекаюсь –
Любить и прощать.

Груши. Натюрморт. Масло.

Сводом евклидовых геометрий –
Ломаных линий, углов, плоскостей,
Досок не струганных, всё без затей,
В кущах садовых стол неприметный

С россыпью груш из пиршеств осенних
Бражных избранников – трутней и ос.
Вновь благодатное время сбылось –
Охрою спелой, тёплым свеченьем,

Плотью медовой, сочной, округлой –
С плавным изгибом нездешних лекал...
В осень плывёт, как в открытый портал,
Стол деревянный сказочным стругом.

Поздний ужин

А.Е.

Готовлю поздний ужин на двоих.
Делю на полумесяцы, на дольки
Мускатной дыни плоть. Весь мир затих,
И лишь луна надсмотрщиком невольным
Следит за мной, чтоб в жертву принесла
Янтарный плод без слёз и причитаний.
Следит за мерою добра и зла.
За тем, как лишними слова вдруг станут.
Как времени поток уносит жизнь
В нездешние края, людскую память.
Теперь лишь там придётся мне дружить
С девчонкой-одноклассницей. И с нами
Ещё был славный град Новосибирск.
Делили юность на троих. Мечтали,
Что будущего сливочный пломбир,
Подарит радость без следа печали.
Но было поровну всего сполна,
Как в равноденствие – в твой день осенний,
Где ночь и день – одна величина.
Всё так, но без тебя сгустились тени,
Мне не хватает ясных глаз твоих –
Свидетелей побед и поражений.
За суетой промчалась жизнь, как миг,
И не было прощаний и прощений...

Готовлю поздний ужин на двоих.

Пограничное

Поздний осенний вечер.
Звенела полынь-трава,
Рыжий бродяга ветер
В губы меня целовал.

Чёрные тени-птицы
Слетали тучей с горы,
Чтобы от них отбиться,
Город включал фонари.

Ночью кошмар мне снится –
Роняя на землю пух,
Белые тени-птицы
Цвет поглощают и звук.

Утром тропкой знакомой
Первопроходцем иду
В мир, введенный как в кому,
В снежную красоту.

Зинаида Бузырева

Императрица

Сегодня я императрица,
Со мною свита из бомжей,
Придворных дам потрепанные лица,
Придурковатых армия пажей.
О, мой народ, любимый мой народ,
Готовый за меня в огонь и в воду,
Мечтателей никчемных сброд,
Идите, я дарую вам свободу!
Нет, не уйдут. Мне преданы они.
И я сама покинуть их не в силах.
Как символ недостигнутой мечты
Мой замок приютил всех серых, сирых...

Про встречу с Лирой

Мы встретились как Чучело с приливом.
Теперь у Чучела пиджак с морским отливом,
Штанина мокрая и очень гордый взгляд!
Ведь в море окунуться каждый рад.

Откуда Чучело взялось на побережье?
Зачем и где оно стояло прежде?
Никто не знает, да и все это не важно,
Когда с волною спорит Чучело отважно.

Стих про скуку

Шорох мыслей, шорох шин,
Ничего не происходит.
Не найти адреналин
Там, где шорох тихо бродит.
И реальность так скучна
И бессмысленна порою.
И не рвётся пелена,
Принуждая быть в покое.
Шорох мыслей, шорох шин
Час за часом, год за годом.
Расцарапанных картин
Прячу ключья пред уходом.
Даже шины проколю,
Чтобы шорох тот не слышать!
Наконец-то я уйду,
Громко топая по крыше.

О, ветер поднялся. Отлично!
И стало всё так непривычно:
Серость асфальта и небо
Пульсируют динамично,
Оттаявший мусор в движение,
В тонких ветвях шевеленье,
Воздух меняет оттенки,
Звонче в шагах ударенье.
Уже все не так бесконечно
И однообразно беспечно.
Идти уже вовсе не скучно.
Природа, давай ветер встречный!

Корчую лес не сказочный совсем,
Хотя он появился ниоткуда
На месте огорода... и зачем,
Скажите мне, явилось это чудо?
Прекрасных рифм воздушный хоровод
Кружится где-то там, над этим лесом,
И не пробиться им никак в мой огород,
Пока не справлюсь с этой я завесой.

Начальнику Почтамта от почтальона Зины *Объяснительная*

По поводу того, что не пришла в четыре
И не закрыла смену, могу я пояснить –
Дорога почтальона порой длинней и шире,
Чем кто-то, сидя в кресле, мог бы предположить.

Вчера я, как обычно, вышла на участок,
Ничто не предвещало задержки на пути.
Шла бодрою походкой, таких энтузиасток
В профессии почтовой, как я, вам не найти!

И тут случился казус – чихнула я случайно.
При этом на секунду зажмурила глаза,
Споткнулась и в канаву свалилась театрально,
Взмахнув почтовой сумкой, и с криком: «Вот те на!!!»

Итог – снесённый ноготь и грязная штанина,
Которую в Катунь застирывать пришлось.
Пока её сушила и в чувство приходила
Прошло минут пятнадцать, которых не вернешь...

Потом к одной бабуле попасть не получилось –
Про пенсию бабуля забыла, заперлась.
Забор был двухметровым, а я, уж так случилось,
Давно совсем не ниндзя, но все же забралась!

Потом в воспоминания бабуля погрузилась
О том, каким был ловким её любимый дед.
И я совсем забыла о том, что торопилась
И, рот разинув, слушала истории тех лет.

Ещё где задержалась? Так в зарослях малины,
Которые откуда-то явились на пути.
Грибы ещё попались, и целую корзину,
Вернее сумку полную, мне удалось найти!

И нечего мне больше добавить в оправдание,
И в том, что опоздала, вину я признаю.
Прошу чистосердечное учесть мое признание...
Поскриптум: завтра той же дорогою пойду.

Непостижимая бесконечность

Непостижима бесконечность,
Считалось так из века в век.
И эту тайну, тьму и вечность
Познать не в силах человек.

Мы так ничтожны во Вселенной,
Так мало знаем мы о ней.
И лишь учёных труд бесценный
Расширил знания людей.

Вы, одержимые идеей
За грань возможного шагнуть,
Кто вы, учёные? Ваш гений
Открыл нам к звездам дальний путь.

Август

Ничто в природе так быстро
Не пролетает как лето!
Еле его дождёшься,
Глядишь, а уж песенка спета...

Август. Цветёт всё и спеет.
Лето, пора прощаться.
Но каждый ещё всё успеет,
Если хотеть и стараться.

Письмо учительнице

Пишу письмо. Рука дрожит, волнуясь...
Так многое Вам хочется сказать.
Вдруг вспомнила, как в класс пришла, понурясь,
А Вы пытались тайну слёз понять.

И сколько лет потом Вы были рядом,
Следя за детскою моей судьбой
Всё понимающим, серьёзным взглядом.
А я ведь Вам была совсем чужой.

Кто знает, как бы жизнь моя сложилась,
Не будь Вас рядом столько долгих лет.
Учитель! У меня всё получилось,
Я в жизнь свою впустить стараюсь свет!

Пишу письмо. Хочу, чтоб Вы узнали
Какой я стала сильной и «крутой»!
Не смейтесь, просто Вы родной мне стали.
И я хочу, чтоб Вы гордились мной.

Мудрее стану, Вас не обману.
Ведь Вы учили жить, не выживать,
Ещё любить, беречь свою страну
И людям – ближним сострадать.

Пусть будет впереди у Вас лишь свет,
И мир! Пусть будет он без зла.
Желаю Вам спокойных, долгих лет,
Здоровья, счастья и тепла!

Тишина

У каждого своя тишина.
Для меня это – в сердце покой,
Когда ты не спешишь никуда
И не рвёшься отчаянно в бой.
Когда совесть спокойна твоя
И ни в чем себя не винишь,
Этот миг и есть тишина.
Ты её, постарайся, услышь.

Ну что, девчонки

Ну что, девчонки, вот и кончилась зима!
Весну встречаем феерично!
И поздравляем сами мы себя,
И крылья расправляем эротично.
Мы распускаемся как первые цветы
Весною по законам мироздания
Хранительницы вечной красоты,
Прекрасные и хрупкие создания.
И пусть никто такими никогда
Нас не увидит, разве это важно?
Загадочные феи существа,
Их души разглядит не каждый...

Я отмечаю праздник дурака!
Со всеми атрибутами веселья.
За шутки не прибит ещё пока.
Сижу вот, принимаю поздравленья.
У умных много праздников в году,
А у меня один, как день рожденья.
И потому я развлекаюсь как могу,

С утра до ночи, первого апреля.
Увы, на улицах, где властвует весна,
Тревогой опечатанные лица...
Пусть скорее кончится война
И никогда не повторится.
Дурацкий надеваю свой колпак
И, ухмыляясь, топаю по лужам.
Мне можно. Я по званию – дурак,
И я такой кому-то тоже нужен.

Полынные гроздья рябины

Так странно и непривычно –
Небо синей, чем обычно.
И цветы, что уже увядают,
Прекрасны! Так разве бывает?

И что это за наваждение –
Своею люблюсь тенью.
В ладонях держу, как рубины,
Полынные гроздья рябины.

Неужто впустила осень,
Строптивость свою отбросив?
Так странно и непривычно
Счастливей я, чем обычно...

Бодро, с довольною мордой лица
Велик толкаю. Полколеса
Вязнет в сугробе, но мне все равно.
Март на дворе, значит ехать должно!!!

Пакетик кофе – «три в одном» – какая гадость!
Но так бывает кстати он – такая малость
Даёт иллюзию тепла и даже счастья.
Ты прихвати с собой меня!
Вдруг, пригожусь в ненастье...

С дороги свернув, по снегу бреду
Конопатому от сажи.
Чтоб, пусть утонув,
В апрельской чудовищной каше
Добраться до места.
И там, где никто не услышит,
Признаться весне,
Что лишь ею кто-то и дышит.

Ходи знакомыми дорогами

Ходи знакомыми дорогами
От дома к дому почтальон.
Чужие души там, за окнами
Живут и дышат в унисон.

А ты идешь и не касаешься
Ничьей души, ничьей судьбы,
От чуждой жизни отстраняешься
Так, как умеешь только ты.

Просто идёшь, сливаясь с улицей,
Среди людей наедине,
И отраженье твое в лужицах,
Заметь, счастливое вполне.

Ходи знакомою дорогою,
Если тебе на ней легко
И не считай её убогою,
Ведь каждому свое дано.

Увы и ах!

Мне тоже хочется любви! Весной особенно.
Желательно взаимной.
Чтоб романтично пели соловьи.
И я могла бы быть красивой, а не сильной.
Но нету соловьев, увы и ах!
Мужчины мимо пробегают торопливо.
Очки поправлю, смажу герпес на губах
И подмигну сама себе игриво...
Нет, не завидую... Но, может быть, чуть-чуть.
Всем тем, кто чувствует весною вдохновенье.
Весна для одиноких – это муть,
От колеи привычной отступление...

Обострение

Всех взбудоражила весна!
И очень многим не до сна,
У психов обостренье.
Сходят активнее с ума
Они в апреле, чем всегда,
И выдают творенья.
Блестит тревожно психов глаз!
У психа – творческий экстаз,
Скачки сердцебиенья.
Задорно психов нос торчит!
И тянет психа, как магнит,
Туда, где приключения.

Зачем всё так?!

Зачем так часто, больно и обидно!
И многое по жизни раздражает.
И за себя бывает очень стыдно –
Ошибок неизбежность поражает.
Зачем? Ведь все в природе совершенно.
И эволюцией отточено до блеска,
А мы, едва родившись, непременно
Страдаем от ненужного гротеска.
В себе копаемся
И в поисках разгадки
Замшелые грехи перебираем,
А может ветошь ту порвать на тряпки?!
И выбросить, весну встречая!!!

Мы встретились

Мы встретились... Но лучше б не встречались.
Это и встречей то совсем нельзя назвать.
Так глупо вдруг свихнуться в одночасье
И даже неприлично в сорок пять!
Вот правду говорят: «Не зарекайся
Ни от тюрьмы, ни от сумы, ни от любви,
А угораздило влюбиться, так влюбляйся,
Перемечтай, перестрадай, переживи!»
Ещё в народе говорят, что все проходит.
Пройдёт и это, не бесследно, но пройдет.
Уже мозги мои назад вернулись вроде,
И наша встреча превратилась в анекдот.

Всё не спалось...

Всё не спалось...
Путались мрачные мысли.
Где романтичность,
Возвышенность чувств – зависли?
Помню же были,
Были стихи о светилах
И о луне, что сиянием путь осветила.
Что же случилось?
Неужто музык тут замешан?
Будь он неладен,
Свинтил из души моей грешной.
Дар мой утёк.
Не рукопещет небо крылами.
Печально, но факт.
Виджу лишь что под ногами...

Зима

Всё покрыто белым снегом,
Это Зимушка-Зима!
Промерзают пол и стены,
И кончаются дрова.
Мёрзнут тётки на базаре,
Греют в термосе бульон,
И пытается согреться
Быстрым шагом почтальон.
Но никто не унывает,
Снег и стужу не клянет!
Ко всему у нас привычный
И отчаянный народ!

Больше радости и счастья,
Меньше горя и забот
В каждом доме, в каждом сердце
В наступивший Новый год!

Полдень

А в полдень и жить как-то проще.
С похмелья алкаш отойдёт,
И бомж на судьбу днем не ропщет,
И одинокий не так одинок.

А в полдень и дышится легче.
Груз нерешенных проблем
Становится как-то мельче –
Не страшным, не важным совсем.

А в полдень и тени короче,
К нам навсегда привязанные.
Кому-то без них было б проще,
Тени бывают разные.

А в полдень энергия солнца
Вливается в наши вены
И заставляет бороться,
Строя защиты стены.

Озеро

Таежное озеро в чаще глухой
Зеркалом темным блестит под луной.
Замшелый валежник – сплошной бурелом,
Рваная хмарь в небе ночном.

Тайга не безмолвна, жесток её нрав:
Дерева скрип и шорохи трав,
Пугает неопытных не тишина,
А своей жизнью живущая мгла.

Озеро тайны умеет хранить
И именно те, что должны мы забыть:
Детские страхи, ошибки свои
Можно увидеть в толще воды.

Представьте теперь – одиночество, страх....
Вы озеро ищите это в горах.
Звериной тропой, сквозь бурелом,
Один, без ружья, напролом!

Но нужно кому-то всё вновь пережить,
Чтобы простить, отпустить и забыть.
Свободным уйдет и уже никогда
Не станет искать дорогу сюда.

А кто-то приходит опять и опять.
Зачем? Он и сам не может понять.
С упорством маньяка терзает себя,
Фантомов из прошлого в чём-то виня.

Бывали такие, что не смогли
Найти в себе силы, чтобы уйти.
Они так и бродят в плену тёмных вод
Пока кто-то силой их не уведёт.

Таёжное озеро в чаще глухой
Зеркалом тёмным блестит под луной.
Руки изрезаны об камыши.
Вот что ты здесь ищешь? Скажи...

Мир теней

Зачем обманывать себя,
Мечтать о невозможном?
Все, кто был дорог для меня, –
Остались в прошлом.
А я живу. Вот только где?
Одна среди чужих...
И даже счастлива вполне,
Быть может, больше них.
Пусть не хватает мне друзей
И грустно так порой...
Зато волшебный мир теней –
Он мой! И только мой.

Упасть легко, подняться невозможно.
Испачканную душу не отмыть.
Я далеко внизу, меня заметить сложно.
Но я жива ещё, ещё пытаюсь жить.
Таких, как я, наверное, не мало,
Кто удержаться на плаву не смог.
Вас закалила жизнь, а нас сломала –
И сломанных швырнула за порог.
Сама такую выбрала дорогу,
Никто в судьбе моей не виноват.
И стоит ли теперь просить у Бога,
Чтоб Он помог мне выбраться назад?
Спасибо всем, кто в трудную минуту
Не отвернулся от чужой беды.
Неужто правда – мы нужны кому-то,
И кто-то хочет, чтобы жили мы?

Лето

Лето – это солнце!
Лето – это детство!
Радуга эмоций,
Босячное блаженство.
Помнить я не буду,
Что пройдёт и это...
С головой, как в чудо,
Окунаюсь в лето!
Лето – это счастье,
Радость и свобода!
Мир, где и ненастье –
Лишь игра природы.
Мой восторг без меры
От цветов и света!
На любовь быть щедрой
Научусь у лета.

Ольга Истомина

А ниже – осень

Как можно крепче сомкну ресницы
И сразу вижу на небе рать:
Шагают горы вверх вереницей,
И туч отары ложатся спать.

А ветер волен – ему не спится –
Ветрам свободы не занимать.
И скалы чёрной глядят глазницей,
Но не мешают ему летать.

На доли небо разрежет равно
Неторопливый, печальный клин.
Летит, курлыча, качаясь плавно,
А ниже – осень среди рябин.

За нею следом – дожди косые...
Я эти ливни боготворю.
Как будто, видя её впервые,
Я снова осень благодарю.

Про Катунь

Серебристый иней терпких осин
Подморозил тёплым соснам бока.
Из-под солнечных лучей-паутин
Выплывает на просторы река.

Величавостью её покорён,
Лес сосновый до поры онемел,
Впал надолго в летаргический сон,
Стал послушен, оглушён и несмел.

А она, волну поставив ребром,
Заглянула на бегу в тесный грот,
Раздавая то шлепки, а то гром,
Изумрудами дивила народ.

И по травам пробегала босой,
Поднимая в небо тысячи брызг,
На порогах разбивалась слезой,
Восхищая откровенно и вдрызг.

Покоряя не на год – на века,
Разжигая страстным холодом пыл,
Навсегда в себя влюбляла река
Всех, кто рядом хоть ненадолго был.

2020 г.

К вершине

То спуск, то подъём – шагаем!
Последний рывок – вершина!
Ну, вот и достигли цели!
Казалось – недостижима.

У нас под ногами небо,
Снега в нём почти не тают...
А крылья ещё коротки,
Но чувствуем – прорастают...

И нам полетать бы надо,
Как этим красивым птицам,
Желанный полёт – отрада.
Такое и не приснится!

И вот мы летим, как листья,
По лёгкому ветру странствий,
Который привольно кружит
Один в неземном пространстве...

Потом будет спуск и отдых,
Костёр и тарелка с супом,
Дорога домой и вечер.
И пепел воспоминаний...

2020 г.

У каждого костра своё лицо...

К костру стремимся получить тепло,
Которого нам вечно не хватает.
Коль у костра – тебе, брат, повезло!
Его тепло в нас тихо прорастает.

У каждого костра своё лицо:
Вот – лис весёлый с жарко-рыжей чёлкой,
Вот крутится фортуны колесо,
А вот – охотник с новенькой двустволкой.

У каждого костра свои друзья,
Надёжные и верные подруги,
Здесь, у костра, они – одна семья,
И он их греет от разлуки-выюги.

Мотив напомнит песни, что забыл,
Согреет чай в большой железной кружке,
Разгладит складочки помятых крыл,
И околдует ближние опушки.

И мы тепло готовы разделить
На целый мир, по-братски, просто даром!
И может быть кого-то исцелить
Костром души, пылающей пожаром.

2020 г.

Июнь

Вперёд и без раздумий шёл июнь,
Оставив недосказанность ненастья,
Он ветрен был, красив и юн,
И рядом с ним витало счастье.

Они шагали бодро, налегке –
Дни друг без друга были б скучны,
За спинами висели рюкзаки,
Июнь и счастье были неразлучны.

Он тёплых красок на вершины гор
Пролил случайно, мимоходом.
Пригладил трав отчаянный вихор
И тучек любовался хороводом.

Летало счастье от цветка к цветку,
Сверкало каждой каплей речек,
И расправляло крылья мотыльку,
Что зажигал ночами сотни свечек.

Июнь стучался в каждый дом: «Впусти,
И я, и счастье здесь, с тобою!»
Один сказал: «Я занят, друг, прости...»
Другой сердился: Поздно, не открою!»

Лишь ребятишек головы в реке,
Как мячики – хорошая примета!
И замки для июня на песке
Построены, и счастье обогрето!

Сегодня в горы уходил июнь,
Приняв последнее причастье,
Он повзрослел, но всё ещё был юн,
Его в дорогу провожало счастье.

2021 г.

Смотрят вниз облака

Смотрят вниз облака на людей свысока.
Синь небесная стала совсем далека.
Разве только достать с этих гор?
Я достану, на спор!

Ну, а коли достану, то буду беречь,
На охрану поставлю и голос и речь.
Всем по капле раздам – как без сини прожить?
Ни любить, ни простить, и ни гнездышко свить.

Каплю – кошкам, фиалкам, что в доме моём,
Эту – добрым друзьям, с кем мы гимны поём.
Эту – детям, чтоб сладко спалось им во сне.
Ну, и капля, конечно, достанется мне.

2020 г.

Про кошку

Одна на дороге, ночью, сидела вот эта кошка,
Как будто бы поджидала: «Ну, может, вон та возьмёт?
Чего им – людишкам надо? Сиамская! Ну, немножко...
Глаза: голубой и белый. И странно – никто не берёт!

Присутствовала при ловле мышей, пауков и мошек,
Бросали не раз в бермудский подпольно-чёрный квадрат.
И вынесла всё достойно, и тёрлась об их ладошки,
И мыла старательно ножки, а вот ведь – никто не рад!»

Так думала эта кошка той тёмной пропащей ночью
И строить большие планы уже не входило в план.
Все люди – холодные мумии – узнала она воочию,
От них ничего хорошего, а только один обман.

*

Теперь у меня в доме, пожалуй, одна хозяйка,
Она покоряет шторы, как мачту заправский матрос.
Утрами меня будит: «Вставай и вари, лентяйка,
Кому за мышами охотиться – так это ещё вопрос!»

Она за порядок в доме – попробуй не вымыть чашку!
С задержками на работе пришлось «завязать» навек.
Совсем как бы ненароком, она намекает о промашке,
Ко мне прислонившись боком: «Ну, что ты не Человек?»

Мирится с моим нравом, прощает порой ошибки.
Её раздражает веник и старенький пылесос.
Лишь с ними в моей квартире её отношения зыбки,
Во все остальные предметы старательно тычет нос.

На улицу ходит редко – чего она там потеряла?
Не нравятся ей собаки, особенно пекинес.
«Он маленький и лохматый, его только нам не хватало,
С ним песню не промурлычешь, а только получишь стресс!»

2020 г.

Рыжий август

За окном бушует август, ищет что-то в георгинах.
Обронил ключи от лета? Ищет их в цветах-рубинах?
Что потеряно – вернётся, что задумано – случится.
Летний, рыжий, нежный август
к нам не зря в окно стучится.

Позабыть не может, бедный, что давным-давно забыто,
Процедить мечтает нынче благодать дождей сквозь сито.
Чудеса случиться могут! Чудеса ведь безграничны.
Только звёзды в черном небе остаются безразличны.

2022 г.

Баламут

Подходя к дому, Она заметила лежащего под забором незнакомого пса. Густая тёмно-серая шерсть, умный внимательный взгляд, заострённая морда с мощными белыми клыками говорили о явном сходстве с волком. Увидев её, он несколько напрягся и тихонько зарычал. Женщина на мгновение приостановилась, рассматривая его, а потом спокойно, без резких движений, двинулась к воротам.

– Эй, пёс, откуда ты здесь взялся? А какой красивый! Где-то я тебя уже видела... Не рычи на меня, я же на тебя не рычу! Надеюсь, позволишь мне зайти домой?– миролюбиво и ласково заговорила она.

Пес не пошевелился, лишь внимательно разглядывал, изучая её повадки. Аккуратно открыв калитку, она зашла в дом.

А на следующий день, отправляясь на работу, обнаружила его, лежащим на том же месте. Вечером всё повторилось.

Кажется, она вспомнила! Года два назад, возле школы, какое-то время бегал с ребяташками этот пёс, тогда ещё ще-

нок – лохматый, игривый, похожий на молодого волчонка.

– Похож на маламута – древняя порода ездовых собак – вспомнилось вдруг. – Маламут-баламут, баламут-балам – игра слов всегда нравилась ей.

Про таких, говорят в народе: «Его на одном месте не утолкёшь». Молодость, энергия и вера в доброту людей брали верх над осторожностью. Ему хотелось облизать каждого, поиграть со всеми. Но одни совали ему конфеты, булочки, другие замахивались сумками, чтобы не приставал и не замарал школьную форму. Не один раз и пинки приходилось терпеть. Постепенно дети стали терять доверие в его глазах. Кто их знает, что у них на уме!?

Щенок был ещё совсем глупым – удирая от злобных собак и людей, сломя голову бросался под машины. Не раз она видела, как водители в последний момент резко давили на тормоза, и откуда-то из-под колёс, чудом оставшись в живых, выскакивала эта маленькая «бестолковка», вот уж точно, Баламут! А потом он исчез.

«Или кто-то подобрал и приютил, или сбила машина», – подумалось ей. Подумалось и забылось...

И вот год спустя, он лежит целых два дня под её забором. Теперь уже взрослый и грустный пёс. Да, похоже, жизнь изрядно поколотила это, когда-то милое и весёлое создание. Теперь он с опаской смотрит на прохожих, ожидая от них какого-нибудь подвоха, готовый в любой момент укусить того, кто трусливее и убежать от тех, кто сильнее.

– Заболел или лапы повредил, путешественник? – спросила она пса.

Когда принесла ему чашку с едой и осторожно подвинула ногой чуть поближе, пёс тихонько зарычал, встал и предусмотрительно отодвинулся от соблазнительной миски. Но вскоре голод победил осторожность. Пес набросился на еду, одновременно следя за человеком, готовый, если что, в любую минуту броситься на обидчика.

– Ешь, Баламут, ешь. Я тебя не обижу.

*

Пёс не знал точно собственного имени – у него их было много. У кого он за эти годы только не пожил! И везде его называли по-разному – кто как хотел: Барсик, Джек, Кузя.

Последнее время он жил у одного местного гуляки, Фёдьки, который звал его Макинтошем, потому, что не раз, напившись, не мог дойти до кровати, падал рядом с пушистым боком собаки и, умиротворенный уютом, сладко засыпал. Пока хозяин был в забытьи, Макинтош не уходил, терпел – вдвоём, как ни крути, теплее! Но часа через два Фёдор начинал ворочаться, кричать и обвинять во всех смертных грехах кого-то видимого только ему. Пёс на собственном горьком опыте уже знал, что пора уносить ноги...

Один раз, пока хозяин с друзьями допивали вонючую жидкость, Макинтош утащил у них целую палку колбасы. Его пинали за это так жестоко, что в тот день он еле сбежал от них. Отойдя на безопасное расстояние, завалился под первый попавший забор.

И вот эта женщина... Тощая, рыжая со сладким голосом. Он ненавидел её. Сейчас подойдёт и огреет какой-нибудь лопатой, а у него нет сил, чтобы защитить себя... Но она принесла чашку с вкусной едой, поставила недалеко от него и ушла.

Иногда выходила девушка, молодая, весёлая, присаживалась всё ближе и ближе, протягивая ему на ладони кусочки мяса или колбасы.

Постепенно силы возвращались к Макинтошу, но он не уходил, медлил – где ещё его так вкусно накормят? Однажды калитка открылась, появилась та, что постарше, с миской в руках, от которой исходил манящий запах чего-то мясного.

– Ну, заходи, раз пришёл, Баламут!

– Нееет, не обманешь, знаю я вас таких! Сначала «заходи», а потом «пошёл вон!»

Макинтош не пошевелился, молча и с грустью смотрел, как женщина уходила, зачем-то оставив калитку открытой. Чашку с едой она поставила на крыльце. Немного подумав, увидев, что во дворе – ни души, зашёл, поглядывая по сторо-

нам, быстро наелся и, выйдя за ограду, улёгся под забором.

Отныне еду для него за ограду не выносили, а ставили во дворе, возле крыльца. Вскоре рядом появилась просторная будка с настеленной внутри мягкой соломой.

– Там, наверно, тепло..., – подумалось Макинтошу. В ту же ночь, пока никто не видел, он залез в неё и чуть не уснул от нахлынувшего блаженства. К утру надо было бы выйти, но уж очень не хотелось – высунув нос, почувствовал прохладу осеннего утра. По саду подкрадывался, серый туман, как две капли воды похожий на злобного кобеля, с которым они недавно дрались не на жизнь, а на смерть. И Макинтош остался в будке.

Ему опять принесли еду, и снова дружелюбно смотрели и говорили что-то. Их голоса уже не показались ему такими, как у всех, с кем приходилось общаться в последнее время. Они напоминали голоса тех ребяташек, с которыми он играл возле школы, кто гладил его и совал ему в рот конфетки, а он, помусолив их, выплёвывал.

Он лежал, наблюдая за передвижениями новых знакомых, и думал:

– У этой, что постарше, глаза, как у одного знакомого пса, Рекса, с которым я играл прошлое лето – голубые и добрые. А от другой часто пахнет конфетами – теми, из детства. А глаза у неё совсем как у кошек, когда они мечтают, греясь на солнышке – зелёные.

*

Взглянув утром в окно, Она не увидела обычной картины – гор, с торчащими на вершине вихрами уже желтеющих берёз... Огромные полчища белёсых клочков тумана заполнили всё вокруг, казалось, открой только дверь и они ворвутся к тебе – незванные, разгульные и холодные.

Как-то там Баламут под забором, в этом тумане? – подумалось ей.

Одевшись потеплее, вышла во двор и вдруг увидела торчащую из конуры несколько настороженную морду. Осторожно, чуть подальше поставила чашку с едой и отошла в

сторону. Ну, вот и первая победа – собака зашла не только в ограду, но и будку оценила!

Прошла неделя, пёс убежать от них, как видно, не хотел. Но и гладить себя, наученный горьким опытом, разрешил не сразу. А когда позволил, то долгое время косил на всякий случай глазом на новых хозяев – не кроится ли за этой ласковой непредсказуемая жестокая выходка? Но проходил день за днём, месяц за месяцем, а дружеское отношение к нему этих двоих не менялось даже тогда, когда он недоверчиво, со сдержанным рычанием отходил иногда в сторону. Как ни странно, но они понимали, что сейчас у него нет настроения, чтобы подставлять им спину для поглаживаний. В такие моменты перед ним просто ставили чашку с едой, что-нибудь ласково говорили и уходили.

Вскоре, почувствовав себя хозяином и единственным защитником этих слабых двуногих созданий, пёс стал внушительно рычать, пугая проходящих, особенно не доверяя детям и подвыпившим людям – тем, от кого больше всего натерпелся сам.

Как-то на семейном совете было решено, что Баламута надо уже выгуливать.

– Такие собаки энергичны, подвижны и нуждаются в ежедневных физических нагрузках.

На следующий же день они взяли его с собой на прогулку, перевели на поводке через дорогу и стали подниматься в гору. Макинтош забеспокоился не на шутку: «Ну, вот опять от меня захотели избавиться...»

Он пытался вырваться, но та, что повыше держала крепко. Наконец, на вершине отпустили, а ему только того и надо было. Пёс убегал всё дальше и дальше, не обращая внимания на крики...

– Ну, что ж, значит, там ему было лучше, чем у нас, – решили люди.

Каково же было их удивление, когда через четыре дня на том же месте, под забором снова сидел этот пёс! Но теперь он смотрел по-иному – в глазах его явно горело ожидание.

Завидев их, он неожиданно сорвался с места, неуклюже завертелся под ногами, играя, и даже попытался одну из них ласково ухватить зубами за руку, не больно.

С тех пор на прогулках он строго следил за тем, чтобы не упускать из виду ни ту, ни другую – так надёжнее. Возвращаясь, первым мчался к дому, садился рядом с конурой, послушно ожидая подходящую хозяйку, а увидев, падал на бок, всем своим видом говоря: «Не вздумай пройти мимо». И они присаживались возле него на корточки, долго гладили, разговаривали, чувствуя, что ему требуется повышенное внимание. Похоже, он столько времени не получал его совсем.

*

Прошло несколько лет счастливой собачьей жизни! Баламут все эти годы не сводил глаз со своих друзей. Он знал в какое время они просыпаются по утрам и уже прислушивался не стукнет ли дверь, скулил, провожая на работу, прыгал от радости, когда возвращались, ждал с нетерпением вечера, чтобы побегать и поиграть.

Однажды хозяева затеяли ремонт дома. Строители завезли пиломатериал и сложили его на свободном от огорода месте – между домом и его конурой. Теперь он не мог видеть своих друзей постоянно. Их просто отгородили друг от друга. Утром щелкала входная дверь, а никого не было. Они ходили где-то здесь: в саду, в огороде – вроде рядом, он слышал знакомые голоса, но не видел. И Баламут завыл от тоски, сначала подвывал днём, потом и ночью, понимая, что утром ничего не изменится.

– Что случилось с Баламутом? Заболел или предчувствует что-то плохое?

– Я бы давно его уже палкой отходила, – подливала масла в огонь соседка, – ладно вы не спите – ваша собака, а мы, почему должны страдать?!

– Может отдать кому-нибудь в хорошие руки? – размышляла Она, понимая, что не сможет это сделать, даже если найдутся желающие взять его.

– Мама, ну кто возьмёт взрослую собаку, да ещё с таким не простым характером?!

Не выпавшиеся из-за надоевшего воя, они выходили уже сердитые на него, кормили и убегали на работу. Лето заканчивалось, и надо было успеть сделать в доме ремонт. Гулять по вечерам перестали совсем. Баламут плакал всё горше и горше. Он чувствовал, что теряет лучших друзей. Они перестают любить его так, как любили.

Люди тоже недоумевали.

– Ведь он не выл столько лет, в чём причина?

– А может от того, что его отгородили от нас, закрыли весь обзор, ведь он теперь не видит ничего, кроме своей конуры? Да и гулять мы с ним стали совсем мало...

Через день строительный материал был перенесен в другое место.

Радости собаки не было конца – теперь он Их видит! Вот они ходят, собирают малину и разговаривают с ним, а потом обязательно подойдут и погладят. Вот срезают цветы, дают ему их понюхать, а вот пошли на работу, одарив его вкусной булочкой. А вечером, даже если будет некогда гулять, не беда – ведь они рядом!

Лето он не любил – не выносил жару, быстро уставал. А вот осени ждал с нетерпением – ему нравился процесс поиска грибов.

Как-то раз его впервые посадили в багажник машины. По дороге Баламут облаял весь проезжающий мимо транспорт. Увидев мчащегося перед ними на мотоцикле человека, решил догнать нарушителя порядка и из багажника полез напрямик за руль. Да уж, пассажир беспокойный оказался!

Машину оставили у подножия горы и стали подниматься. Увидев гриб, Баламут громко лаял, показывая спутницам находку.

На обратном пути, торопясь домой, бежал немного впереди и замешкался, разрывая встреченную на пути норку суслика. Надеясь, что пёс скоро догонит их, спутницы свернули на другую тропу, решив сократить путь. Прошли не-

много, но собака не появлялась, покричали. Всё бесполезно.

– Да он уже возле машины нас ждёт, скорее всего!

И они прибавили ходу. Но рядом с машиной пса не оказалось. Положив пакеты с грибами в багажник, пошли обратно в надежде встретить его. Но напрасно.

– Мы здесь ищем, а он наверняка уже дома нас ждёт. Дорогу знает, не раз ходили с ним по этим местам.

Приехав домой, побежали к будке – собаки не было.

Они снова отправились туда, откуда только что пришли, оставили машину на прежнем месте, прошли пол пути, на мокрой глине возле огромной лужи, на дороге увидели много крупных, собачьих следов – это он метался, искал их, возвращался несколько раз, пробежал и по одной тропинке, и по той, на которую их угораздило свернуть. А они вышли к машине и уехали, думая, что он уже дома.

– Может, спустился в село и за какими-то собаками помчался?

Два дня они ездили по всем улицам, но пёс как в воду канул.

Без Баламута было как-то грустно и пусто. Мучала совесть – увезли и бросили на произвол.

Прошла неделя, легли спать и вдруг услышали какие-то странные звуки.

– Соседи стучат...

– А вдруг он! Пойду, посмотрю.

В ворота бился, с жалобным повизгиванием, пытаюсь перепрыгнуть, их Баламут. На шее у него болталась верёвка, которую он, к счастью, сумел перегрызть. Влетев, подпрыгнул от радости, коснулся влажным носом её лица, чуть не сбив с ног, добежал до конуры и с размаху брякнулся на бок, поглядывая, как бы говоря:

– Как я соскучился без вас! Больше мы не расстанемся никогда!

Она ещё долго сидела возле него в ночи, гладила, чесала за ухом, говорила ласковые слова, главные из которых звучали примерно так:

– Слава богу, ты дома, здесь твоя обитель, Балам!

Находка

Рабочий день подходил к концу, была среда. Обычно в этот день Нина Ивановна пораньше выключала компьютер, бросала в сумочку футляр с очками и телефон, подаренный ей сыном на день рождения. К пяти часам она уже была «на старте». Раз в неделю, в среду приезжала машина, собирающая мусор – «мусорка», как её окрестили в народе. А пропустить её и не выбросить накопленные за неделю отходы, особенно в летнюю 35-градусную жару было «смерти подобно».

В этот день всё было как всегда. В ожидании «мусорки» на улице кучками толпились соседи, беседа о том, о сём.

– Да... толи дело было раньше – на каждом углу стояли контейнеры. Когда захотел, тогда и выкинул, – мечтательно сказала бывшая учительница. – А тут всю неделю ждёшь с моря погоды, червей разводишь...

– Толку-то, что эти контейнеры стояли? Их раз в месяц опорожняли. Вспомните, они же вечно переполненные были, там и коровы рылись, и собаки, и кошки. Вокруг каждого контейнера – свалка, да вонь! – прервала её мечтания соседка, почтальонка.

– Кто бы к этим контейнерам крышки приварил? Да ещё бы вовремя вывозили. И нормально было бы! А это вот что такое? – и учительница указала глазами на Хоркина, возле которого стояло несколько пакетов, от которых за версту пахло протухшей рыбой.

– Ну, он же рыбак, что вы хотите?! – заступился Куропатов.

– Вместе рыбу глушат и пиво жрут, – подмигнула баба Зоя тёте Зине.

Клячкины собрали три мешка гнилых, уже забродивших груш и отмахивались от пикирующих на них ос.

Гвоздиков, разобрав старую крышу на сарае, подтаскивал мешки поближе к дороге, похрустывая сломанным шифером и утирая рукавом пот с красного лба.

Нина Ивановна и сын, живший со своей семьей на одном участке с матерью, в спешке забежали по двору, собирая остатки накопленного за неделю мусора. Тут подъехал племянник и взялся помогать сыну. И они отправили Нину Ивановну домой.

– Ладно, мам, иди, мы тут выбросим без тебя.

Через некоторое время она увидела их, пробежавших мимо с какими-то озабоченными лицами. Часа два сына с племянником не было видно.

– За грибами что ли уехали? – подумалось ей.

Вечерело. Наконец, она услышала знакомый звук подъезжающей машины, в темноте моргнули фары.

Нина Ивановна выскочила посмотреть каких грибов нарвали.

– Грузди, или подтопольники уже пошли?

– Нет, мама ...

– Уже опять?! Тоже неплохо!

– Сапоги.

– Какие сапоги?

– Женские. Какие ещё!

И тут сын рассказал, что жена не нашла место в доме для новых сапог, купленных ей к зиме, ну, вот некуда было их поставить! Сунув их в пакет, завязала и выставила возле крыльца рядом с мусорными. А тут племянш, Виталька, вздумал доброе дело сделать – помочь выкинуть мусор. И выкинул...

Через час жена хватилась, а сапог и след простыл.

Много обвинений выслушали мужики в свой адрес. Племянш обещал заработать «эти несчастные 10 тысяч» и отдать. Но сыну стало жаль братишку, и они ринулись искать пропавшую на свалку.

На одной, расположенной близ села, им сказали, что машина сюда сегодня не приходила. Пришлось ехать на дальнюю, за 30 км от дома, но и там «мусорки» ещё не было. Зато

внимание их привлекли огромные стаи птиц, летающих и по-хозяйски расхаживающих по горам зловонных отходов, накопленных человеком.

Здесь были огромные беркуты, красиво и плавно планирующие над полем; сытые коршуны с горбатыми мощными клювами; чёрные тучи крикливого воронья, скандально доказывающего свои права на бесплатное питание. Среди этой темной братии вперевалочку, важно расхаживали белоснежные, толстые чайки.

Невдалеке, в маленьком лесочке можно было разглядеть, построенные наскоро, кособокие сарайчики. Оттуда слышались людские голоса. Здесь тоже своим чередом, как ни странно, шла жизнь: хоть и ненадолго, но создавались какие, никакие семьи, на костре иногда готовилась пища, устраивались пьяные драки. Над всем этим летало черное хохочущее воронье...

Наконец, подъехала знакомая машина. Шофёр, выслушав пострадавших, вывалил мусор не в общую кучу, а рядом. Вооружившись палками, они взялись за работу...

Вспомнив, что у Клячкиных были большие, белые мешки с грушами, стали высматривать сначала их – сапоги-то брошены были где-то рядом. Вскоре поиски увенчались успехом. Пакет со злополучными сапогами найден и даже почти не замаран.

Ехали домой молча, каждый думал о своём: племяш – о том, что добрые дела делать больше не стоит – боком выходят – месяц назад у его знакомой украли телефон. Воришек он нашёл, с боем отобрал его у них и, довольный своим, как ему показалось, по-настоящему мужским поступком, понёс его девушке, но дома её не было. Потом попались друзья, с которыми они обмыли его героический поступок... А когда вспомнил про телефон, то в кармане было пусто. Бросились искать и нашли рядом, на дорожке, но уже раздавленный. Пришлось купить и отдать новый.

А сын думал, что за птицами, конечно, интересно наблюдать, но больше он на свалку ни ногой!

Людмила Гришка

Милый август

Милый август, друг желанный,
Жёлтой осени предвестник,
Ты художник долгожданный,
Композитор летней песни.
В палисаде роз цветенье
Вновь распишешь яркой краской,
Нанося мазки в рефрене,
Превратив природу в сказку.
Милый август – утешенье
Для души, так ждавшей лето,
Буйной страсти воплощенье
В тихих утренних рассветах.
Благодатный, щедрый парень,
Изумляющий дарами,
Добрый август, ты шикарен,
Оставайся дольше с нами!

2022 г.

Звени струна

У кого в руках гитара,
Тот сидеть не будет дома,
Тот прольётся в бурной жизни
Ярким песенным дождём.
Кто гитару обнимает,
Тот не будет одиноким.
Плачут струны, льётся песня
С ней по жизни мы идём.

Расскажи как море плещется,
Обнимая берега,
Как в ночи луна-чудесница
Освещает города.
Ты поведай мне, певучая,
Как невзгоды обойти.
И про молодость кипучую,
И про счастье впереди.

Припев:

Ты звени струна гитарная,
Не смолкай в душе моей,
Пой подруга благодарная,
Мне с тобою веселей.

2022 г.

Принимаю

Мне нравится неистовство погоды,
Когда пургою белой валит снег,
Иль в летний зной, сухим полям в угодую,
С грозой и громом дождь берет разбег.

Мне нравится, когда грохочут ветры,
Покой нарушив смерчами шальными
И обрывают лист непрочный с веток,
И барабаны крышами стальными.

Когда шумят, гудят деревьев кроны,
Как будто шлют претензии кому-то.
По проводам и жалобы, и стоны,
Но их никто не слышит, почему-то.

Люблю осенней серости унылость,
Её туманов тихое дыханье.
И принимаю этой жизни милость
Весны неистовым цветеньем в мае.

Концерт тишины

Вуалью опускается над лесом
Таинственная гостья – тишина,
Приподнимая тонкую завесу,
Которой ночь от дня отделена.

И раскрывается в безмолвии своём,
Где каждый звук прослушается чётко,
Наполнив мир манящим волшебством,
И каждый шорох несравненной ноткой.

Лишь тишина поведает душе
Её недостающие мотивы;
И листьев хруст в прибрежном камыше,
И речки колыбелью переливы.
Кузнечиков трезвон и клич сверчков
Продолжит для души повествованье,
И их подхватит аромат цветов,
И ветерка ночное колышание.

Так тишина исполнит свой концерт.
Имеющий да уши, пусть услышит!
Стихом пусть возвещает день поэт,
Художник полотно души напишет.

2022 г.

Как когда-то

Ветер высушит слёзы о потерянном счастье,
Обласкает надеждой, что воскреснешь ты вновь.
Соловьи и весна принимают участие,
Зазывая с небес неземную любовь.

Чудо в жизни хоть раз у кого-то случится,
Надо верить, однажды, непременно придёт!
Очарованный странник сквозь галактики мчится,
Он тебя в этом мире очень скоро найдёт.

Этот день для двоих станет Лунной сонатой,
Майским шёпотом вербы, разливом реки,
И ладони твои, как давно, как когда-то,
На свидании первом, будут греть две руки.

2022 г.

Что попросишь, душа

Что попросишь, душа,
Тем тебя усладить я сумею.
Ты скромна и мудра
И в желаньях не скатишься вниз,
И поэтому я,
Ни здоровья, ни сил не жалея,
Постараюсь исполнить
Твой любой, чисто женский каприз.
Мы, обнявшись с тобой,

Окунёмся в заоблачность далей,
По вершинам пройдем
И по мхам непролазной тайги,
Мы заедем туда,
Где ещё никогда не бывали,
Даже, если придётся
Нам сменить не одни сапоги.
Наслаждайся, Душа,
Лёгкой музыкой горного ветра,
Ароматами трав,
Звонкой арией птиц на заре.
И в ночи вознесись
На вершину таёжного кедра,
Где качаясь, звезда
Шепчет тайну Вселенной тебе.

2022 г.

Русское застолье

Ах, эти русские застолья,
Где льются вина, грея кровь,
Друзей встречают хлебом-солью,
Даря сердец своих любовь.
Здесь задушевные беседы
Перемежает анекдот,
Беззлобно шутит над соседом,
Тот, кто в душе добро несёт.
И песней хоровой, протяжной
Печальный опыт проживут,
И пляской дробной, разудалой
Под каблуком полы прогнут.
Тальянки звонкой переливы
Раскроют двери в глубь души,
И чисто-русские мотивы
Прольются трепетно в тиши.

Страна хлебосольная

Я – Россия, страна хлебосольная,
Я полями, лесами раздольная,
Да ручьями, морями глубокими
И горами до неба высокими.
Я – Держава народом богатая,
Широтою степи необъятная,
Русским Духом Отечества крепкая,
Вере истинной беззаветная.
Я – Империя Космоса сильная
И дождями-снегами обильная,
Да в Крещенский морозец купелями,
На Ивана-Купалу качелями.
Я в беде никого не бросаю,
Всему миру всегда помогаю,
Дорогих своих братьев блинами
Я на Масленицу угощаю.
Созидание – мой Ориентир!!!
Я хочу, чтобы в мире был Мир!
Пусть всем людям на нашей планете
Каждый день Солнце яркое светит!

2018 г.

Пробуждение

Однажды ты проснёшься не таким,
Каким прожил свои десятилетия.
И удивишься, мир застав другим,
Узнав, что солнце нынче ярче светит.
И не такая вишня у окна,
И твой сосед, как никогда, приветлив,
Что облако похоже на слона,
И липы жёлтые чаруют цветом.
Ты чувствуешь, что это не во сне,
Что у бутона розы сердце бьётся,

И стук его в рассветной тишине
В твоей груди, как эхо отдаётся.
И ты, вдруг, начинаешь всех любить
И даже тех, кого ты ненавидел,
Да, в сущности, прекрасна наша жизнь,
Но ты её такой ещё не видел.
Ты простираешь руки к небесам
И просишь разрешить твои сомнения,
Но выбор должен сделать только сам,
Суть в том, какое принято решение.
Как киноплёнку годы прокрути:
Ты думаешь, что жил на белом Свете?
Теперь свободен ты, смелей иди
По обновлённой и живой планете.

Исповедь Чемодана

После очередной поездки в переднем углу прихожей устало вздыхал старый чемодан. Он краем замочного глазка смотрелся в трюмо, разглядывая себя, и размышлял: «Здорово, что мне посчастливилось прожить чемоданом, неутомимым путешественником, я не то, что стул, или шкаф какой. Что у них за жизнь? Стоят себе весь век на одном месте, без движения. А движение – это жизнь. Вот я, всю жизнь проезжал, весь мир повидал.

Помню себя новым! О! Меня тогда на руках носили, пылинки с меня стирали, покрывали аэрозолями для лоска. Вот, жизнь была! Заматывали пищевой плёнкой, предохраняя от царапин! А потом решили, что всё это утомительно, и тут начались мои страдания: ссадины, пятна, поломки.

Довольно значимой утратой была потеря ключа от моего замка, затем меня решили поставить на колеса. Оно, конечно, не плохо, но это была первая операция, когда болтами прикручивали меня к коляске с ручкой. Боль была нестерпимая, но я выдержал, думал, ладно, поносили на руках, теперь

покатаюсь в удовольствие. Но это оказалось иллюзией. Они стали нагружать в меня в два раза больше, ведь не на руках нести. А я задыхался от этого груза, ведь кубического сантиметра для воздуха не оставляли.

Я даже побывал однажды в чужих руках. Это случилось в лондонском аэропорту. Меня тогда перепутали и целых два часа искали моих хозяев. Хорошо, что все обошлось, и я благополучно вернулся в «свои» руки. А в японском порту меня так бросили, что разошёлся боковой замок и выпали внутренности. С перепуга, в спешке, кое-как запихали всё обратно и перетянули меня верёвками так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Думал, не выдержу, лопну за время пути. Подобных случаев у меня немало было; то сломается что-нибудь, то порвётся. Все бока мои иголками истыканы от разных «операций». Уж и не знаю, сколько я ещё выдержу.

Недавно подслушал, будто меня на антресоль отправить хотят. И, хотя это будет самым коротким путешествием в моей жизни, хоть подышу вдоволь, лишь бы под завязку не загрузили!

Новая жизнь чемодана

Обосновавшись на самой верхней полке антресоли, для Чемодана начался период полнейшего покоя. Уже несколько лет к нему не прикасалась рука человека и он, постепенно сжился с мыслью о своей чемоданной доле, и ему ничего не оставалось, как предаваться воспоминаниям о былой жизни неутомимого путешественника.

Ночами он видел сны, в которых разгуливал по огромным проспектам больших городов, останавливался в шикарных отелях и отдыхал на верхних полках поездов. Ему не забыть было гула самолётных двигателей и ярких огней аэропортов, стука вагонных колёс и плеска волны за бортом морского лайнера. В этих снах и воспоминаниях Чемодан был молодым, и впереди у него маячила долгая жизнь, сотканная из множества дорог. Он не испытывал отчаяния от того, что те-

перь это только сны и антресоль – это конечная станция его жизненного путешествия. Наоборот, старый Чемодан был горд и счастлив, что прожил такую яркую и насыщенную событиями жизнь.

Иногда он делился воспоминаниями со стоящим рядом Баулом, который тоже повидал немало интересного на своём пути, но стал не востребованным из-за того, что вышел из моды. Хотя, по сравнению с Чемоданом, он был ещё достаточно молод и изредка в него заглядывали хозяева, чтобы достать или положить какую-нибудь вещь. Чемодан молча наблюдал за событиями, происходящими в людской жизни, не строя иллюзий на свой счёт. Наполненный рукописными черновиками и дневниками хозяйки дома, он исполнял роль архива и знал, что это очень важная миссия в его существовании. С высоты антресоли он наблюдал за суетой жителей дома, и они представлялись ему какими-то маленькими. Когда он был новым и стоял на полу, возле шифоньера, тогда люди казались великанами, особенно его хозяйка, она была высокой и статной женщиной.

Философски размышляя над сутью жизни, он вывел забавное определение, как только поднимаешься над чем-то или над кем-то выше, то всё остальное, мгновенно становится меньше и ниже. Может быть, Чемодан так и продолжал бы бессмысленные философствования, если бы их дом однажды не посетил очень известный художник, который стал другом хозяйки. Увидев раритетный чемодан, он предложил ей обновить эту вещь весьма необычным творческим приёмом, а именно – разрисовать.

Художник освободил чемодан и принялся за работу. Чемодан был на седьмом небе от радости. Помытый и просушенный он впервые ощутил нежные прикосновения кисти художника, а не уколы иглой, во время штопки. Он научился определять краски по запаху и цвету и терпеливо позировал, предаваясь мечтам.

Когда работа мастера была закончена, Чемодан не узнал своё отражение в зеркале. Он был очень доволен и удивлён

новому образу, а через несколько дней его отвезли на выставку авангардного искусства.

Таким образом, у Чемодана началась новая, очень насыщенная эмоциями жизнь, совсем не хуже той, в которой он путешествовал, а даже намного лучше. Теперь он был в центре внимания тысяч людей и бесконечные восторженные комплименты и комментарии в его адрес делали его счастливым.

Хозяйка же Чемодана, перебрав все давние черновики и записи, издала несколько новых книг, с выходом которых у неё тоже кардинально изменилась жизнь к лучшему. Появилось много друзей, да и личная жизнь стала яркой, как на полотнах её друга – художника.

Вот так в нашей жизни происходят чудеса. С появлением только одного человека, всё меняется, как по мановению волшебной палочки. И этот человек – Ты, мой дорогой читатель. Потому что каждый способен изменить жизнь другого человека к лучшему. Это вселенский закон.

Как поют муравьи

На даче шла стройка. Приглашенные на помощь друзья семьи Чупиных с охотой отозвались помочь в строительстве бани. В отведённом месте была устроена кухня-временка. Прошло уже больше половины дня, а баба Люба всё ещё хлопотала с обедом. На первое решили сделать окрошку – день стоял, по-настоящему летний и жаркий.

Мужчины заканчивали укладку верхнего бревенчатого венца. Солнце жарило так, что пот стекал струйками с загорелых тел, и от потери организмом влаги уже хотелось окунуться в живительный бассейн и похлебать холодненькой окрошечки, приготовленной по всем нотам лета: с молодой зеленью, огурцом и редиской. Кваса на даче не оказалось! Баба Люба решила разбавить окрошку лимонной водой.

Для охлаждения питьевой воды, в тени деревьев был вырыт временный неглубокий погребок. В нём стояли пятили-

тровые бутылки с питьевой водой, привезённые из дома. Колодезную дачную воду использовали только в технических целях, а пили очищенную, домашнюю, с центрального водоканала. Баба Люба вынула из погребка холодненькую бутылку и понесла на кухню. А в это время на дачу приехал Павел.

Подойдя к бабе Любе, он поздоровался, поставил рядом с бутылкой ещё одну точно такую же и пошёл к мужикам на стройку.

– О, Паха приехал, – закричали они радостно, приветствуя гонца.

– Привёз?

– Я да не привезу, конечно, привёз!!!

Мужики радостно заговорили и спешно стали доделывать намеченную работу. Время было после перестроечное. С продуктами в магазинах неважно, как и со спиртным. А недалеко открыли частный разливной цех, где продавали водку в свою тару. Вот Павла и откомандировали с пятилитровой бутылкой за горячительным.

Пока мужики умывались, предвкушая аромат накрошенных овощей и чарочки-другой водочки, баба Люба шустро подхватила одну и стоящих бутылок и, открутив пробку, залила окрошку. В нос дал резкий запах спирта. Баба Люба стояла бледная и растерянная, эту ошибку было не исправить! Поели окрошечки! Осознав содеянное, она присела на табуретку и обессиленно опустила руки. Но тут к ней пришло озарение, что лучшая защита – это нападение!!! И, уверенная в своей убедительной речи, баба Люба заголосила так, что мужики съжились.

– Пашка, ты зачем, гад, мне её сюда принёс? Какой только дурак додумался водку в пятилитровую бутылку наливать? Вот и ешьте теперь, заодно – и выпил и закусил! Пять мужиков склонились над кастрюлей с окрошкой, и каждый из них, был похож на того журавля в сказке, когда он пришел в гости к лисе, а съесть ничего не смог. В общем, водку-то баба Люба не всю вылила, осталось мужикам на разогрев, с устатку, да и самой ей тоже налили, а окрошку под прощальный груст-

ный взгляд вылили в овраг. То-то муравьи там пировали не один день! Если кто не слышал, как поют муравьи, приходите к оврагу, послушайте!!!

Откройте дверь...

В первом подъезде пятиэтажного дома было двадцать квартир. В них жили разные люди. Разными они были и по характеру, и по профессиям, и по возрасту. Старики и дети, молодые люди и не молодые, добрые и не очень. Но всех их объединяло одно действие, которое они проделывали каждый день в разное время, но в одном и том же месте. Речь идёт о Входной Двери в подъезд, а именно, в её открывании и закрытии.

Дверь знала прикосновение каждой руки и ощущала настроение любого из жильцов подъезда. Она была старая и страдала недугом, как и всё старое, износившееся – скрипела! Многие привыкли к её скрипу, а те, кто не привык, чертыхались всякий раз, открывая её. Скрип был таким пронзительным и тошным, что долетал до пятого этажа. Там, в двух квартирах проживали семьи с детьми-школьниками.

В школу и домой ребята с грохотом и громкими воплями летели по лестнице и с разбегу влетали в дверь, которая с визгом распахивалась и громко хлопала о дверную коробку, получая очередное «сотрясение мозга». Урезонивать детей зачастую принималась старушка из первой квартиры. От этих хлопков ей доставалось больше всех! Она нестерпимо мучилась мигренью и постоянно перетягивала голову тугой повязкой.

Входная Дверь была прочно прикреплена шарнирами к дверной коробке и это была её жестокая действительность, изменить которую она была не в силах. Поэтому ей ничего не оставалось, кроме смиренного существования. Поцарапанная и пробитая пинком пьяного жильца с третьего этажа, облезлая и некрашенная несколько лет, она продолжала

убогую жизнь, каждый раз слыша одно слово, звучащее в сопровождении ужасного скрипа: «Задолбала!» Так говорили все, даже маленькие дети, картавя, произносили это определение.

Уставшие женщины, тащившиеся с работы через продовольственные магазины, держа в руках сумки с продуктами, открывали её ногой и, протиснувшись, не придерживая, отпускали. Входная дверь, со скрипом и ударом возвращалась в исходное положение.

Дни её были настолько безрадостными, что дождавшись ночи, бедная Дверь наслаждалась тишиной и покоем, но когда случались праздники, то и по ночам ей приходилось получать встряску, хотя гостей она любила. Они, в отличие от жильцов, бережно открывали незнакомую дверь, не реагируя на скрип и придерживая от удара. За это Входная Дверь была очень благодарна и думала: «Какие вежливые, добрые! Хотя и незнакомые, а ведут себя тактично и сдержанно. Почему же близкие мне люди, которых я оберегаю по ночам от вторжения непрошенных гостей, поступают со мной так бездумно и грубо?»

Дверь была добродушной и жалела своих жильцов. Каждый раз, при встрече она здоровалась с ними и всякий раз получала удар!

Раньше, когда Дверь ещё не скрипела, часто оставалась открытая целыми сутками. А под лестницей стояли в ряд детские коляски. Всё бы ничего, но в этих колясках находили пристанище на ночь бродячие коты. Молодым родителям не понравилась такая аренда, и они прибили на дверь фиксирующую резину, вот с того момента мучения Двери и начались.

Через некоторое время от ударов о коробку, дверь расхлябалась, заскрипела, а жильцы стали нервными и продолжали одаривать её обидными словами.

– Лучше бы они открыли меня настежь и подпёрли кирпичом! Хоть немного бы успокоились от раздражения и досады.

Входная Дверь считала себя виноватой в том, что приносит столько огорчений своим людям, но объясняться с ними ей было не дано.

Наступила весна. Жители многоквартирных домов принялись наводить порядок на придомовых территориях и в подъездах. Многие меняли старые двери на бронированные. И тут жильцы первого подъезда задумались. Их мнения разделились. Одни говорили, что дверь можно отремонтировать, смазать, и она прослужит ещё сто лет. Другие кричали, что она отжила свой век и её надо выкинуть на помойку. Поговорили и разошлись.

Прошёл месяц, они по-прежнему продолжали произносить в её адрес своё коронное: «Задолбала! А Первого апреля, проснувшись, жители подъезда обнаружили, что двери на месте не оказалось!!!

Влип!

Филипычу шёл уже седьмой десяток. Здоровье всё чаще давало сбои: то в спину вступит, то колени выворачивает, особенно перед непогодой по всем ночам не спит, а только кряхтит и мычит от боли. Его жена делала множество разных настоев на травах и корнях и, перемежая с прописанными доктором мазями, всё это, почти каждый день втиралось и прикладывалось на разные части тела Филипыча. Однако облегчение было недолгим, поэтому наш страдалец не мог не пожаловаться и рассказать о своих недугах всем соседям и знакомым. Получив от них новые «полезные советы» и рецепты приготовления целительных, «чудодейственных» мазей и настоев, он приходил домой и азартно принимался вещать о них терпеливой и заботливой жене. И снова готовились баночки и скляночки со всякой всячиной. Однажды Филипыч пришёл воодушевлённый и заявил жене, что больше он ничем лечиться не будет, что городской врач посоветовал соседу Митрию панацею от всех костных болезней. Он

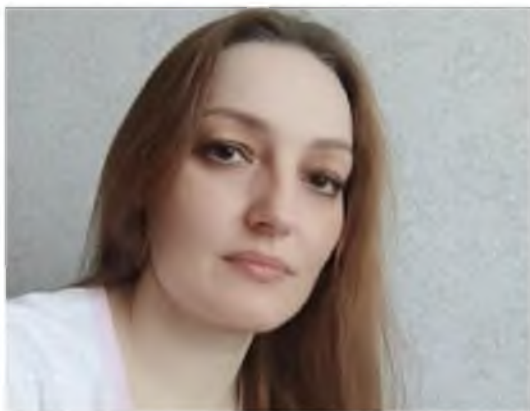
испробовал и «как на свет народился» – ходит ровненько и хромать перестал.

Утром Филипыч спешно собрался и отправился на рынок. Возвратившись домой, он с гордостью вынул из внутреннего кармана пиджака стограммовый флакончик с надписью «Живица пихтовая». Аннотации по приёму этой спасительной пахучей жидкости не было. Филипыч с нетерпением ждал вечера, чтобы опробовать новый метод исцеления. Он налил в ванну воды погорячей и добавил в неё несколько капель. По всей квартире сразу же разлился аромат тайги. Филипыч уместился в ванну и, полежав несколько минут решил, что для такого количества воды нескольких капель будет маловато.

Чтобы усилить лечебный эффект, он открыл флакончик и залпом вылил из него всю живительную смолку. Полежав ещё немного, он почувствовал, что ему нехорошо, выбрался из ванны и принялся вытираться полотенцем. Но не тут-то было! Полотенце прилипало к телу и больно тянуло за собой густую волосистую растительность, коей Филипыч был щедро одарен природой. В чём мать родила он, со слезами на глазах, вышел к жене и беспомощно развёл руками. И началась у них стрижка, как в овчарне. Жена, вооружившись ножницами, весь вечер стригла деда, смеясь и плача. После этого Филипыч как-то, сам того не замечая, хворать перестал; ни мазями, ни настойками больше не натирался. Видать и впрямь живица-то панацеей оказалась!

Юлиана Семенцова

Над городом

Дремлет город в дыму и в пыли,
Предрассветной окутан печалью;
Разомкнув притяжение земли,
Я над городом утро встречаю.

От касания первых лучей
Обновляются мысли и воздух;
Доверяясь улыбке твоей,
Я купаюсь в бледнеющих звездах.

Облаков бело-розовый пух
Гонит ветер привычно и смело,
Наполняя сиянием дух
И упруго звенящее тело.

Окунувшись в чарующий свет,
Пробуждаются краски и звуки,
И меня обнимает рассвет,
Как горячие, нежные руки.

Ты и твоя тень

Однажды, словно хрупкое стекло,
На плюс и минус, холод и тепло,
На свет и тень реальность раскололась.
Мы держимся за острые края;
Что говорит немая тень твоя?
О чем молчит ее беззвучный голос?

Природа – гениальный программист –
Сметает ветром прошлогодний лист
С нагретых солнцем каменных ступеней...
Пусть время передернуло затвор,
Но вера – вдохновенный дирижер,
Художник жизни, мастер светотени.

И ты рукой уверенной пиши
По черно-белым клавишам души
Пассаж судьбы, стремительный и ровный.
Под светом всё отбрасывает тень,
Но главное, и в самый тёмный день
От сердца не отбросить свет духовный.

2008 г.

Сегодня снег

*«А снег всё идёт, падает; идёт, падает...
И мы в нём идём и падаем; идём и падаем...
А шар всё встряхивают и встряхивают;
встряхивают и встряхивают...»*

Линор Горалик

Сегодня снег не падает – летит,
Срывая неподвижности заклятье;
И я навстречу – в снеговой зенит –
Раскинув руки, распахнув объятия.

Рождественская сказка наяву –
Встряхнулся мир внутри стеклянной сферы;
Я в каждый миг рождаюсь и живу –
Открытие, рождающее веру.

А по другую сторону стекла,
Где бесконечность звёздная искрится,
Два снежно-белых бережных крыла
Не позволяют шарiku разбиться.

2021 г.

Под деревом

Раскрыты все теории,
На практике проверены,
Но кто-то вновь историю
Начнет под тем же деревом.

Затянет сетью ласковой
Ветвей переплетение,
И взбудоражит красками
Иллюзия сближения,

И, словно в дни творения,
Пробудится желание
Остановить мгновение
Под деревом познания.

По кругу

Раннее утро. Поздняя осень.
В чашке вальсирует чайная ложка.
Сырость и серость – не вечные гости:
Снежная туча, ударившись оземь,
Белой мукой посыпает дорожки.

Дремлет на ветке смешная пичуга,
Сонное небо нависло над миром.
Жизнь – по прямой, а чайники – по кругу...
Помнишь, как мы согревали друг друга
В маленькой комнатке съемной квартиры?

Я приезжала с приходом заката
Из одиночества в света окружность,
И в изменившихся координатах,
Переступая черту невозврата,
Ты возвращал меня в нежность и нужность.

Шторы в полоску, на стуле компьютер,
Чай и беззвучный мобильник на полке...
Слушая, как проплывают минуты,
Я засыпала. Мне было уютно
В старой твоей камуфляжной футболке.

Поздняя осень. Раннее утро.
Ночью кружила по улицам вьюга.
Крыши засыпаны сахарной пудрой,
Чайная ложка блестит перламутром,
Жизнь – напрямую, а нежность – по кругу.

Очевидные вещи
моей сестре Марине

Под вуалью великих секретов
Разгляди очевидностей россыпь:
Все стремятся к единому свету,
Но у каждого собственный способ

Пить блаженства медовую сладость
И полынную горечь утраты,
И в печаль погружаться, и в радость,
И в шелка облачаться, и в латы;

Верить людям, любить, ошибаться,
Побеждать, разрывая границы,
Падать в пропасть и вновь подниматься,
Собирая себя по крупицам.

Разжимая железные клещи,
Согревая дыханьем чернила, –
Осознать очевидные вещи,
Их глубинную мудрость и силу,

Словно жемчуг, покрывшийся пылью,
Окунули в кристальную воду:
Быть собою до кончиков крыльев –
Это высшая степень свободы.

2016 г.

Откровение

Я пред тобой, мой Светлый Вестник,
В сиянии Твоих очей;
Тебя, Хранитель мой небесный,
Храню и я в душе своей.

В тиши, глубок и жизнетворен,
Коснулся сердца голос Твой;
В его звучание, как в море,
Я погружаюсь с головой;

Я чувствую Крыло и Руку,
Я постигаю явь и новь,
И благодарности науку,
И безусловную любовь.

2020 г.

Новый день

Пусть еще пылают, как в огне,
Парков золотые анфилады,
Осень растворяется во мне,
Словно в кофе кубик рафинада;

Тает с каждым маленьким глотком:
Было? Или, все-таки, приснилось? –
Лето лимонадным пузырьком
Также, только раньше растворилось.

Быстротечность обучает влёт
Видеть обе стороны медали:
Два обычных слова – «всё пройдёт» –
Могут и взбодрить, и опечалить.

Выбирая из десятков призм,
Забываем в дебрях заморочек,
Что за нами наблюдает Жизнь,
Распахнув сияющие очи!

Тяжесть растворяется в воде;
Тени растворяются в тумане...
Я тебя встречаю, Новый День!
Наступай – таким, каким настанешь!

2020 г.

Воспоминание о полнолунии

Усталости холодная стена
Уткнулась в пустоту оконных стекол,
Сковала ночь огромным желтым оком,
Над головой нависшая Луна.

Багровой тенью замкнутого круга
Бессилье застигает небосвод,
Но ты со мной, и значит все пройдет –
Тоска и боль, спелёнутые туго,

Тревожный сон, душевные метанья,
Висячий мост над зимнею рекой...
Оттаёт. Схлынет. Снимет, как рукой;
Останутся одни воспоминанья.

И снова открывающийся путь
Наполнит сердце радостью безбрежной,
И обернется кругом осторожным
Свободная от полнолуныя суть.

2007 г.

Встреча

Окрыляюще-легкий вечер
Разливает по лужам небо.
Между нами свершилась Встреча,
Проросла, как сквозь землю стебель.
Как в листву проникает солнце,
Как вода протекает в щели, –
Мы, вчерашние незнакомцы,
Соскочившие с карусели
Вечной гонки за иллюзорным, –
Вновь к Источнику принимаем...
Ты запомнишь меня. Бесспорно.
Я – заполню тебя – до края,
Прозвучав мимолетной фразой,
Окрыляюще-легким скерцо...
Мы друг друга увидим. Сразу.
И коснемся друг друга – Сердцем.

2020 г.

Выбираясь из шторма

Аромат, согреваясь на коже,
Просыпается и оживает;
И, как будто ключом сокровенным,
Открывает заветный ларец...
Мы сначала бываем моложе,
И считаем, что многое знаем:
Детство... Время разбитых коленок;
Юность... Время разбитых сердец.

И потом, выбираясь из шторма,
Ранясь в кровь о прибрежные скалы,
Понимая, что опыт не купишь,
Мы приходим к тому, чтобы вновь
Признавать ограниченность формул
И бессмысленность инициалов,
И на каждом опасном уступе
Выбирать вместо страха Любовь.

Из Любви мы растём и взрослеем,
И не старимся, а возрастаем!
Настоящая зрелость приходит,
Не стыдясь ни морщин, ни рубцов.
От неё, как от Солнца, светлеет,
Согревается и оживает
Уникальность душевной природы –
Аромат самых тонких духов.

2021 г.

Недосонет

Не всякие глаза очами назовешь,
Не всякая вода годится, чтоб напиться.
За сложностью речей обычно прячут ложь,
Являя всем придуманные лица.

За пафосностью поз, порой, такая чушь, –
Одна из форм давно избитых спекуляций.
Наполнить свой кувшин, сорвать завидный куш –
Всем хочется сенсаций и оваций!

Но стоит только лишь за маску заглянуть,
Окажется, что тот кувшинчик пуст и звонок,
А в нем на дне сидит не смеющий моргнуть,
Обиженный, испуганный ребенок...

Что с этим делать – каждый сам решает.
И выбирает.

2019 г.

НОВЫЙ РУБАЙЯТ или ЧАЙ С ХАЙЯМОМ

Нижеизложенное являет собой пример беспрецедентной наглости! Ибо, как ещё назвать столь бесцеремонное поведение, позволяющее пригласить на чай и дружеский диалог самого Гийяс-ад-Дина Абу-ль-Фатха Омара ибн Эбрахима Хайяма, пусть и в переводе Германа Плисецкого? Между тем, имею основания полагать, что ни Герман Борисович, ни Омар Ибрагимович не были бы возмущены такой самоуверенностью. Разговор-то вышел занятный! А впрочем, как знать, как знать...

Хайям:

«Не завидуй тому, кто силен и богат,
За рассветом всегда наступает закат,
С этой жизнью – короткою, равною вздоху,
Обращайся, как с данной тебе напрокат».

Я:

«Если любишь, то места для зависти нет,
За закатом всегда наступает рассвет,
Наша жизнь – не один только вдох, но и выдох,
Приносящий с собой либо смрад, либо свет».

Хайям:

«Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь – два источника мук!
Ибо это прекрасное царство не вечно,
Поражает сердца и уходит из рук».

Я:

«Два источника мук – красота и любовь» –
Метко! Если не в глаз, то, как минимум, в бровь!
Хочешь их превратить в два источника Силы? –
Благодарности чашу для них приготовь».

Хайям:

«Ад и рай в небесах – утверждают ханжи,
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай – не круги во дворце мироздания,
Ад и рай – это две половинки души»

Я:

«У ханжей устрашающих доводов – тьма,
И про рай, и про ад сочинили тома.
Я ж увидела душу лучистой и цельной,
Ад и рай – это две половинки ума».

Хайям:

«Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идёт в кабалу из-за хлеба,
Мне плевать на твою справедливость, творец.»

Я:

«Нет резона считать чьи-то яхты и дачи,
Тратить жизнь на плевки и упрёки – тем паче.
В мире столько ещё не излеченных ран!
Лучше что-нибудь делать, чтоб стало иначе».

Хайям:

«Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг»

Я:

«Пред Землёй все равны у последней черты;
В этой равности нет ни хулы, ни беды:
Опустевшее брренное тело владыки
Даст живому бродяге напиться воды».

Хайям:

«От безбожья до Бога – мгновенье одно!
От ноля до итога – мгновенье одно!
Береги драгоценное это мгновенье!
Жизнь, ни мало, ни много – мгновенье одно»

Я:

«Я смотрела на жизнь много лет на бегу,
Но поняв, что почувствовать Жизнь не могу,
Я притихла, и Жизнь сквозь меня побежала...
Берегу это чувство, Хайям, берегу...»

Хайям:

«Луноликая! Чашу вина и греха
Пей сегодня – на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на Землю, Луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха»

Я:

«Если смерть – лишь одна из сторон Бытия, –
Ты не так уж и мёртв, бесподобный Хайям!
Видишь, встретились мы через девять столетий!
И вообще! Может ты – это прошлая я!»

2020 г.

Знаки

Медленно-медленно я открываю глаза;
Жизнь пробуждается на острие мироздания;
Свет наполняет пространство, движенья, дыханье;
И открывает завесу небес бирюза.

Знаки огня на крутых поворотах пути;
Знаки воды на камнях берегов ожиданий...
Каждый момент новизны обозначен прощаньем;
В каждом прощании важно суметь отпустить.

Медленно-медленно я разжимаю кулак;
Тонко пульсируют вены на хрупком запястье...
Маленькой птичкой, несущей огромное счастье,
Мне улыбнулся с ладони загадочный знак.

Июнь, 2016

Источники

В монохромных амбициях города
Не по-летнему сыро и холодно,
И рекламы фальшивое золото –
Неумело подобранный грим.
Из-за ливня – размытыми пятнами
Притворяются клумбы измятые...
А давай что-нибудь ароматное
В нашей кухне сейчас сотворим?!

Озорными домашними феями
Перемолоты зерна кофейные;
Волшебство – это штука трофейная!
И простая. Как хлеб с молоком.
Аккуратно просеяно прошлое —
Отболевшее льдистое крошево;
Мы оставим себе лишь хорошее,
Остальное – отпустим с теплом.

С неба льет, выбиваясь из трафика,
Монотонная серая графика;
Но она – не помеха для завтрака,
Кто художник, тому и вершить:
Наполняться сияющей прочностью,
Оставаться для Света проточными.
Это важно – вернуться к Источнику,
Это ценно – источником быть.

2020 г.

Татьяна Чанчибаева

* * *

Давным-давно в горах Алтая
Жила обычная семья.
Традиции в ней соблюдали
Отец и мать, и сыновья.
Все уважали труд друг друга
И помогали, как могли.
Отцу однажды стало худо,
К шаману сыновья пришли.
Обряды таинства свершая,
Он им сказал, что надо в путь
На встречу с дѹхами Алтая,
Что лишь они помогут тут.
В семье решили – первым старший
Сынок отправится в поход,
Где Замок дѹхов серый, страшный,
Отцу здоровье он вернѹт.
Сын далеко в тайгу шагает,
И вдруг пещера на пути.

Тут об отце он забывает,
Желая золото найти.
Пещера – испытанье ду́хов,
И сын пройти его не смог.
А в наказание, по слухам,
Как призрак ходит, одинок.
Второй сынок спешит до Замка,
И день, и ночь уже в пути.
От ду́хов новая приманка,
Он сможет ли её пройти?
Перед собою видит горы:
И Адыга́н, и Кулига́н,
И Чаптыга́н с ветрами спорят,
Не покоряясь никогда.
«Я выше вас! Я хан Алтая!» —
Подумал злобно средний сын,
А ду́хи мысли услышали,
И он про цель свою забыл.
Ни про отца уже не вспомнит,
И ни про то, зачем идёт.
Он по тайге невидим бродит,
Никак величья не найдёт.
И третий сын идёт в дорогу,
Берёт с собою тялама́.
– Не надо мучиться в тревоге,
Я возвращусь, эне, ада!
В тайге дремучей к Замку ду́хов
Идёт бесстрашно третий сын.
Родник услышал чутким ухом,
И парень отдохнуть решил.
Попил, умылся, и усталость
Вода святая всю сняла.
Он лёгкость чувствовал и радость,
Прилёг и сладко задремал.
Скала священная приснилась,

Её держал Батыр один,
Чтобы на мать не навалилась,
Что прилегла, устав в пути.
Земля под сыном содрогнулась,
Проснулся он, открыл глаза –
Она действительно качнулась,
И это объяснить нельзя.
Он пред собой увидел камень,
Как богатырскую ладонь,
И мысли спрашивали сами:
«Откуда он? Неужто сон?
Здесь камня не было, когда я
Попил и славно задремал.
На кедрях хвоя вековая,
Святой родник в траве журчал.
Я понял – это знак Кудая,
Не в Замок ду́хов, на белки́, –
К Святой скале, одна такая,
Где след кровавый от руки.
А ду́хи гор везде летают
И слышат мысли и слова,
Всё, что посеял, возвращают,
И сила их всегда права!»
Сын положил терпек на камень,
Он сразу стал похож на стол
Для путников на этом стане,
Кто отдохнуть сюда пришёл,
Чтоб мысли привести в порядок,
Покой душевный обрести.
А кто в своих поступках гадок,
Тому к Рукам не подойти.
И, уходя к скале заветной,
Сын Главный стан благодарил
За это, по́днял дух несметно,
Надежду, веру подарил.

Сын на священном месте славном
Обряд сакральный совершил,
Батыра попросил о главном,
Чтобы отец здоровым был.
Он повязал на крепкой ветке,
Как мать велела, тялама́ –
Для ду́хов к исполнению метки,
Благодарил за всё сполна.
Пришёл домой, отца увидел,
Хворь отступила, понял он.

Да, кто Алтай наш не обидел,
Добром тот будет наделён.

2022 г.

Семья

Бездомный пёс сидел у входа
В огромный новый магазин,
Где перед самым Новым годом
Мелькали тысячи корзин.
Под лапы псу бросали люди
Кусочки хлеба, колбасу,
Поставили собачий пудинг –
Всё безразлично было псу.
Четыре дня назад хозяйка
Открыла двери в магазин,
А псу сказала: «Жди, мой Зайка!
Куплю на ёлку серпантин».
И всё... Остался он бездомным
И ничего не понимал,
Сидел, усталый и голодный,
Хлеб от чужих не принимал.
Скучал, скулил, искал глазами
Свою хозяйку среди людей.

До боли лапы замерзали...
Собачьей дружбы нет верней!
Пёс уловил знакомый запах,
Напрягся в ожиданье весь,
Поднялся, на опухших лапах
Идти не смог. «Мой Зайка! Здесь!
Прости, родной, мне плохо стало,
Врачи на «Скорой» увезли,
Не помню, сколько пролежала,
И как меня они спасли.
Ты отморозил лапы, Зайка,
Сбежала из больницы я.
Я – никудышная хозяйка,
Но мы с тобой одна семья!»

И хорошая я, и плохая,
И спокойная, и лихая -
Я не линия однофазная,-
Ситуации в жизни разные...

Ты говоришь: «Моя святая!
Твоя невинность душу греет!»
А я шепчу, что двери рая
Закроют предо мной, наверно...
Я просто женщина земная,
Грешна, как все земные люди.
Когда мне плохо, я страдаю,
И замечаю тех, кто судит.
Не все ответы в жизни знаю,
И, если лгут, я не глухая.
Пообещала – выполняю.
И горячусь, и затихаю.
Я просто женщина земная,
Молчать могу, сказать умею.

А ты твердишь: «Моя святая,
Твоя невинность душу греет!»

В лаборатории поэта
Слова по полочкам лежат.
Одни в лучах дневного света,
Другие – ночью здесь звучат.
Перебирает очень часто
Слова усталые поэт.
Великолепнее лекарства
Для стихотворца в мире нет!
И мысли рамку обретают,
И чувства – больше не секрет.
Дитя без слёз не вырастает,
Как и твои стихи, поэт!

Люблю свой пенсионный возраст,
Чихаю на авторитет!
Могу гулять до ночи поздней
Сама с собою, тет-а-тет.
Могу молчать, сказать умею,
Смеяться громко и грустить,
От даты в паспорте балдею –
Она подстёгивает жить!
Иммунитет на пересуды,
Рисую губы, и – вперёд!
В душе мне вечно 20 будет,
Всё остальное в стаж идёт!
Люблю свой пенсионный возраст
И шармом радовать бегу!
Мне и 105, и 20! Космос!
А доказать не всё могу...

*Если бы молодость знала,
если бы старость могла...*

Анри Этьен

Если бы молодость знала,
Если бы старость могла,
Больше бы радости стало,
Меньше печали и зла.
Если бы молодость знала –
Жизнь подрезает крыла,
Чаще бы в небо летала!
Если бы старость могла...
Если бы молодость знала –
Ноша обид тяжела,
Можно начать всё сначала!
Если бы старость могла...
Если бы молодость знала –
Годы сгорают до тла,
То доброту бы спасала.
Если бы старость могла...
Если бы молодость знала,
Стёрла б грехи добела,
Дни без помарок писала.
Если бы старость могла...

Елена Попова

Ночной фуршет

А небо ночное до самой земли расплескалось,
И шлейфом из звёзд оно до утра укрывалось.
На млечном пути проплывал луноход,
Салютом в ночи ликовал небосвод.

В ладони я звёзд соберу серпантин,
Наполнив старинный, из глины, кувшин.
Из шкафа достану хрустальный графин,
Давно он наполнен букетом из вин.

Налью полбокала – ночной свой фуршет,
Сияет звездою мне небо в ответ.
Красивый растает парад из комет,
Стихами ложится волшебный сюжет.

Тишина

Тишину я послушаю в поле,
Изумрудный кузнечик поет,
Он на летний мотив на танцполе
День и ночь всем концерты дает.
Где-то рядом, в березовой роще
Соловей на заре просвистел...
Трели лета приятны на ощупь,
Лучик солнца их нежно согрел.
В тишине я слышала много
Разных звуков полет красоты...
У природы большая дорога –
Все земные простые версты.

Я у «сегодня» стала пленной

Прекрасный день спустился мне с небес,
Был полон радости, улыбок и чудес.
Порхала бабочкой я во Вселенной...
Я у «сегодня» стала пленной.

Есть тихий мир, который только мой,
В нем счастье плещется волной –
С удачей выпить день до дна,
Но к вечеру надежда мне нужна.

Лето

Лето приклонилось на колени,
Догорая, день ушел в закат.
От луны дорожка в полутени,
Звезды загораться не спешат.
Потянуло запахом Жень-Шеня,

Ночи наполняя аромат,
При луне кувшинки, как мишени,
Рыбкам их листочки – нарасхват.
Лето в бархат ночи разодело,
Манит за собою как магнит.
В небе ночью пролетит комета,
О рассвете скором сообщит.

Апрель

Он – самый нежный. Он – Апрель.
Подснежник, ветерок, опушка,
Любовь, Надежда и капель,
В лесу волнуется кукушка.
Спешила девушка Весна,
Гуляла в сумерках по крыше,
По лунному пути к мечте,
Смеясь, бежала к солнцу, выше.

Каракольские озера

Здесь утки выводят потомство,
По кедром блудит бурундук,
Теряет с годами проворство,
В глазах затаился испуг.

Озера здесь рябью покрыты,
Здесь горного ветра визиты,
А небо из синего шелка,
И кедр душистая смолка.

Вдоль берега тропы набиты,
Луга разноцветно расшиты,
И речек в озера слиянье,
И горного духа дыханье.

Люблю тебя родной Алтай,
Таежный, горный, чудный край,
Люблю тебя родной Алтай,
Мелодию топшура мне сыграй.
Наполни мне глаза слезой
Прозрачной, нежно голубой,
Наполни воздух ароматом,
Весенним, нежным стань закатом.
Увидеть я хочу простор
Весенних рек, но льда затор,
Стоит как часовой дозор,
Из глыб осколочный забор.

Возвращение

Хочется мне снова возвратиться,
В те места, где глубоко дышать,
Где готова в пояс поклониться,
Да получше место то узнать.
Снова на свидание с мечтою,
Снова в горы к домику с резьбою.
Здесь лесная дрязга, здесь кедровый бор,
Озеро, как сказка, и вершины гор.
Заходите в гости, Хан Алтай вас ждет,
Рюкзаки набросьте и в поход, вперед!
К берегу Катунь, к мысу налегке,
На байдарке лихо – сплавы по реке,
Духам поклониться, воздухом напиться,
И с бальзамом в сердце счастьем поделится.

Осень

Мне кажется, что осень – это бал,
Веселый, яркий карнавал.
Повсюду кружится ее наряд,
Окрасить успевает все подряд.

Мне кажется, что осень – это грусть,
Подруга старости, наверно, ну и пусть.
Приятно листьями подсохшими шурша,
Бредет походкой не особенно спеша.

Леди Осень

Леди осень – рыжая красotka,
Нарядилась пурпурным листом,
И дождей осенних, затянулась нотка,
И охапкой тучи под зонтом.

Кавалеры в танец приглашают,
И на первый – вышла с сентябрем.
Он рябиной осень украшает,
Нежит её солнцем и теплом.

Вот второй с ней танго затевает,
И выходит леди с октябрем,
В танце под ногами иней тает,
И сгорают листья над костром.

Ноября на долгий, белый танец
Леди осень пригласит сама,
И в подарок снега полный ранец
Высыплет к ногам ее Зима.

Долина

Чудная долина, хвойная тайга,
Багаташ могучий – путника мечта.
Синие озера, горная тропа,
Яркими цветами расцвела гора.

Ветер над гольцами, он издалека
Разными путями гонит облака.
Старая легенда, отблески костра,
Звонкая гитара, яркая искра.

Печаль и Осень

Печаль и осень опять подружки,
Кружат листвою, как в карнавал,
Гуляют с ветром они под ручки,
Грустят повсюду, окончен бал.

Земля прикрылась осенним плодом,
Уютным, теплым, ну, словно шаль...
Туман вуалью холодной следом
Крик журавлиный уносит в даль...

На небе хмуром – всем угощенье.
Начинкой снежной и кружевной
Нам осень снова нальет прощенья
И с ностальгией уйдет хмельной.

Александровка – моё село

Александровка – моё село.
С детства я свое селенье знаю.
Я его люблю, оно мое.
Я его стихами воспеваю.

Испокон река – повдоль села,
Широко, раздольно протекает.
Мне она как матушка мила.
Душу красотою исцеляет.

Разнотравьем славятся поля,
Ароматом сердце наполняют.
Все, как в сказке горы и леса,
Солнце светит, с соснами играя.

Жемчугом рассыплется роса,
От лучей как звездами сверкая.
Здесь родней и ближе небеса.
Сторона моя ты дорогая!

У озера избушка вековая,
К порогу осень приглашая,
Из трав душистых чаю наливала,
Вареньем вкусным угощала.

Зима суровая у озера гуляя,
К избушке снега подсыпая,
Дровами жаркими трещала,
В трубе злой вьюгой завывала.

Весна капелью с крыши побежала,
Лучистым солнцем избу освещало
И нежным первоцветом расцветала,
Весенней птицей звонко щебетала.
Здесь лето радужно бывало,
Клубникой поле угощало,
Дождем прохладу навевало,
И тучи молния сгущала.

Август

Нам август подарит остатки тепла.
Согреет нас как теплый свитер,
Сгорает лето быстро и дотла,
И запах спелых яблок несет ветер.

Медовый спас напоит допьяна,
И на губах останется вкус лета...
Насытиться успели мы сполна
В объятиях туманного рассвета.

Августа печаль

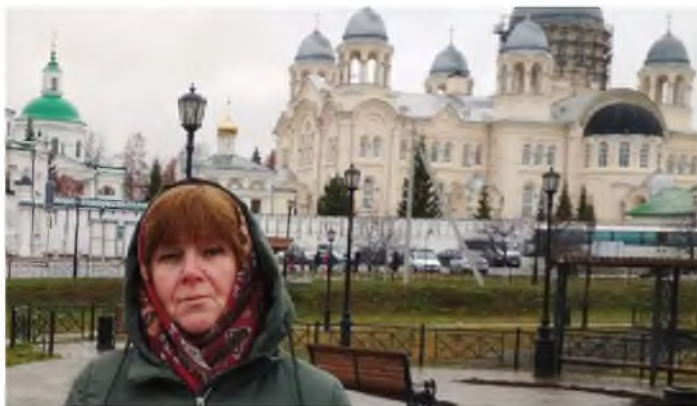
Есть в тихом августе печаль...
Туманным к нам зайдет сюжетом.
Прощаемся мы с нею жарким летом,
Оно покинет нас, как жаль!

Почти неслышно пеняя птиц,
Лишь воронье кричит так скудно.
И стайки молодых синиц
Легят по небу изумрудно.

В ночи купается луна,
В прохладной речке отражение.
Слегка меняются тона.
В серебряном пути течения.

Елена Мансурова

Химия – наука прикладная!

Очень молоденькой девочкой пришла я работать в профтехучилище. Преподаватель химии. Или попросту – химичка. Изучая много разных педагогических наук в институте, я отчётливо представляла, как на уроках рассказываю об удивительных химических элементах, провожу опыты, как ученики мои с трепетом ждут отличных оценок...

В профтехучилище восьмидесятых принимали детей после окончания девятого класса. Те, кто плохо усваивал школьную программу, кто скучал на уроках и донимал преподавателей от «нечего делать», продолжали учиться в ПТУ. Там они получали хорошие профессии и довольно неплохо устраивались в жизни. Но они не были похожи на воображаемых мной учеников!

А тут – ...новая химичка! Урок начинался с ленивых взглядов и потихоньку превращался в откровенный «базар». Я никак не могла их уговорить. Никакие альдегиды и кетоны не помогали мне в этом. Ну, а соли на основе спиртов-алкоголята и вовсе вызвали просто смех у моих учеников! Как только они слышали это слово – вмиг класс взрывался

«ржанием». А завуч постоянно во время уроков проходила вдоль кабинетов по коридору и прислушивалась – как там дисциплина? Надо было что-то предпринимать!

Однажды я вошла в класс и нагло спросила: «А знаете ли вы, почему нельзя ставить брагу в оцинкованной посуде?» И в ответ тишина. Такой тишины я не слышала! Всё, что знала по этому вопросу я спокойно и, как только могла, увлекательно начала им рассказывать. Когда моя история дошла всё ж опять до алкоголя, я почувствовала продолжение тишины – мальчишкам было интересно! Победа!

Решено, сказала я себе, химия – наука прикладная. Буду каждый урок начинать с того, что им интересно. Как увлекательно мы рассуждали о качестве бензина, разговаривали про тосол, обсуждали свойства метана и пропана, проводили опыты с уксусной кислотой... А этиловому спирту вообще посвятили два урока: почему, зачем, а если, то что... Вопросов было очень много!

Завуч меня перестала приглашать на беседы. За дверью моего кабинета (о, чудо!) была тишина. А на педсовете учительница физики поделилась: «Странно! Взяла на проверку конспекты первокурсников, а там на последней обложке у многих рецепт коньяка». Я смотрела в окно...

Так мы подружились. Сейчас, спустя много лет, я вспоминаю уроки химии как нечто большое и светлое. Хотя мне и удавалось проявлять строгость с ними, они относились к этому спокойно. Двоек было много. Предмет трудно постигался.

Когда однажды на парте я прочла – ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ, ЕЛЕНА УЖАСНАЯ – разулыбалась – это моя оценка. Пусть не отличная, но уже не «двойка»!

Новогоднее разочарование

Сергея уже полгода трудился на большом предприятии. Работа ему нравилась. Привык понемногу. Но, если на прежней работе было монотонно – день ото дня занимался одним и тем же, то здесь каждый день был особенным. Шёл на работу и не знал, что день грядущий ему готовил. Много было по-новому: свои порядки, правила, инструкции.

Самым загадочным было помещение химической лаборатории. Работали там три женщины, часто просили помочь. Когда заходил к ним, с удивлением разглядывал пробирки и колбочки с разноцветными растворами, необычные приборы, таблицы и графики. Помогать им было интересно, много нового узнавал. Зачастую просили дойти до проходной и принести или передать что-нибудь тяжёлое. Проходная – это серьёзное помещение, где проверяли на входе, есть ли в тебе пары алкоголя, проверяли вносимое и выносимое, внимательно осматривали, требовали пропуск на вынос материальных ценностей. Но охранники были обычными людьми. Народ подшучивал иногда.

Как-то раз позвонили на проходную и предупредили, сейчас Петров понесёт через пост вакуум. Что бы вы думали, как обыскивали этого ничего не понимающего слесаря! Вакуум искали. Охранники были «на чеку», боялись попасть в просак.

А накануне Нового года случилось вот что. Шёл обычный рабочий день. Инженер химической лаборатории зашла и попросила сходить на проходную и забрать баню. Объяснила, что приехали на машине рабочие из другой лаборатории и хотят её вернуть, месяца два назад они её брали. Сергей оделся и побежал на проходную. Вот это да! Да тут у них на Новый год ещё и попариться можно!

По графику работы оперативного персонала именно его смена работала в Новый год, что омрачало мысли. А тут – такое развлечение! Как здорово! А может ещё и с пивком разрешат! А там и новогоднее застолье. Это зря он думал, что

Новый год встречать придётся так скучно! Интересно, какая она – передвижная баня: с предбанником и окошком, как у соседа по даче?

Добежал до проходной, охранники говорят, что это не просто, надо до начальника караула дойти. Очень серьезно – через ворота провести баню, такого ещё не было. Пришлось Сереге и до начальника дойти. Правдами и неправдами он попытался убедить главного «пропускника», как необходима химической лаборатории эта баня. Сработало! Начальник караула выписал пропуск на ввоз на территорию предприятия бани.

Серега помчался на проходную, где его ожидал рабочий, что привёз «новогодний сюрприз».

- Забирай, – кивнул он на стоящую на столе коробочку.
- Где? – растерянно спросил Сергей, – Где наша баня-то?
- Вот, велено передать...

Ничего не понимающий Серега взял коробку и пошёл в лабораторию.

– Вот спасибо, – бормотала инженер лаборатории, – совсем плохо без неё, приходится выпаривать растворы на плите, неудобно, да и долго.

А когда обедали вместе, инженер объясняла, что эта водяная баня улучшенной конструкции, насколько удобна...

Серега её плохо слушал. Мысли о несбыточном проведении Нового года оказались простым разочарованием...

Игра по правилам

Волейбол – это очень интересно. Во-первых, это подвижная игра. Скажем, в меру подвижная и доступная для людей любого возраста. Во-вторых, это командная игра. Тут нужны сплочённость, терпение, укрощение эмоций. Ну и поддержка болельщиков просто необходима.

В ПТУ, где я преподавала химию, волейболом занимались все: учащиеся, преподаватели, мастера. Была даже для

педагогического коллектива организована группа здоровья: раз в неделю мы просто ходили в спортзал, с удовольствием покидать мяч. Но раз в год, когда организовывалась неделя здорового образа жизни, проводился волейбольный турнир. Участвовали три команды: администрации, преподавателей и мастеров. А вот болельщиками-то были учащиеся.

Администрацию представляли: директор, два его заместителя, старший мастер. Пятой до комплекта выходила на площадку главный бухгалтер Мария Васильевна. Женщина с пышными формами, мягкая как кошечка, с ярко обозначенным косметикой лицом, весёлая и задорная. Но при этом Мария Васильевна была совершенно далека от спорта. На площадку она выходила в красивой кофте, непременно с крупными бусами, с накрашенными губками и в спортивных штанах, выданных физруком. Ей было дано четкое задание: не касаться мяча ни при каких обстоятельствах! Она мило стояла в середине площадки, забавно вертела своей кудрявой головой, пытаясь отследить движение мяча, ну, и весело взвизгивала, когда мяч вдруг попадал в неё. Крупные бусы плавно качались, повторяя наклоны хозяйки. Только мужчины участвовали в перестановке игроков во время игры – делали исключение для этой команды – руководство же!

Команда мастеров была представлена мужчинами и женщинами довольно спортивными. Их работа с учащимися заставляла их носиться целыми днями: ответственность за посещаемость, организация практики и многое другое. Это был самый подвижный состав педагогического коллектива.

И, наконец, мы – самые педагогичные. Мы были разные. Физичка когда-то в молодости занималась легкой атлетикой, постоянно спрашивала физрука под каким углом правильнее стоять под сеткой. Географиня (Чувствуете? Географиня – нечто дворянское!) была слишком далека от спорта, любила журнал «Гео» и все слова с этой приставкой – георгины, геолог, георгиевская ленточка... Математичка, которая считала количественно все шаги по полю при переходе игроков, мне казалось, постоянно что-то умножала в голове. Всех

уравновешивал физрук. Он был главой нашей педкомпании и, можно сказать, единственной надеждой достойного выступления.

Какими бы мы ни были разными, но цель нашей ежедневной рабочей деятельности состояла в том, чтобы сеять, сеять, сеять. То самое – разумное и вечное. А оно всё не всходило и не всходило... Науки, как точные, так и неточные, плохо усваивались нашими учениками. Разногласий было много. На уроках мы – педагоги, были самыми умными и сильными. А вот на волейбольной площадке... Задача была держать более-менее не смешную ситуацию. На любой пропущенный нами мяч зал взрывался овациями. Болельщиков было много. Наше предложение – сдвигать на «попозже» соревнования – не помогало. Все ученики отодвигали свои дела и шли на эти волейбольные игры. Шли, чтоб получить истинное удовольствие.

Трудно передать наши мысли. Но мы держались.

Самой сильной была команда администрации. Видимо, сказывался возраст мужчин. Помните, поколение пятидесятих выросло на дворовых футболах и волейболах? В каждом дворе самым главным было баскетбольное кольцо. Спорт любили. Им занимались постоянно. Второй немаловажный момент – начальство. Трепет при подаче мяча в команду администрации испытывали многие. Потому, неоспоримо, они выигрывали все встречи. Да! Ещё и Мария Васильевна постоянно, как самое яркое пятно, отвлекала внимание мужчин на противоположном поле. А вот борьба между мастерами и педагогами шла упорная. Несомненно, команда мастеров была сильнее. Спортивнее. Я очень боялась, когда мяч был направлен в кого-то из нас, среди болельщиков с азартом раздавалось «глуши её!» Надо было иметь мгновенную реакцию, чтоб отвернуться от мяча. Удавалось не всегда. Но мы держались. И, на удивление и разочарование болельщиков, всегда побеждали. Почему? Просто команда мастеров состояла из игроков. Каждый считал себя сильным спортсменом. Если кто-то пропускал мяч, или подача была неудачной, на

поле начиналась ругань. Озлобленность, негативные эмоции не позволяли мастерам сосредоточиться. Если же подобная ситуация случалась в игре с нами – мы начинали подбадривать друг друга – ничего, надо держаться.

– Вы встаньте так, а вы подальше от сетки, – физрук вёл с нами себя сдержанно и, насколько возможно, интеллигентно.

Когда заканчивался турнир, подводились итоги, болельщики угрюмо молчали. Очень им хотелось увидеть наше поражение. Но на утро мы опять стояли у доски и требовали, чтобы росли семена, посеянные нами – семена точных и «неточных» наук. А на перемене почти неделю обсуждалось, что было по правилам, что – нет. Может я ошибаюсь, правило одно для спорта и для жизни – чтобы не проигрывать – держаться. Друг за друга. А вот за какую команду выступать, каждый решает сам.

Ёлка – хорошо, а две ёлки – лучше!

Какие чудные эмоции вызывает Новый год! Особенно прекрасна подготовка к нему. С детства помню ощущение мороза, генеральную уборку всей семьёй и вот – долгожданная ёлка с завораживающим запахом вваливается в квартиру. Папу за ней даже не видно! На всю большую комнату одна Ёлка. Шумная суета – она должна стоять именно здесь, да так, чтобы не упала! Да так, чтоб самой красивой стороной к входу! О том, как наряжали, можно писать романы. Ёлочные игрушки помню очень хорошо. Мама каждый год старалась по несколько штук докупать. Вот стеклянный домик со снежной шапкой, а вот птичка на металлической прищепке. Как они любили жить на ёлке. Им было гораздо веселее, чем в коробке. У бабушки хранились ещё дореволюционные две игрушки – маленький человечек из папье-маше и стеклянный шар небольших размеров. Однажды она достала шар из коробки, и он рассыпался у неё в руках... У каждого свой срок... Очень было грустно прощаться с осколками...

Прошло время. Жизнь моя обросла своими ёлочными игрушками. В преддверие очередного Нового года я как-то возвращалась домой в городском автобусе, напряженно обдумывая окончание года – отчеты, конец полугодия, выставление оценок по химии для моих непонятливых учеников ПТУ (признаться, очень много усилий моих зачастую тратилось бесполезно – химия им просто не поддавалась).

Встречаю ученика своего Вовку.

– Чего это Вы такая печальная?

– Вот, Новый год скоро, а ёлки у меня до сих пор нет, – не отрываясь от своих мыслей, отвечаю я.

– Так в чём дело? Вон у Сережки, друга моего, вообще двойка по химии за полугодие выходит – расстроенный... А, давайте, он завтра принесёт Вам ёлку, а Вы ему тройку и поставите!

Переключаю мысли: «Завуч всё равно заставит поставить, тем более, ну ещё можно поспрашивать, «натянуть» немного... А давай!»

В следующий вечер раздаётся звонок в дверь. Открываю и вижу – стоит Серёжка с красивой ёлкой, а за ним его друг Вадик, и тоже с ёлкой. На мой немой вопрос Серёжка говорит: «Понимаете, ему тоже нужна тройка. Мы подумали, одна ёлка – хорошо, а две – лучше!»

Мой друг — Брежнев

Саша Брежнев ворвался в редакцию нашей газеты вихрем. Выглядел он очень не ухоженно и растрёпано. Во всей его лохматости выделялись глаза. Они всегда светились. Ему всё было интересно. Он закончил в большом городе журфак университета. Женился. Через месяц развёлся. Купил билет на самолёт по принципу «докуда хватит» и прилетел в Красноярск.

Месяца два жил с «коренным местным населением» где-то под теплотрассой, попросту «бомжевал». Почувствовав

первые морозы, Саша пошёл в Горком партии, стукнул себя в партийную грудь и попросил партию послать его куда-нибудь далеко. Так он появился у нас в редакции. Когда секретарша заваривала на кухне чай, она кричала нам «Чаю – хана!» Это означало, Брежнев опять слил себе всю заварку. Пил он очень крепкий чай. Так его и прозвали – Чайхана.

Ещё Саша был влюблён в англичанку местного педучилища. В каждый её день рождения (а этот день был в середине января) он летал на самолёте за розами для неё. Даже когда женился, не изменял этой традиции. Вот такой был Чайхана!

Шло время. И вот, Брежнев, солидно выглядевший, похорошевший, всё также любивший крепкий чай – начальник сельхоз отдела редакции. С ним постоянно случались всякие весёлые истории.

Пять материалов в неделю – это много. Ещё всякие текстовки, колонки новостей под названием «Надои-удои». Не наездишься по командировкам. Выглянет Саша в окно, позвонит в колхоз и напишет, что, где и как. В одном материале так и написал, дескать, были там-то и там-то, пастух такой-то рассказал нам то-то. А через неделю приезжают из этой деревни жители и напрямую к редактору: «Пастух-то у нас глухонемой!»

Но больше всего Саша любил наставлять. В горисполкоме был у него друг с фамилией Дураков. Кстати, в сибирских деревнях и городах – вполне нормальная фамилия. Вот возьми Брежнев и скажи Дуракову:

– Не умеете вы в такой солидной организации общаться, даже по телефону. Вот, например, позвонили мне, я снял трубку: «Алло! Редакция, Брежнев!»

Друг решил к совету прислушаться. Когда раздался очередной звонок из краевой администрации, он ответил: «Алло! Управление. Дураков!»

Понял, как услышали его слова по ту сторону телефонного провода, побежал в ЗАГС и поменял свою фамилию на фамилию жены.

Однажды в отдел к Саше направили практиканта, которому также даны были наставления о корректном общении по телефону. На очередной звонок из горисполкома: «Горисполком, Волк», практикант ответил: «Очень приятно, редакция, Волчонок».

Звонок повторили. Но ответ прозвучал прежний. Что за шутки! Шуму было достаточно. В горисполкоме работали амбициозные люди.

Жизнь состоит из встреч с людьми, из общения с ними, из фраз, которые они оставляют нам. Из маленьких историй... Конечно, состоит она из многого другого. Каждый выбирает для себя. Но моя жизнь – это огромное удовольствие от встреч. Простых встреч с людьми...

Александр Кобзев

Пимики

Рассказ основан на реальных событиях. Дело происходило в Новосибирской области, где морозы зимой достигают минус 30 – 50 градусов. Поэтому для зимы валенки (пимы) – самая лучшая обувь.

Мне было тогда шесть лет. В ноябре я гостил у бабы Вали.

Бабушка, мамина мама, Валентина Михайловна Семёнова (Коновалова), жила в маленькой деревне Колыванского района Новосибирской области.

К концу ноября выпал хороший снег, и морозы были вполне зимние. Я любил после игры на улице забираться на горячую русскую печку. На русской печи забывались сугробы и лютые холода.

Одна беда: в маленькой деревне жили большие дяденьки и тётеньки. А детей я не видел. Разве что соседский мальчик Тимка; ему нечего обуть на ножки, только летние сандалики. Отчего тот всю зиму будет сидеть дома.

— Баба Валя, разве у него нет папы и мамы?

— Его мама второй месяц в больнице. А папа – пьяница, он все деньги пропивает.

— Разве деньги можно пить? — я засмеялся глупой мысли. — Их даже прожевать нельзя!

— А вот халкает и не подавится! Будь он неладен. У него сынишка Тимка, хороший мальчонка, опять без зимней обувки остался.

* * *

С раннего утра у Ивана Ветрова была одна забота: найти! Он разыскал под столом бутылку из-под водки и, сощурившись, долго глядел в горлышко, надеясь обнаружить там хоть глоток зелья. Потом перевернул бутылку вверх дном, наблюдая, не покажется ли хотя бы капля. Потом в двадцатый раз прошёлся по всем сундукам и буфетам, трясая и пытая пустые склянки. В одной бутылке по стенке побежала капля. Ванька дождался, когда капля достигла горлышка и жадно слизал её.

— Тьфу ты! Вода! — плюнул на пол Ванька.

Проснулся шестилетний сынишка Тимка и жалобно заскулил:

— Тятенька, я кушать хочу. Хоть корочку хлеба!

— Цыц! Мне бы твои заботы! У папки голова болит, срочно опохмелиться надо!

— Тятенька, мне бы сухарик! Ма-аленький.

— Обойдёшься, дармоед!

Мальчик замолчал. Он знал, что под пьяную руку можно тумака по голове заполнить.

— Жаль, Тимоха, мамка в больнице лежит. Она бы точно заначку нашла: пятёрку, а то и червонец! Знаешь, как она меня боится! Я кулаком по столу ка-ак застучу, она всё, что угодно разыщет! Пустые бутылки сдать? Всё равно за них ничего не дадут: я и так много задолжал в наш магазин.

На глаза Ваньке попались новые детские валенки: мать Тимохе нынешним летом в Новосибирске купила. Аж в начале лета: запасливая! А водочкой не запаслась!

— Пимы-то кстати! — гоготнул Ванька. — В магазинах детских вещей шаром покати: не привозят даже. В деревне только старики остались. А к Валентине Михайловне внук из райцентра приехал, как раз моему Тимошке ровня! Может, купит Валентина запасные пимы для своего внука?! Тимохе всё равно только на будущий год в школу идти. А сейчас пускай дома сидит! Слышь, Тимоха?! Дома сиди, нечего по улицам шлындать, зад морозить!

Иван быстро оделся и, схватив детские валенки, выскочил за дверь. Уже за калиткой Ванька услышал детский плач.

— Тятенька! Верни пимики! Как я на улку ходить буду?

Ванька оглянулся. За ним бежал Тимоха в одних шерстяных носочках с огромной дырой на пяточке. Жена связала их ещё прошлым летом. Где-то в сундуке валяются новые носки, да поискать недосуг.

— Папка, папка! Верни пимики! В чём я в школу ходить буду?

— Цыц! В школу ты только на будущий год пойдёшь. А сейчас дома сиди! Ну-ка живо домой! — рывкнул Ванька на сына и пригрозил кулаком.

Мальчонка развернулся и поплёлся к дому.

Ванька постучал в дверь соседского дома и, не дождав-шись ответа, ввалил в тёплый дом.

— Валентина Михайловна, купи для своего внука валенки про запас.

— У тебя ж сын есть! Не забыл? Иль совсем ум пропил?

— Не бойсь! У Тимохи ещё с прошлого года пимы крепкие.

— Мальчонка растёт не по дням, ему прошлогодние пимы не налезут даже.

— Налезут. Разносит.

— Иди-иди домой! Не куплю я у тебя валенки! Что ж я совсем без сердца, сироту без обуви оставлять?

— Тимка не сирота! Разве я не отец?! — Иван гневно сверкнул глазами.

— Не отец ты! Изверг! — Валентина Михайловна развернула Ваньку лицом к двери и поддала ему под зад коленкой.

— Иди! Иди, давай!

— Я ж могу сдачи дать!

— Тебе только с бабами да с детьми воевать! Бесстыжая морда! — Валентина Михайловна ещё крепче поддала мужику коленкой и открыла дверь.

Иван нахлобучил шапку и шагнул на мороз.

— Не твой ли Тимофей бежит? — Валентина Михайловна показала на бегущего мальчонку. — Ах, батюшки! Он же босой!

— Папка, отдай пимики!

— Вот паршивец! Как я ему твердил: дома сиди!

— Тимошка, иди, погрейся, у нас дома тепло-тепло! — баба Валя пошла навстречу босому мальчику.

Но ребёнок, увидев сердитую физиономию отца, развернулся и побежал домой.

— Что-то делать надо, а то этот урод угробит мальчонку! — баба Валя собрала в корзинку горячих пирожков и поспешила к соседскому дому.

— Отец, называется! — ворчала баба Валя.

Баба Валя заводила тесто на пироги, мечтая, как накормит меня и соседского сыночка Тимошку. Через несколько часов раздался стук.

— Валентина Михайловна, что делать? Тимоха весь горит. Красный, как помидор.

— Температура?

— Жар у него, аж прикоснуться невозможно! Умирает!

— Ирод! Это ты сына убил!

— Валентина Михайловна, не говори никому, что...

— У тебя на лице написано, что ты сыноубийца!

— Правда? — Ваня подбежал к зеркалу и стал рассматривать отражение.

Ванька изучал своё отражение, особенно тщательно рассматривал глаза, словно впервые видел.

Я лежал на русской печи, смотрел из-за занавески на “этого ирода” и плакал. Мне было очень жалко Тимошку. Всё лето мы играли в игры, о которых он даже не слышал. Тимка был не по годам маленьким. И теперь он умрёт. Я ещё пуще заревел.

— Сашенька, внучек! Что случилось?

— Тимку жалко!

— Валентина, не дай сыночку помереть! Ты же всё можешь: вон каких деток вырастила да на ноги поставила! — Иван встал перед женщиной на колени. — Обещаю: больше ни граммульки не выпью!

— Неси ребёнка ко мне. Я печку пожарче истоплю, пусть Тимошка на русской печи прогреется. Чаем с мёдом напою. В овчинный тулуп заверну. Все хвори на печке выгоню! У меня с прошлого года водки сто грамм осталось, я ребёнку водочный компресс сделаю да укутаю в овчинную шубу. Не мечтай, тебе, ирод, ни грамма не достанется!

— Да я и не прошу! — сказал Иван, глядя, как Валентина Михайловна растирает водкой ножки, спинку и грудь Тимофея. — Лишь бы сыночек жив остался.

Мне захотелось сделать для Тимки что-нибудь хорошее-хорошее. Я достал из вазы большой пряник со сладкой начинкой и протянул мальчику.

— Тимошка, хочешь, угощу тебя тульским пряником?

— Конечно, хочу. Мне редко пряники покупают: папка все деньги пропивает, даже на хлеб денежек нет!

Ваня зарыдал. Потом взгляд его посветлел:

— Тимошка, сыночек, погрейся на печке. Обещаю: с первой же полочки санки тебе куплю. А к лету у тебя велосипед будет! Самый лучший! Летом я с печником Петровичем поработаю подмастерьем. Научусь печи класть. Попрошу нам такую же печку сделать.

* * *

Тимка жил у бабы Вали, пока не прогнали всю хворь. Счастливей ребёнка я не видел.

Мы рисовали, я учил мальчика читать по букварю. На улице мы играли в снежки, строили снежные крепости. Когда мы собирались на улицу, он с особой тщательностью надевал новые шерстяные носки, которые для него связала баба Валя. И новые пимы... пимики. После улицы мы забирались на русскую печь, грелись и смеялись, вспоминая сегодняшние приключения.

Иван Ветров по десять раз за день навещал сына. Первые два-три дня он был мрачным. «Тоскует по своему пойлу», — говорила баба Валя.

Но потом взгляд Ивана посветлел. В один день он появился только вечером. Оказалось, он ездил в районный центр навестить в больнице жену, Тимкину маму.

* * *

Следующим летом я гостил у бабы Вали. В первый же день я навестил Тимошку. Я не узнал его дом: на окнах появилась ажурная резьба, в кухне красовалась новая русская печь.

— Печку я сам делал! — смеялся Тимкин отец.

— А где Тимошка?

— Твой друг на велосипеде укатил, — сказал отец. — Вчера я купил ему велик, Тимофей мигом освоился. Целый час уже по деревне катается. Благо, машины в наше захолустье почти не заезжают.

* * *

Валентина Михайловна вырастила и поставила на ноги сына и пять дочерей. Я помню, насколько баба Валя была доброй к внукам и маленьким детям. А пьянчуг она могла оглоблей по бокам так, что те бежали от неё.

Много лет спустя, когда ростом стал выше бабы Вали, я часто гостил у неё. Однажды накануне нового года я привёз бабушке подарки. В тот год собралась большая семья бабы Вали: дети и внуки.

Я захотел навестить соседского мальчика Тимку.

— Саша, в этом году Тимофей закончил институт, — сказала баба Валя. — Он собирается жениться, привёз знакомить с родителями будущую жену. Навести Тимофея. Он всегда спрашивает о тебе.

В соседском доме шли приготовления к празднику. На столе стояли салаты, плов, пирог. Тимка со своей избранницей дружно накрывали на стол.

В кресле сидел немолодой мужчина в белоснежной наглаженной рубашке. Тимкина мама помогала снохе украшать салаты.

Я обратил внимание, что на столе нет водки, нет даже традиционного новогоднего шампанского.

Тимофей, заметив моё недоумение, сказал:

— Нам вино не нужно! Мы и так счастливы. Мы с мамой так пострадали от водки, не хочу такой участи для своей семьи.

— Я виноват перед сыном! — у Ивана покатилась по щеке слеза. Он подошёл к сыну и обнял его. — Теперь алкоголь для меня под запретом.

— Папа следующим же летом сделал русскую печку, как у бабы Вали. Сам! — Тимофей обнял отца. — Пусть теперь я вымахал больше отца, спать я часто забираюсь на печь, как тогда... Помнишь?

— Как не помнить, — засмеялся я.

— Я храню эти пимики, — Иван достал из буфета детские валенки. — Иногда зачешется в глотке, подумаю: не хряпнуть ли рюмочку? Но достану пимики, да скажу себе: помни свою вину перед сыном!

Иван поставил пимики под наряженную ёлку и сказал:

— Что-то дед Мороз сегодня в эти пимики покладёт?

Аромат жизни

Однажды в июне мы всей семьёй приехали в Речкуновку к старшему брату отца Ивану Арсентьевичу. Иван с женой Марией и сыновьями Сергеем и Владимиром жили рядом с железнодорожным вокзалом. Из их огорода через вторую калитку можно было выйти в сосновый бор. Там пять минут, и Обское море!

В тот день Сергея и Володи не было, они уехали к бабушке Ольге. Поэтому после вкусной трапезы, когда взрослые завели бесконечные беседы, я через заднюю калитку вышел в лес.

Я развалился на траве и размышлял, пойти ли на берег одному или дожждаться взрослых, поэтому не сразу заметил, как ко мне приблизился паренёк лет на пять старше меня.

— Ты чего делаешь в нашем лесу? — с вызовом спросил он.

— С чего ты взял, что лес твой?

— Я живу во-он в том доме, — мальчишка взглядом показал на дома; я так и не понял, в каком доме он живёт. — А ты что здесь делаешь?

— Я в гости к дяде Ване Кобзеву приехал! Сергей и Володя Кобзевы — мои двоюродные братья.

— Серёга и Вовка — твои братья?! Так бы сразу и сказал! Серёга и Володя — мои друзья! Почти что братья! — мальчик подал руку и представился. — Я — Лёха. Будем друзьями! Я тебе покажу самые рыбные места на водохранилище.

— Я дома тоже рыбные места знаю. У нас в озере даже щуки водятся!

— Саня, пошли телик смотреть! Через десять минут фильм «Ко мне, Мухтар!» начнётся. Я свою овчарку тоже Мухтаром назвал! Я Мухтара дрессирую. Вырастет — геройский пёс будет! Тоже станет за бандитами гоняться!

После кино Лёша повёл меня за сарай, где в просторном вольере бегал шестимесячный щенок восточно-европейской овчарки.

— Мухтар, знакомься. Это мой друг Саша.

Мухтар подбежал ко мне и лизнул руку.

— Мухтар знает, что ты — настоящий друг!

Потом Лёша повёл меня за баню.

— Саня, я тебе что-то покажу! — Лёша достал из тайника полную пачку сигарет «Друг» и показал картинку. На сигаретной пачке была восточно-европейская овчарка. — Смотри: на фотке наш Мухтар!

— На фотке взрослая собака, а твой Мухтар ещё щенок, — сказал я беззвучно: пусть тешит себя!

Лёша увлёк меня за руку в самый заросший уголок сада и протянул сигарету.

— Давай покурим! Это самые лучшие сигареты, потому что здесь мой друг Мухтар сфоткан!

Курить я не умел: просто набирал полный рот дыма и сразу выпускал его, будучи уверенным, что это и есть курение. Мы, поминутно оглядываясь, пыхтели дымом. Потом жевали укроп, чтобы заглушить запах табака.

Потом Лёша выпустил из вольера Мухтара, и мы пошли на берег Обского моря. Мы купались на мелководе, а пёс приносил брошенные в воду палки.

— Ищи, Мухтар! — и пёс мгновенно находил спрятанную в траве Лёшину футболку.

— Твой Мухтар — настоящий друг! — похвалил я собаку и потрепал по холке.

Через три года мы снова были в Речкуновке. Своих братьев я нашёл в летней кухне, они готовили снасти для рыбалки.

— Как Лёша с Мухтаром поживают? — спросил я Сергея и Володю.

— Мухтар погиб! Геройски! — Сергей оставил снасти и пригласил меня следовать за ним.

Через пять минут мы были у Алексея. Впервые я видел Лёшу плачущим. Плакал он громко и неутешно.

— Мухтар погиб!

Алексей достал пачку сигарет «Друг», посмотрел на добрую собачку на пачке и заревел ещё пуще.

— Он мне жизнь спас! А сам погиб... героически! — сквозь слёзы говорил Алексей.

— Что случилось? — спросил я.

— Лёшины родители в санатории работают, — рассказал Володя. — Отец предложил Лёшке на летних каникулах поработать. Заработок неплохой. И вот, нёс Алексей домой первую получку. Мухтара приходилось в ограде на цепь привязывать, чтобы в санатории людей не пугал. Шёл Лёша через бор, деньги в кармане были. Привязались два мужика. «Гони деньгу, а то убьём!» — кричали мужики, а у одного, самого здорового, — нож в руке.

Алексей немного успокоился и продолжил:

— Если бы Мухтар был здесь, думал я... А он дома на цепи сидел. Один грабитель мне ногой прямо в живот заехал. Я от боли взвыл. Лежу на земле, грабители на меня сверху насели, карманы выворачивать стали, я шевельнуться не могу, лишь вою от боли. Представляешь, Мухтар услышал, сорвался с цепи и прибежал. Сначала на одного бандита набросился; руки кусал, у того аж пальцы хрустели. Мужик орёт, а Мухтар на другого грабителя накинулся, нос ему порвал с губами. Тот кровью обливается, а сам нож достаёт. Да ка-ак Мухтару нож в грудь вонзил! Мухтар, бедненький, плачет, а сам на грабителей бросается! Те так и убежали ни с чем. На вокзале их милиционеры задержали. Уж больно вид подозрительный: одежда изодрана да сами в кровище. Оказалось, наркоманы из Новосиба приехали грабить прохожих. Это была уже не первая их вылазка. За неделю до этого те же наркоманы прохожего в лесу порезали, тот до сих пор в хирургии лежит. Я Мухтара домой принёс, его срочно увезли в ветеринарную больницу. Но было поздно: лёгкое насквозь прорезано. Так и умер друг на моих руках от потери крови!

Потом Лёша повёл нас в самый солнечный уголок сада. Среди красивых цветов мы увидели большой камень с надписью «Здесь похоронен мой друг и защитник Мухтар». На камне лежала пачка сигарет «Друг» с доброй собачкой на картинке.

После пятиминутного молчания мы пошли гулять по сосновому бору. Я достал из кармана пачку “Marlboro” и протянул другу.

— Извини, я курю только “дружка”, — Алексей достал из кармана пачку с овчаркой.

— Давай, я тоже твои покурю. Ну их, этих вонючих американцев! — я убрал в карман свои сигареты и взял “дружка”.

В следующий раз я приехал в Речкуновку через пять лет.

— Не живёт теперь с нами Лёша, — сказали его родители. — Женился, обзавёлся своим домом. Здесь недалеко! — отец написал на листочке адрес. — Он будет рад тебя видеть! Кстати, жена его Татьяна беременна! Седьмой месяц. Лёша летает от радости!

Я заходил в калитку с опаской: на цепи недалеко от ворот был привязан... Мухтар!

— Мухтар! Мухтар! — позвал я пса.

Пёс завилял хвостом и принялся весело прыгать вокруг меня.

Я нажал кнопку звонка. Меня встретила миловидная женщина.

— Где Алексей?

— Не знаю... — супруга Алексея пригласила меня в дом. — Сегодня рано утром уехал в больницу в Бердск. Уехал давно, до сих пор нет! Не знаю, что и думать! Вдруг что случилось? По всем расчётам к обеду по-любому должен был вернуться!

— Я съезжу в больницу? Вдруг в стационар запрятали?

— Да наверняка скоро приедет, хотя...

— Сейчас я мигом до Бердска! Доехать-то пятнадцать минут!

Я быстро нашёл районную больницу и выяснил в регистратуре, что Алексей утром был на приёме у терапевта. Но его срочно отправили на обследование в Новосибирск. Мне дали адрес больницы, и я побежал на электричку.

В Новосибирской больнице сказали:

— Плохи дела вашего родственника. Его на дообследование направили, — и мне записали ещё один адрес.

В огромном больничном корпусе на левобережье Новосибирска я ходил от регистратуры до триста третьего кабинета и обратно в регистратуру, потом снова бегал по кабинетам. «Был такой... направили в сто двадцатый кабинет».

Наконец, я увидел Лёшу возле кабинета онколога.

— Александр! — воскликнул Алексей, но вместо радости я услышал в его голосе тоску. — Плохи мои дела. Представляешь, жена на седьмом месяце беременности; наши родители помогли обзавестись особняком на берегу Обского моря. По службе повышения! Жизнь прекрасна! И вдруг... рак лёгких! Вчера вечером недомогание да кашель. Утром — хуже! Пошёл в больницу. Меня на обследование! Врач сказал: срочно в стационар! Успеешь домой! С утра все обследования проведём. Даже с женой не отпустили попрощаться.

— Плохо дело...

— Хорошо, что ты меня нашёл, а то не знал, как супруге сообщить. У нас телефон не успели установить.

— Тебя проводить до стационара?

— Будь добр, проводи. Моей Татьяне расскажешь, что да как. Успокой её, пусть не убивается.

Мы шли по залитому солнечным светом скверу.

— Ах! — ахнул Алексей и хлопнул себя по лбу. — Я же этого предателя не уничтожил!

Алексей достал из сумки нераспечатанную пачку сигарет «Друг».

Навстречу шёл паренёк в наглаженных брюках и идеально белой нейлоновой рубашке.

— Угостите сигареткой, пожалуйста, — стыдливо попросил паренёк.

— «Друг» оказался подлым предателем! — Алексей открыл пачку и достал несколько сигарет.

Паренёк уже протягивал руку, но Лёша разломил сигареты напополам и бросил их в полупустую мусорку. То же самое произошло со следующей порцией сигарет.

— «Друг» оказался подлым предателем! — Алексей зарыдал так громко, что на нас стали оглядываться прохожие.

Так Алексей доставал из пачки по несколько сигарет и, громко рыдая, ломал их.

— Даже не хочешь последнюю сигаретку выкурить? — усомнился я в разумности его действий.

— Саша, неужели не знаешь лукавство человеческого ума?! Где последняя — там и предпоследняя! А там всё сначала! — Лёша продолжал медленно кромсать сигареты.

Паренёк в белой рубашке сочувственно смотрел на Алексея.

— Хотя бы одну сигаретку оставьте! Курить шибко хочется! — паренёк ещё настойчивее протянул руку. Потом pokrutil пальцем у виска.

Но Алексей был неумолим. Он не успокоился, пока все переломанные сигареты не оказались в мусорке. Последние сигареты он кромсал с особым остервенением.

— Предатели! Предатели! Так вам!

Паренёк в белой рубашке подошёл к урне и стал выискивать половинки сигарет. Ему удалось найти горсть крупных обломков. И он, оглядываясь, пошёл по дорожке. Паренёк удобно устроился на скамейке и закурил. Я порадовался, что Алексей не видел этого. Подозреваю, мог бы вернуться и устроить погром.

Мы шли по людной стороне улицы мимо газетных киосков. В витринах ларьков вместе с газетами были наставлены пачки сигарет: те же милые мордашки овчарки.

— Саша, мне так и хочется подобрать булыжник и кромсать стёкла этих лживых витрин! Я, конечно, понимаю, продавцы не виноваты, и от погрома пострададут только они. Я не знаю, где корень зла! — вдруг, словно просветление нашло на Алексея. — Корень зла — во мне! Я, а не дядя, начал когда-то курить! Я упорно воровал у отца и прятал заначки сигарет! Я кичился своей паршивой взрослостью! Я тратил последние гроши на пачку сомнительного «Друга»!

Мы перешли улицу и подошли к онкологической больнице. Это было мрачное двухэтажное бревенчатое здание постройки конца девятнадцатого столетия.

Чтобы зайти внутрь больницы, Алексею пришлось склониться. Из слабо освещённого коридора на нас пахнул тёплый воздух, насыщенный запахом лекарств и ещё чего-то запредельного.

— Это запах смерти, — мрачно сказал Алексей и зарыдал.

Друг рыдал, уткнувшись лицом в мою рубашку. Я гладил его вихрастую голову и придумывал слова, которые утешат его. Но ничего подходящего в голову не приходило.

Алексея пригласили в кабинет. Моя рубашка была мокрой от Лёшиных слёз.

Лёша вышел через пятнадцать минут.

— Саша, врач посмотрел результаты обследований и сказал, что прямо с завтрашнего утра меня начнут мучить. Передай Татьяне, чтобы простила меня за всё! Больше всего жалею, что никогда не увижу моего сыночка! Знаю, он родится совсем скоро, но я не доживу.

Я хотел утешить друга. Да что значат слова?!

— Прощай, брат! — Лёша ещё раз обнял меня.

С тяжёлыми мыслями я вышел на свежий воздух и направился к автобусной остановке.

Замогильный запах преследовал меня даже на свежем воздухе. Чтобы заглушить тяжёлый дух, я распечатал пачку «Marlboro». Я понюхал сигарету и со словами «Это запах

смерти!» бросил её в ближайшую урну. Потом достал несколько сигарет и разломил их напополам.

— Иначе это рабство не закончится никогда! — говорил я, ломая сигареты. — До самой смерти!

За расправой наблюдали два мальчишки.

— Ни шиша! Мальборо выбрасывает! Сдурел дядя! — захохотал один мальчуган.

— Чокнутый, — поддержал второй.

Я с наслаждением и с надеждой на свободную жизнь расправился с последней сигаретой, посмотрел на часы и пошёл к автобусной остановке.

Подошёл автобус. Я оглянулся. Возле мусорки стояли мальчишки, выбирали из груды переломанных сигарет крупные обломки и смеялись:

— Чокнутый! Сдурел! Спасибо, дядя! Хороший подарок нам сделал!

Только в электричке я закрыл глаза и позволил себе расслабиться. Народу в вагоне было немало. Но на скамейке я сидел один. Если кто-либо присаживался рядом, то через минуту уходил. Ах да, на моей одежде остался запах смерти!

Я шёл к Лёшиному особняку и репетировал, как буду сообщать Татьяне скорбную новость.

В калитку я заходил достаточно смело, но меня встретил предупреждающий рык собаки.

— Что, Мухтар, не признал?

Пёс улыбнулся и завилял хвостом, но шерсть на загривке осталась взъерошенной.

— Запах смерти учуял? Да, Мухтар, плохо твоему хозяину. Очень плохо!

Я шёл мимо цветущих роз и репетировал, как буду сообщать страшную новость.

— Не нашёл? — Татьяна молча ждала моего приговора и плакала. — Ты в милицию обращался?

— Нашёл... — я не знал, с чего начать и тянул время.

— Лёша жив?

— Жив... но! Он в Новосибирске в онкологической больнице. Завтра с утра решающее обследование. Дело плохо. У Алексея, возможно, рак лёгких. Но точно ещё неизвестно, — я подал Татьяне листочек с адресом и схемой проезда. — Я могу тебя завтра проводить до больницы. Если скажешь, рано утром подойду.

— У родителей машина есть. Они обязательно поедут.

— Может, помочь чем-нибудь?

— Водопровод к дому не успели подвести. Если не трудно, принеси из колонки два ведра воды.

Через полтора месяца Алексея не стало.

— Танечка, если сыночек родится, как назовём? — незадолго до смерти спрашивал Алексей.

— Ты — глава семьи! Тебе решать!

Сын родился через месяц после смерти отца. Сыночка назвали Алексеем.

— «Прижимал к мокрой от слёз груди голову рыдающего мужчины!». Ну-уу, Александр, ты преувеличиваешь! — сказал один знакомый, когда я в узком кругу прочитал только что написанный рассказ. — Или выдумываешь?! Признаться!

— Даю честное слово, что моя грудь не раз, и не два была мокрой от мужских слёз! Вообще это очень страшно, когда у тебя на груди рыдает взрослый мужчина.

Через год (в 1990 году) я проделал тот же скорбный путь от Бердской больницы до онкологического диспансера.

Тогда я приехал к родственникам в Речкуновку.

— Саша, Иван уехал в больницу рано утром. Всего-то недомогание, кашель, — сказала Мария, жена Ивана Арсентьевича. — Уже обед, а Ивана нет. Серёжа с Володей в командировку уехали. Может, поищешь? Наверное, в стационар Ивана направили? Всё же возраст... шестьдесят три года.

Я шёл в онкологическую больницу с тяжёлым чувством.

Опять тот же запах... запах смерти. И рубашка, мокрая от слёз дяди Вани.

— Саша, я всю жизнь курил! С восьми лет. Сам понимаешь: война, разруха, голод, смерть. Сегодня я узнал, что у меня рак лёгких. Это — моя смерть!

Дядя Ваня показал пальцем на полную урну; поверх разного мусора валялись переломанные папиросы, дядя курил только папиросы.

— Только теперь уже поздно! — со слезами говорил дядя Ваня. — Передай Марии и сыновьям... ..

С тяжёлыми мыслями я покинул страшную больницу. Дядю Ваню я очень любил.

— Парень, закурить не найдется? — спросил на улице бравый мужичок.

— Не курящий, — ответил я.

— Кто не курит и не пьёт... — хохотнул мужичок. — Здоровеньким помереть хочешь?

— Э-эх! — ответил я. — Просто я знаю запах смерти!

Я показал на онкологический диспансер.

— Эка куда хватил! — мужичок махнул рукой, скоренько зашагал дальше и свернул в переулок.

Снова электричка, снова люди отходят от меня... Потому что я пропитан запахом... запахом смерти.

Через три месяца дядя Ваня умер от рака лёгких.

Двадцать пять лет спустя по служебным делам я был в Новосибирске.

В тот день неотложные дела были завершены. В свободное время я поехал в Речкуновку. Просто так, погулять по сосновому бору и навестить Татьяну и родителей Алексея.

В знакомый с детства дом дяди Вани я не пошёл. Потому что Мария умерла. А сыновья Сергей и Володя переселились в Бердск.

Я гулял по светлому сосновому бору и вспоминал детские годы. Впереди я увидел парочку: мужчина и молодая женщина вели за ручки малыша. Рядом бегал... Мухтар!

— Мухтар! Мухтар! — тихонько позвал я.

Пёс услышал и посмотрел в мою сторону.

— Мухтар! — тихо повторил я.

Пёс подбежал и обнюхал мои руки.

— Мухтар! Нехорошо приставать к прохожим, — пожурил собаку... Алексей!

— Алексей Алексеевич?! — громко спросил я.

— Откуда вы меня знаете? Ах да... Все говорят, что я очень похож на папу. Наверное, вы — папин знакомый?

— Да, конечно! Мы были друзьями!

— Сергей Иванович и Владимир Иванович Кобзевы — ваши братья?

— Да, двоюродные.

Мы пожали друг другу руки.

— Как мама? Дедушка с бабушкой в том же доме живут? — я показал на дом с резными ставнями.

— Мама так и осталась одинокой. Всю жизнь мне посвятила. Отца мне заменил дедушка. Он меня на рыбалку брал, в горные походы водил. Мастерить учил. Заходите на чай!

Через заднюю калитку мы прошли в знакомую с детства усадьбу. На ухоженных грядках дружно зеленели овощи. На скошенной полянке за домом я насчитал десятков ульев.

— Дедушка с детства приобщал меня к сельскому труду, — Алексей усадил меня за столик в тени яблонь.

— Угостить свежим медком? — супруга Алексея уже разливала по стаканам чай и резала горячий хлеб.

Малыш гладил Мухтара и лепетал:

— Мухтал, друг, дай лапку!

Пёс осторожно подал лапу малышу и лизнул его ручку.

Мы сидели за столом в тени яблонь, вели неторопливые беседы и наблюдали за игрой ребёнка. Пили чай с домашним хлебом и золотистым мёдом.

Меня окутывал запах соснового бора, свежего домашнего хлеба и мёда.

Аромат жизни! — подумал я.

Борис Семенцов

**(Путевые заметки геолога Семенцова Б.Г.,
работавшего в Центральной и
Западной Монголии периода 1975-1982 гг.)**

ЗАМЕТКА ПЕРВАЯ. ПОЮЩИЕ КАМНИ

Жизнь и судьба человека неотделимы от среды, в которой он родился и – быть может – вырос: неотделима от Земли. Мне, родившемуся и выросшему в горах Русского Алтая, ближе и понятнее камни: галькой ли Катуня, глыбовыми ли завалами Куяхтанара, скалами ли Белухи, Актру или Бабыргана. Всё есть в камне: и неуклюжие рисунки Предтеч, живших до нас, и обихоженная отвесность притрассовых «бомов», и васильковая синь Любушкинских кордиеритов, глядящих в голубизну неба с высот Курайского хребта...

Но есть одно – ярчайшее – воспоминание о камне, которое не стереть годам ни в моей памяти, ни в памяти моей Любы. Это – память о поющих камнях. Это – песня поющего камня, потрясение от встречи с прекрасным и неожидан-

ным... От встречи с давним другом. Потрясение от прикосновения к близкому и непонятному.

Начиналось всё весьма прозаично. Центральная Монголия, начало весны 1980 года, колея автодороги где-то между Завханом и Тэс-сомоном на северном склоне хребта Хан-Хухэй. Ясный и тёплый солнечный день, каких много после Цаган-Сара (буквально «белый месяц», Новый год по-монгольски). Неожиданное предложение шофёра: остановиться и подойти к груде камней, находящихся метрах в 50-и от машины в небольшом распадке. По-будничному шофёр (возможно, это был наш хороший знакомый Жигжид) прихватил из машины гаечный ключ приличных размеров (зачем?) и вышел из «УАЗика», пригласив жестом Любу и меня следовать за ним.

Здесь я постараюсь быть подробнее. Солнце ярко освещало светлые на вид угловатые глыбовые россыпи риолитовых порфиров – вулканических горных пород, геологический возраст которых около 300 миллионов лет – типичных горных пород для этой части Монголии вблизи истоков Енисея.

Мы – вслед за Жигжидом – начали подниматься вверх по небольшому распадку и вскоре подошли к россыпи округлых валунов чёрной окраски, как бы закопчённых дымом костров. Эти чёрные закопчённые валуны размерами от 20-50 сантиметров до 2-3 метров были хаотично разбросаны на площади 50 x 50 метров и выглядели здесь абсолютно чужеродными. Они – ни в коей мере не напоминая «камни Сартакпая» в Чуйской степи Русского Алтая – притягивали своей необычностью. И не нас одних. Подойдя ближе, мы увидели на закопчённых боках валунов обилие наскальных рисунков: ранние – грубые насечки профилей янгырей и знаки Солнца, и тщательно прорисованные более поздние «оленные» рисунки, как бы наложенные на творения ранних эпох. Эка невидаль: петроглифы и наскальные рисунки этих видов не являются редкостью ни в Русском, ни в Монгольском Алтае.

Шофёр, сделав нам знак рукой (дескать – внимание), подошёл к самому большому и самому чёрному валуну и с силой ударил по нему гаечным ключом. Тут-то всё и началось... За свою 10-летнюю геологическую жизнь, я переколотил геологическим молотком тьму-тьмушую разных камней и хорошо представлял себе, что же будет дальше (камень – он и в Африке камень... сколько камень не колоти – сыт не будешь... под лежащий камень вода не течёт... камень за пазухой... угольный камень... каменный уголь... Сейчас ключ отскочит, и раздастся глухой звук удара металла о камень – обычное дело). Дальше я уже не смог думать ни о «классификации камней», ни о чём-нибудь другом. После обычного глухого звука от удара гаечным ключом камень как бы «подумал» – одну секунду? две секунды? — и запел.

Звук, пение, идущее из глубины камня, состояло всего из одной чистой, слабо вибрирующей ноты... Что он хотел сказать нам?. Не было времени на раздумье, потому что Жигжид уже ударял своим гаечным ключом по другому валуну. Тот, отозвавшись глухим звуком, тоже «подумал» (секунду? или больше?) и зазвучал следующей, иной высоты, нотой. Нота была другая, но звук, лившийся из камня, был всё такой же чистый.

Шофёр торжествующе посмотрел на нас... Что думал он, уже знавший? А мы? Возможно, наши ощущения можно было бы передать замечательной фразой Грина из «Алых парусов»: «Счастье сидело в ней пушистым котёнком». Похоже, становилось чертовски интересно.

Дальше было маленькое сумасшествие, так как весьма длительное время мы с увлечением колотили геологическим молотком по закопчённым валунам. Нет, мы не разбили и не взяли с собою ни одного поющего камня. Мы просто наслаждались пением камня. И камни пели. Каждый из них отзывался глухим эхом на удар и, лишь «подумав», пропевал нам свою, неповторимую в других ноту.

А мы? Мы были слишком потрясены встречей с поющими камнями, слишком обрадованы встречей с удивительной загадкой. Может быть, слишком юны... может быть. Мы и не пытались понять суть этой необычной мелодии, суть песни камня. Нам было достаточно знать, что эта песня живет вместе с нами, что эта песня невозможна без нас, что эта песня прекрасна. И мы были счастливы этим новым знанием.

Тогда, в 1980 году, я предположил, что поющие камни – это упавший на Землю метеорит – посланец Космоса. Вспомните, что мы не разбили и не взяли с собой для анализа ни одного поющего камня, чтобы не разрушить гармонию неведомой нам мелодии космического пришельца. Наши впечатления от встречи с поющими камнями я описал в письме к Юрию Сенкевичу. Возможно, на нашей Планете, существуют и другие поющие камни... Не знаю. Для нас с Любой так и остались чарующей загадкой поющие камни Монголии. Остались очарованием юности, потрясением от прикосновения к неведомому и прекрасному.

Откуда взялось это чудо? Кому предназначено это удивительное музыкальное послание? Земное ли оно? Все эти вопросы тогда, в 1980 году, так и остались для нас загадкой. Они остаются загадкой и ныне. Кажется, что до сих пор ни одному учёному неизвестно о поющих камнях, восхитивших нас в далёком 1980-ом. Может быть, нашему сыну Василию – классному баянисту, умеющему создавать музыку из точек-нот, выпадет удача услышать, понять и передать людям мелодию поющего камня... Может быть.

Вероятно, исследователи этот феномен «звучания» объяснят, скажем, наличием трещин в камнях, возникших при контракции (остывании) упавшего на Землю раскалённого метеоритного вещества. Исследователи – они могут объяснить всё, не покидая уютного офисного кресла. Правда, ни один исследователь за последние 200 лет не описал ни единого примера «пения» метеоритных камней, тоннами па-

дающих на поверхность Земли. Оставим ученым и исследователям их заботы, а сами будем знать, что существуют на нашей Планете загадочные поющие камни.

Семенцов Б.Г., человек. Статья была впервые опубликована в газете «Постскриптум» (г. Горно-Алтайск) в 2001 г.

ЗАМЕТКА ВТОРАЯ. ВСТРЕЧА С ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ

Был расцвет (не рассвет, а расцвет) жаркого лета в Западной Монголии 1981 года. Завершалась моя очередная полуторамесячная поездка в горы Монгольского Алтая («Возьми меня с собой», — экспрессивно заявила мне беременная Люба, — «Я не останусь без тебя в Оюутах. Я поеду с тобой в любом случае») для оценки геологоразведочных работ полевых партий Оюутинской экспедиции. Очередной осмотр геологической и производственной ситуации на последнем плановом объекте — вольфрамовом месторождении Кызыл-Тау (Улан -Ул) — был завершен.

Экспедиционный «УАЗик», в котором — вместе со мной и начальником экспедиции Жамбалдоржем — сидела также и довольная скорой встречей с Оюутами Люба («Я поеду с тобой в любом случае». В слове «любом» я бы поставил ударение на первом слоге), неторопливо пересекал широкую долину р. Бух-Мурен (Бух-Мурун, тувинцы называют ее Моген Бурен). Река, в предчувствии своего впадения в озеро Ачит-Нур, здесь образовала 3 или 4 неглубоких русла, а накатанные колеи автодорог свидетельствовали о близости добычного карьера Нурсхотхорского месторождения, снабжавшего каменным углем кочегарки Баян-Ульгейского и Ховдинского аймаков. Около часа мы потратили на осмотр карьера, в котором прекрасно был виден мощный, метров до 14-и, отрабатывающийся пласт № 1 каменного угля. «На Курайское бы месторождение такой пласт», — подумалось мне.

Начинало вечереть, когда наш «УАЗик» покинул унылую долину р. Бух-Мурен и углубился в мелкосопочник – преддверие горного перевала в долину озера Убсу-Нур (Увс Нур). Полевая автодорога извивалась между многочисленными невысокими холмами. Казалось: не будет конца бесконечным – вправо-влево – ее однообразным поворотам.

Неожиданно Жамбалдорж, сидящий на переднем сиденье, резко повернулся влево и, указывая рукой на что-то, еще не видимое нами, закричал: «Смотрите!», почти одновременно пытаясь вытащить из дверцы автомашины свое постоянное оружие — «ТОЗовку». Мы с Любой посмотрели: вверх по некрутому склону очередного невысокого холма ковыляла, переваливаясь с лапу на лапу и растопыря крылья, птица ростом с человека. Шофер уже останавливал «УАЗик», когда я сказал Жамбалдоржу: «Не стреляй. Экий красавец». Машина увеличила скорость, и нам осталось 30-60 секунд на любование этой гигантской птицей, скрывающейся за склоном холма. Скрылась. Некоторое время мы ехали молча, вероятно, каждый по-своему переживая эту удивительную встречу.

Необычность виденного нами вскоре получило подтверждение из уст моей жены Любы – эталона всего, что не вписывается в обыденщину. Через какое-то время (уже порядком стемнело) она сказала нам: «Это был человек».

Жамбалдорж не стал бы стрелять в человека. Но и сейчас, через 20 (уже через 42 года) лет Люба уверена, что тогда в 1981-ом году мы видели не гигантскую птицу – человека. Мой единственный довод против ее убежденности, по-прежнему, один: «Жамбалдорж не стал бы хвататься за оружие и стрелять в человека». Но ведь он схватился за ТОЗовку-то...

Гигантские птицы – редкость даже для практически незаселенной Западной Монголии тех лет. На Горном Алтае за 20 лет геологической жизни я не видывал ничего подобного. Беркуты, в 1975-1979 годах рассаживавшиеся под осень вдоль

автодороги в Джазатор – особенно много я видел их в междуречье р.р. Чикты-Тара, правых небольших притоков р. Джазатор – впечатляли своими размерами, но ни про одного из них нельзя было сказать: «Ростом с человека». Так они и запомнились мне с тех пор: столбики метровой высоты в промозглом тумане поздней осени.

Оч-чень большого кондора мы видели с Володией Томиловым около русла р. Кокори. На «УАЗике» мы пересекли плоские днища долин р.р. Бугузун и Узунтыдугем и углубились в многочисленные холмы и ванны конечной морены, заполняющей здесь всю широкую равнину небольшой речки Кокоринки. Выскочив на очередной холм, Томилов резко остановил машину. Внизу, не далее 100 м, в днище «ванны» лежала дохлая коза, вокруг которой собрались на пиршество птицы-падальщики. На падали сидел громадный кондор, поблизости расположилось 2 или 3 кондора поменьше, а периферию этой живописной группы составила приличная стая недовольно каркающих ворон. Заметя нас – еще бы не заметить, да и визг тормозов «УАЗика» слышен далеко – кондоры неторопливо разбежались, оторвались от земли и, постепенно набирая высоту, «ушли» в вершину р. Башкауса. Даже столь большой кондор с его характерной «лысой» шеей не мог заслонить в моей памяти ковыляющую гигантскую фигуру орла (ли?), виденного мною в 1981 году.

Семенцов Б.Г., человек. Статья была впервые опубликована в книге «Крупнейшие месторождения Горного и Монгольского Алтая» (г. Горно-Алтайск) в 2011 г.

ЗАМЕТКА ТРЕТЬЯ. ВАЛ ЧИНГИЗХАНА

В 1981 году «моя» Оюутинская геологоразведочная экспедиция была перебазирована в г. Кобдо (Ховд), расположенный в южной части хребта Монгольский Алтай. Первые же прогулки по улицам и переулкам этого города убедили меня в его необычности. Город Кобдо резко отличался от

виденных мною городов Западной Монголии Улангома и Баян-Ульгя своей «старинной». Во-первых, на центральной улице сохранилась аллея толстенных приземистых тополей с толщиной коры до 10 сантиметров. Кора была изборождена трещинами-морщинами, как бывает изборождено морщинами лицо иного старого-престарого человека. Иные из трещин достигали витой-перевитой древесины ствола. Казалось, эти тополя были высажены еще тысячу лет назад Чингизханом или кем-либо из его друзей. На окраине города стояла небольшая глиняная крепость. Размеры этой крепости в плане не превышали, наверное, 100 x 100 метров, но трехметровая высота стен крепости впечатляла, так же, как и 2,5-3,0 метровая их толщина. Аналогов подобному фортификационному сооружению мне не встречалось в Западной Монголии, да и во всем горном массиве Хан-Хухэя и Хангая до меридиана г. Тосонцэнгела и реки Ходжулин-Гол. В Кобдо всюду «пахло» историей. Чудились неведомые всадники, выскакивающие из узких переулков на маленьких «монгольских» лошадках...

В том же 1981 году я был восхищен масштабами иного, мирного, сооружения, именуемого «валом Чингизхана» — колоссальным, не имеющим аналогов в Монгольском и Русском Алтае, делом рук человеческих, расположенным восточнее и юго-восточнее г. Кобдо (Ховд). О древнем сооружении, носящем столь громкое имя, мне рассказали мои монгольские коллеги-геологи. В тот прекрасный весенний день я совершал обычную поездку геолога-консультанта, коим — возможно, единственным для Западной Монголии — я и являлся в то время, на производственный участок, расположенный юго-восточнее озера Хаар-Ус-Нур, в пределах которого одна из геологоразведочных партий «моей» Ховдинской экспедиции пыталась оценить запасы каменных углей для нужд Ховдинского аймака МНР. Автодорога, по которой нам необходимо было ехать, проходила мимо бензозаправки и сразу «поднималась» на небольшой безымян-

ный хребет, ограничивающий с востока долину, в которой уютно расположился г. Кобдо.

Водитель «УАЗика» Ховдинской экспедиции, зная мой интерес ко всему необычному, направил автомашину по другой автодороге, проходящей из г. Кобдо вдоль русла р. Буянт-Гол вниз по его течению. Километрах в пяти от города я с удовольствием обозрел бесконечный «баштан», на котором выращивались прекрасные арбузы, составившие славу г. Кобдо (Ховд) и поставлявшиеся самолетами в г. Улан_Батор. Перед выходом на широкую равнину, окружающую озеро Хар-Ус-Нур, долина р. Буянт-Гол прорезает небольшую скальную гряду, составляющую подножие безымянного хребта меридиональной ориентировки (восточный край хребта Монгольский Алтай). Небольшой подъем, такой же недлинный спуск – и вот передо мною открылся вызывающий интерес «вал Чингизхана». Вначале мы остановились на склоне горы несколько повыше «вала», чтобы сверху окинуть взором это прекрасное сооружение.

В 1981 году увиденный мною отрезок «вала Чингизхана» начинался у подножия безымянного горного хребтика, прорезанного здесь поперек небольшой рекой Буянт-Гол, берущей свое начало с водораздела Монгольского Алтая у государственной границы Монголии и Китая. Вдоль всего подножия хребтика от русла р. Буянт-Гол и далее на юг протягивается нагорная канава, именуемая «валом Чингизхана». Со стороны склона – это канава шириной в 5-7 м и глубиной до 3,0 м, ограниченная со стороны подножия склона «валом» грунта, вынутого из канавы и уложенного в «вал» шириной до 7 м и высотой до 2,0-2,5 м.. В 1981 году по верху «вала» была накатана полевая автодорога, по которой можно было проехать на а/м УАЗ-469 и ГАЗ-66. Вначале мы так и сделали: поехали на «УАЗике» прямо по вершине «вала». Вскоре, однако, «дорога» сделалась столь неудобною, что мы выехали в степь и нашли очередную проселочную автодорогу, коих тут было великое множество.

Впрочем, «вал Чингизхана» все время «сопровождал» нас, то появляясь в пределах видимости, то ненадолго исчезая. Через 3-4 десятка километров (может быть, до 70 км) дорога спустилась в низменное место. Слева от дороги появились два пласта бурого угля: их 5-и-метровые коренные выходы, стоящие вертикально, ненадолго отвлекли наше внимание. Все больше и больше песчаных барханов обступало дорогу, частично засыпая ее, как и «вал Чингизхана». Среди кустарников мы вспугнули две стайки дзеренов (монгольских джейранов), и мои спутники с увлечением истинных охотников некоторое время оживленно обсуждали эту тему. Основные моменты обсуждения переводились мне Цэнд-Аюушем. Вскоре «вал Чингизхана» полностью скрылся под песчаными барханами.

По моему мнению, «вал Чингисхана» является ирригационным гидротехническим сооружением, подававшим воду реки Буянт-Гол в пустынную местность, расположенную в 40-60 км южнее. Южная часть «вала» теряется в песках небольшой пустыни, расположенной западнее озера Хара-Нур. С самолета мне хорошо было видно, что песчаные барханы пустыни являются наиболее «юным» геологическим образованием этой части Монголии; южный край озера Хара-Нур, как будто «срезан» (край озера засыпан) прямолинейной грядой песчаных барханов, вытянутых на северо-восток. Были ли здесь ранее (до образования барханов и пустыни) – около 1-3 тыс. лет назад – людские поселения-города и что это был за народ, создавший столь масштабную «нагорную канаву», выражаясь современным техническим языком?

Сомнения берут меня, что все это могли создать кочевые племена – предки современных монголов, алтайцев или тувинцев. Какая-то иная, оседлая, народ или группа народов создали «вал Чингизхана» задолго до появления на исторической арене собственно Чингизхана.

Несколько позднее мне удалось увидеть «вал Чингизхана» на топографической карте (Генштаба РККА СССР) масшта-

ба 1:200 000. Оказывается, северное начало «вала Чингизхана» расположено в 50-70 км севернее г. Кобдо (Ховд) в месте вытекания р. Кобдо (Ховд гол) из скальных гор хребта Монгольский Алтай на предозёрную равнину, располагающуюся севернее озёр Хара-Нур – Хар-Ус-Нур. Южная же часть «вала Чингизхана», как мне удалось увидеть собственными глазами, оказалась занесена песчаными барханами. Оказывается, общая длина «вала Чингизхана» превышает 220-280 км! Вероятно, что строительство столь масштабного гидротехнического сооружения не могло быть осуществлено для обеспечения нужд 10 – 100 юрт кочевого племени. Скорее всего, где-то в районе Дзэрен сомона или южнее его существовал древний город, жители которого нуждались в пресной питьевой воде (вода озёр Хара Нур и Хар-Ус-Нур – остатков древнего тепло-го моря Тэпис- в то время была солёной).

Попробую оценить количество колоссального труда, затраченного древними людьми на устройство водного канала длиной 200-280 км для подачи пресной воды реки Кобдо (Ховд гол) из гор Монгольского Алтая на равнину в районе современного Дзэрег сомона. Сечение канала принимается равным 15 квадратным метрам (ширина по верху = 7-8 м, ширина по основанию = 3- 5 м), длина канала = 280 000 метров. Объём грунта, вынутого при строительстве канала = 280 000 м х 15 кв.м. = 4 200 000 куб. м.; свыше четырёх миллионов кубических метров грубообломочных грунтов!

Сколько воды мог поставлять канал «вала Чингизхана» можно сосчитать, исходя из сечении канала 15 кв. м. и скорости течения воды 0,1 – 0,5 м/сек. Количество воды в минимальном варианте составит 0,15 – 0,75 кубометра воды в секунду или 600 – 3 000 куб. м. / час = свыше 14 000 – 86 000 куб. м./сутки. Такого количества воды ныне достаточно для водоснабжения небольшого микрорайона с населением 10 000 – 25 000 чел.

Повторюсь: сомнения берут меня, что «вал Чингизхана» могли создать кочевые племена – предки современных монголов, алтайцев или тувинцев. Кочевники с лопатами, буль-

дозерами или кетменями – подобное не укладывается в моей голове. Какая-то иная, оседлая, народ или группа народов создали «вал Чингизхана» задолго до появления на исторической арене собственно Чингизхана.

Что же случилось позднее, почему и куда ушли древние ирригаторы? Вероятно, уход этого народа был предопределен опустыниванием климата западной части Монголии. Кажется мне, что изменение климата и человеческий фактор – оба они были одинаково виновны в судьбе древних строителей «Чингизханова вала». У меня нет никаких доказательств, что творцами «вала Чингизхана» были мои русские, славянские, предки, ведущие оседлый образ жизни. Иные возможные племена и народы (скифы, хунну, джурджуни и иные) вели кочевой образ жизни, исключая строительство столь масштабных ирригационных сооружений.

Климат этого района Монголии за последние более 65 млн. лет был весьма и весьма теплым, способствовавшим развитию человеческой истории. Во-первых, более 65 млн. лет назад это был теплый (аридный) климат юрского периода, в течение которого формировались бурые угли, как итог массового захоронения древесины. Во-вторых, такой же теплый климат существовал 20 — 65 млн. лет назад в течение более поздних палеогенового, неогенового и нижнечетвертичного периодов, в течение которых формировались лигниты, бурые угли, а также существовал залив Тетиса – тепло-го древнего океана, от которого остались лишь окаменелости морских коньков – жителей теплых морей. Окаменелости морских коньков Вы можете увидеть в школьном краеведческом музее Мянгад сомона.

Более поздний, 10-12 века нашей эры, период Чингизхана – этого героя сокровенного сказания о былом величии монголов – никак не отразился на пространствах западной Монголии (последняя была простым «транзитом» орд Чингизхана, рвущихся на запад, в цветущие долины Средней Азии). Ойратский князь Амурсана, захвативший западную Монголию около 1870-1875 года и правившей ею 20 лет – это

уже ближайшая история г. Кобдо. Маньчжуры, владельцы г. Кобдо и западной Монголии до начала 20-ого века, были изгнаны в начале 20-ых годов 20-ого века Героем МНР Максаржавом.

«Валу Чингизхана» в этом историческом ряду я отвел бы место между древними художниками, высекшими на скальные рисунки и появлением Чингизхана. Возрастной интервал строительства, как мне кажется, 2,5-3,0 тысячи лет до нашей эры. Почему? Предлагаемый мною период времени отмечается строительством каменных городов и ирригационных сооружений южнее Монгольского Алтая – вплоть до Западной Индии. В конце этого исторического периода, вероятно, произошли какие-то катастрофические события, приведшие к изменению гидрологической ситуации (изменению русел рек низменной части бассейна рек Иртыша, Инда и Ганга) и опустыниванию прежде «райских» климатических регионов.

В пределах Восточной Монголии и Забайкалья для правобережья реки Онон известен еще один «вал Чингизхана» протяженностью свыше 750-850 км. Этот вал отличается от своего «западномонгольского собрата» несомненной принадлежностью к сооружениям военного типа. «Онотский» вал пересекает поперёк линии небольших хребтов – это раз. Во-вторых, его северная сторона везде располагается гипсометрически выше южной, как бы подчёркивая необходимость защиты от неких врагов, живших южнее.

Семенов Б.Г., человек. Статья была впервые опубликована в книге «Крупнейшие месторождения Горного и Монгольского Алтая» (г. Горно-Алтайск) в 2011 г.

Владимир Уделяев

Пародии

Кредо пародиста

Скажу вам откровенно, я – не лирик,
Не беспардонно-наглый юморист,
Не моралист, не критик, не сатирик,
А публицист и скромный пародист.

Бывает так: стихи на слух – эффектны,
А вглубь копнёшь – и хочется кричать.
Об этих обнаруженных дефектах
Я не могу стыдливо промолчать.

А потому, высказывая мысли,
Нельзя к ним относиться – абы как:
Неточность слова искажает смыслы,
А сбои в ритме умножают брак.

Взять, например, «невежа» и «невежда» –
Слова похожи, но не близнецы,
Их путают порой из-за одежды,
Хотя у «братьев» – разные отцы.

Пусть автор на меня не смотрит косо:
На это веских оснований нет.
Мне нравится возникшие вопросы
Вытаскивать из сумерек на свет.

А вытащив, я, словно через лупу,
Внимательно рассматриваю стих.
Возможно, кто-то скажет, это глупо,
Но пародисту важен каждый штрих.

Любой дефект, царапинку любую
Заметив,ставляю напоказ –
Пусть поэт стихи свои шлифует,
Как ювелир шлифует свой алмаз.

А я бессленно нахожусь в дозоре
Лишь для того, чтоб каждый автор знал:
На то и щука поселилась в море,
Чтоб там карась беспечно не дремал.

2019 г.

Взгляд, ну чисто трещина!
Чуть отображённая.
Мылась в бане женщина,
Вовсе обнажённая.
...А сосед в окно глядит
С куревом да визгами.
Ей-то, точно не опасно,
Моется, не ёжится...
Знает, что она прекрасна.
Как то в жизни сложится?

(Г. Свириденко. «Отображение»).

Банное кино

Я, женской логикой сражённый,
Грызу растерянно сухарь.
А в бане дама напряжённо
Снимает женский инвентарь.

Она волнуется ужасно,
Дверь запирая на засов,
Чтоб, значит, было не опасно
Ей мыться в бане без трусов.

Халатик сняв, перекрестилась,
Ажурный лифчик свой сняла,
Потом и вовсе обнажилась –
Ну, абсолютно догола.

Затем задумалась немножко,
Взглянула на полоч с тоской,
И шторку с банного окошка
Игриво сдёрнула рукой.

А что ей, собственно, стыдиться?
Ведь ей же не шестнадцать лет.
Чуть-чуть за сорок – иль за тридцать –
Сугубо женский то секрет.

Налив воды горячей в тазик,
Обмылок с полочки берёт
И, не боясь, что кто-то сглазит,
Мочалкой мыльной спину трёт.

Трёт плечи, бёдра, трёт животик
И то, что женщинам дано...
А что сосед в окошко смотрит,
Она заметила давно.

Да пусть посмотрит: не забудет
От женских прелестей ничуть.
Ну, поглазеет – и забудет.
Вот если бёдрами качнуть...

Она же сложена прекрасно.
Так отчего ей ёжиться?
Надежда, может, и напрасна,
А вдруг да что-то сложится.

Понять соседа тоже можно:
Изголодался без жены,
И пожалеть вполне возможно,
Когда в том нет его вины.

Он смотрит в банное окошко,
Как на сметану смотрит кот;
И, слюнки вытерев ладошкой,
Окурок, обжигаясь, мнёт.

Уже повизгивать принялся,
Как перед близкой случкой зверь.
Но, видно, мужества набрался
И постучал три раза в дверь.

Что дальше было, неизвестно...
Финал узреть не удалось:
На самом интересном месте
Кино внезапно прервалось.

2018 г.

*Расплескалось до донца
Сумасшедшее солнце –
Пора.*

*Распахну обе дверцы,
Заходи в мое сердце –
Ждала.*

(Валерия Тюхтенева. «История первой любви»).

Дверцы к сердцу *(пародия)*

Постой, красавица, минутку
Я не приемлю эту шутку.
Нет, нет – уволь.
Как многоопытный мужчина
Я объясню тебе причину.
Ты лишь позволь.
Вот и тебе я не поверю –
Пока сам лично не проверю
Слова твои.

Ты пишешь, что запустишь в сердце,
Открыв для входа обе дверцы.
А где они?
У женщин тех, что в жизни встретил,
Нигде я дверок не заметил.
Не надо лжи.
Быть может, у твоей фигуры
Совсем другая фурнитура?
Так докажи.

2018 г.

Глазом не достать...

*Мне этой дали глазом не достать,
Не разглядеть за синими горами,
Но, Боже, как же хочется узнать,
Что будет после этой жизни с нами.*

Людмила Гришка.

(Сборник «Мы приходим на землю».)

Эксперимент

Открою вам свой маленький секрет:
Вчера я смело, как и поэтесса,
Задумал провести эксперимент:
Удастся ли схватить газами Беса?

Напрягшись, потянулся я к хвосту
Сначала левым, после – правым глазом,
Но не достал – упёрся в пустоту:
Бес ловко увернулся. Вот зараза!

Возможно, в кошки-мышки поиграть
Решил со мной. Но я ведь сам с усами!
Не отступлюсь! Попробую достать
Его уже обоими глазами.

Однако вновь фиаско потерпел,
Как ни старался – всё ж не дотянулся:
Мой лоб от напряжения вспотел,
С досады я едва не поперхнулся.

И даже щёки начали краснеть...
Эксперимент провален. Так и надо:
Глазами полагается смотреть,
А доставать – рукою либо взглядом.

И начал я пародию писать,
Не собираясь автора обидеть:
Бесспорно, глазом дали не достать,
Как и руками звёзды не увидеть.

2020 г.

*Я не сплю. Я грущу в эту ночь.
Просто так. Ни о чём. О своём.
Всё, что было. Что есть. Как помочь
Этой ночи и завтрашним днём.*

*Эта ночь, а какая она?
Занавешены шторы мои.
Может, тучи? А может, Луна
Свет свой яркий несёт до Земли?*

*Нет, она для меня просто грусть.
Всё о том, что не сделал пока.
Что забыл, упустил... Ну и пусть –
Ещё будет день, наверняка.
(Георгий Черных. Одноклассники. Группа «Лира»)*

Ночь грусти

*Ох, уж эта бессонная ночь!
Ночь метаний, сомнений и грусти.
Не сумеешь отбросить их прочь –
А они своего не упустят.*

*Эта ночь... А какая она?
Друг не знает, не знал и не хочет:
Плотно сдвинул он шторы окна,
Чтоб Луна не мозолила очи.*

*Чтобы лунный обманчивый свет
Не вспугнул грусти серую птицу;
Он грустит, и ему дела нет
До того, что в природе творится.*

Может, тучи ночной небосвод
Одеялом накрыли лоскутным,
Но ему – не до туч, не до звёзд:
Он грустит, сидя в кресле уютном.

Друга можно понять и простить:
У него обострённые чувства.
Обо всём он умеет грустить,
Как никто, вдохновенно и вкусно.

Стало даже завидно чуть-чуть,
Только кто эту зависть допустит?
Так подумав, решил я рискнуть –
И нырнул с головой в омут грусти.

Погружаюсь... А в мыслях ищу
Всё, что было, что есть и что будет.
До утра, может быть, погрущу,
Ведь от грусти меня не убудет.

Так что можно нырнуть в водоём,
Лёгкой грустью заполнивши душу,
А потом, погрустив ни о чём,
Взять – и вылить стихами наружу.

Я сегодня грущу просто так,
А причин для того очень много:
И о том, что не сделал пока,
Что забыл, упустил, не потрогал.

Что на празднике жизни не спел,
Проморгал, проворонил удачу;
Что трёх жён завести не посмел –
А ведь жизнь бы сложилась иначе.

И о том, что вчера не грустил,
А проспал, как сурок, до рассвета,
И что гвоздь неудачно забил,
Повредив себе палец при этом.

Я по нынешним меркам – простак,
И грущу совершенно бесплатно,
Хотя мог бы грустить за пятак:
Вроде – мелочь, а всё же – приятно.

Я и завтрашней ночью грустить
Собираюсь, о том не жалея.
Может, вместе, мой друг, погрустим?
Ведь вдвоём-то грустить веселее.

2019 г.

*Прощай, прощай, ты был четвёртым мужем.
Ты был не лучше их, ты был не хуже.
Прощай! Прощание с тобой необратимо,
Бесслѣзно отпускаю я любимых.
Беззвѣздной ночью, в зимнюю субботу,
В четвёртый раз я приняла свободу.*

Светлана Костина.

Сборник стихов «Пересечение». 2021 г.

Прощай, любимый

Прощай, любимый, мой супруг четвёртый.
Скажи мне прямо: ну, какого чёрта
Бежишь ты от меня за три квартала?
Чего тебе для счастья не хватало?

Уж, я ль тебя ночами не любила,
Бельё стирала и посуду мыла,
Борщи варила, жарила котлеты
И даже покупала сигареты.

Ну, не молчи. И хмуриться не надо –
Возьми себе обломок шоколада,
Я для тебя его не пожалею
И даже чай остывший подогрею.

Не будь таким суровым и упёртым.
Поговори со мною, муж четвёртый,
И объясни мне: в чём я виновата?
Быть может, за свободу то расплата?

Мне очень жаль, что так всё получилось,
Что наше счастье так и не сложилось.
В меня, наверно, матушка-природа
Вдохнула при рождение ген свободы.

В супружестве, не знаю почему,
Себя я чувствую не лучше, чем в плену.
А жить в плену – себя не уважать,
Меня нельзя на привязи держать.

Не знаю я, но чувствую подспудно,
Что мне и с пятым будет также трудно:
Поскольку муки ревности не знаю
И, как та кошка, где хочу – гуляю.

Я не шучу, а говорю серьёзно,
Что расстаюсь с любимыми бесслёзно.
Вот и сегодня, в майскую субботу,
Я обрела желанную свободу.

Мария Образцова

Дочь

Он долго смотрел на дорогу,
У старого домика сидя.
Казался старик убогим,
Без ясного взгляда и силы.

И сказывал кто-то бывало:
«Ждёт дочку, что сгинула где-то»,
А время бежало-бежало,
И лето сменяло лето.

И так бесконечно долго
Всё, думалось, будет длиться.
Надежда – крохотной долькой, –
А вдруг она возвратится.

Один поднимал он дочку,
Жена ушла очень рано,
Счастливую долю пророчил,
И опекал неустанно.

Война все попутала карты,
– Сумел он прикрыться бронейю.
А дочка-красавица завтра,
Уж станет чьей-то женою.

Но дочь письмо написала:
«Иду на курсы радистов.
Про бронь твою я узнала,
Но бить должны мы фашистов.

Я буду сильной и храброй.
Тебе не краснеть за меня.
Встану за землю и правду,
За знамя, что ярче огня!»

Однажды, старик не вышел,
Часы его в полночь застыли.
И как полагается свыше,
Селом всем похоронили.

А в доме сундук старинный,
А в нём два платья девичьих.
И в год давно уже мирный,
Их яркость была привычна.

И кто-то сказал: «Смотрите,
Медаль лежит за отвагу,
А вот – на дочь похоронка,
А вот – письмо, как присяга,

На верность своей Отчизне,
Земле, что нету родней».
Селяне крестились трижды,
И низко кланялись ей.

Пейте воду родниковую

Пейте воду родниковую,
Городские небожители.
Вам деревня бестолковая
Распахнёт свои обители...

Здесь земля любовью светится,
А луна её ласкает.
В чудеса всегда здесь верится.
Мир из грёз произрастает.

Утро свежее и алое
Удивит горячей нежностью.
Чувство в сердце небывалое
Дарит силу бесконечности.

Только здесь всё так устроено –
Мысли чистые и новые.
Здесь водицей все напоены
Настоящей, родниковой.

Не по жердочке ходила

Не по жердочке ходила –
По немислимым дорогам.
Ветром по полю пылила
И пыталась звёзды трогать.

Не ждала заботы свыше
И молчала, если больно.
Голос мой был не услышан,
Сердце билось недовольно.

Где-то там остались маки,
Это было наше детство.
Забывали о бараках –
Мир голодного наследства.

Всё менялось, как ни странно,
Жизнь текла сложнее и проще.
Пятилетки били планы,
И шумели буйно рощи.

Много пили, пьют доньше
С философией на кухне.
О любви и о кручине,
Где-то, что-то екнет, стукнет.

Не по жердочке ходила,
По немыслимым дорогам.
С тем, что я в пути скопила,
И предстану перед Богом.

Утром ранним

Утром ранним к берегу Катуня
Я пройду тропинкой с косогора.
Ветер свежий мне в затылок дунет,
Будет куст маральника опорой.
Задержусь на миг, и запах вязкий,
Мне знакомый с самого рожденья,
Телу моему устроит встряску,
Кровь дойдёт до степени кипенья.
По песку пройду до устья речки,
Что бежит по камушкам игриво.
Первые лучи, как будто свечки,
Блёстками играют по заливу.

Всё удивительно...

Белые камни на тёплом шуршащем песке
Солнечный луч обольет дорогой позолотой.
Словно в пергаменте горы стоят вдалеке,
Птицы под небом застыли в прекрасном полёте.

Всё, удивительно, трогает душу до слёз,
Мы вдруг теряем не нужные страхи и думы.
И почему-то — зачем? — отпадает вопрос.
И уж не смотрим на мир так пристрастно-угрюмо.

И по тропинке пройдем до высокой сосны,
Всё мы по полкам, увы, никогда не расставим,
Но в тот момент, когда хочется вновь новизны
Вдруг разорвём узел всех застоявшихся правил.

И понесёт нас от шумной, смятенной толпы
В эту обитель, где сердцу легко и беспечно.
Радостны думы, как утренний ветер вольны,
Чувствуешь, как ты становишься вновь Человечным.

Ледоход

На Катунь в апреле,
Когда лёд уже зыбок,
Льдины панцирь надели,
В ожиданье забылись.
А лучи у светила,
Как калёные стрелы,
Неземной метят силой,
В ледниковое тело.
И сейчас я услышу
Треск расколотой льдины,
А река, вдруг, задышит,
Словно зверь неповинный.

И с восторженным рыком –
Над природой царица,
Сбросив пут всех обрывки,
На простор устремится.
И в тебе этой мощи
Сто заряженных порций,
Вены жаром полощут,
Грудь дробя на эмоции.

Как же хочется тишины!

Как же хочется тишины,
Тишины на планете всей.
Чтоб ни крови – лишь запах весны
Доносился с парных полей.

Чтобы мальчик невесту вёл,
И смеялись дети взахлёб.
Чтобы каждый кустик расцвёл,
А в сердцах весь растаял лёд.

Чтобы не было больше слёз,
Унижений и страшных мук.
Чтоб раскаты грома – от гроз,
А тепло – материнских рук.

Чтобы каждый встречал рассвет,
Тот, что золотом в небо льет.
И стоял на столе букет,
Пчёлы в ульи носили мёд.

Как же хочется тишины.
Тишины на планете всей.
Только вирусом мы больны,
Что питает сердца людей.

И летит этот серый смог,
И конца этой черни нет,
И поможет нам только Бог
Вновь зажечь в наших душах свет!

Шоферский ключик

Легенда

В те далёкие времена, когда живая природа умела разговаривать, красивыми звуками общаясь друг с другом, около дороги, по которой шли путники, ехали на верблюдах усталые кочевники, и везли свой товар купцы, ожил и зазвенел, пробившись из глубоких недр, ключик с живительной влагой.

Была ночь и полная луна плыла по бескрайнему небу, любуясь красотами земли. Вдруг она увидела маленькое озерцо, которое серебрилось от сияния небесной красавицы. Вода была так прозрачна, что луна не удержалась и окунулась в этот чистейший источник. Она налилась необыкновенной энергией, стала совсем полной и счастливая покатила по полю.

Докатившись до огромного камня, с которого падал весёлый водопад, брызнула его живительной влаги на кусты черёмухи, покрыв её белыми, душистыми цветами.

Луне так понравился этот великолепный мир, что она покатила обратно к прозрачному водоёму и искупалась ещё раз. А потом приплывала сюда в каждое своё полнолуние, купалась, разбрасывая по воде серебро и лунные камешки.

Сколько пролетело столетий, а Черемшанский источник всё поит путников, давая им силу, бодрость и здоровье для дальнего пути.

Чуйский тракт – дорога длинная и трудная.

Здесь была первая шоферская остановка перед дальней дорогой; чтобы не потерять силы набирали чистой артезианской воды.

Легендарный Колька Снегирёв набирался сил, чтобы стрелой пролететь до Монгольской границы.

Шукшин Василий Макарович останавливался здесь, чтобы испытать ледяной, волшебной водицы, да послушать удивительную легенду.

В народе говорят: «Кто пойдет по лунной тропе – найдёт удачу; кто найдёт лунный камушек – обретёт своё счастье; кто омоется и выпьет живительной водицы Черемшанского источника, проживёт долгую, полноценную и светлую жизнь».

Платок

Оря наклонилась и подняла лопату, которая самопроизвольно выскользнула из уставших рук. Серая ситцевая кофта, которая уже и не помнила, сколько ей лет, прилипла к потному пропитанному солью телу. Когда-то синий, а теперь бесцветный старый платок, прикрывающий волосы, от ветхости еле держался на голове.

Еще три тачки гравия вывести из карьера на дорогу и, сегодня рабочий день будет закончен. Казалось, не так и много, но сил почти не осталось. Даже то, что ноги были без обуви и от камней – в кровоточащих ссадинах, не трогало так, как бесконечно сосущий под ложечкой голод.

В обед она съела постный суп и выпила стакан молока. Свою пайку хлеба отдала шестилетней дочурке, которая все просила есть. Старшего сына Володю, которому уже исполнилось шестнадцать лет, увезли работать на месяц в тайгу. Она отдала ему свои, почти развалившиеся ботинки. Хорошо, что младшему сыну Вале, которому шёл четырнадцатый год, сосед, с которым он работал на строительстве амбаров, пожертвовал старые кирзачи. Они были ему великоваты, но всё не босиком.

Оря, работая, не думала обо всем этом – в голове стояла звенящая пустота и чувство сдавливающей тоски.

Здесь, в холодном и сыром бараке она с детьми жила второй год, а от мужа с фронта не было ни одной весточки.

Ей, 36-летней, когда-то певунье и хохотушке, казалось, что она древняя старуха, у которой нет прошлого, и никогда не будет будущего – всё покрыло страшное роковое время – война. Спасало то, что рядом с ней жили такие же женщины с кучей детей, полуголодные и ждущие мужей с фронта.

Вот и привезена последняя тачка с гравием и высыпана на дорогу. Завтра бригадир, одноногий Степаныч, пересчитает все привезённые ею кучи и запишет трудодни. Если не хватит хоть одной – не получить ей лишних ста граммов хлеба для маленькой дочки Тамары.

Оря поставила под навес тачку и пошла по тропинке к баракам. Шелковистая трава будто гладила обезображенные ссадинами ноги. Она свернула с дорожки к роднику, который вытекал из-под горы. В нескольких метрах от родника был небольшой водоем, нагревавшийся за день до состояния парного молока. После тяжёлого труда она любила здесь омыwać тело, вода прибавляла ей сил, на какой-то миг женщина почувствовала себя снова молодой.

Выйдя на дорожку, подумала о том, что может сынок зарабатывает немного денег на лесоповале, и они купят ему обувь. От этих мыслей и от голода, от подступившего к горлу кома, ей стало тяжело дышать. Она вытерла ветхим платком лицо, по которому потекли совсем непрошенные слёзы.

Маленькая Тамара, увидев идущую к бараку маму, побежала на встречу обняла за ноги и уткнулась в коленки. Оря погладила её по голове, но нагнуться и взять её на руки не хватило сил.

На минуту привалившись спиной к белоствольной берёзке, которая выросла рядом с баракom, она посмотрела на грунтовую дорогу, что бежала вдоль тракта, и увидела идущего к дому сыночка Володю. Совсем ещё парнишка – худенький, невысокого росточка, в расстёгнутой рубашке, с

засученными рваными на коленях брюками и босиком по пыльной дороге – он шёл навстречу маме и улыбался.

Будто крылья выросли у неё, кинулась к сыну на встречу – обняла. А он, всё так же улыбаясь, протянул ей сжатый в руке кулёк: «Это тебе, мама!»

Шелковый, с тёмно-красными цветами платок струился по её руке, даря надежду на всё лучшее на земле.

Туалет

Туалет – понятие обширное, но мы будем вести разговор о здании, предназначение которого знают все. Обычно на этом здании пишется две буквы «М» и «Ж». В мире виды этих сооружений бывают разные, но главное условие их существования всеобщая доступность, конечно, исключая те, которые находятся на частных территориях.

Люди пользуются этим заведением, независимо от статуса, положения в обществе, финансового состояния и других атрибутов, которые показывают его значимость в определённых кругах.

Наш туалет, о котором мы хотим вам поведать, с прекрасно выведенной аббревиатурой и с виду абсолютно современной конструкции, находился на деревенском рынке села М., недалеко от федеральной трассы. Трасса была загружена многочисленными авто и разным людом, но основной контингент – туристы не только из ближнего, но и дальнего зарубежья.

Открывали туалет периодически: в летнее время он работал, в остальные времена года был закрыт, хотя вывеска всегда привлекала посетителей.

Гаврил Гаврилович Тяпкин в новогодние каникулы вёз гостей из Англии по тракту, чтобы показать достопримеча-

тельности региона. Конечно, у него как у министра культуры, были другие планы на праздник, но его попросили сопроводить делегацию. Переводчиком был молодой парень, приятной внешности – улыбочивый и располагающий к себе. Все его звали просто, Макс.

Увидев данное строение, Макс предложил остановиться, тем более что в пути они находились уже больше часа.

Иностранцев было 10 человек – и все с удовольствием вышли на улицу, чтобы размяться. Конечно, Гаврил Гаврилович первым пошёл к данному зданию, чтобы проверить его на качество обслуживания. Но двери оказались заперты. Гаврил Гаврилович был высокого роста и крепкого телосложения. Подумав, что дверь примёрзла, он поднатужился и дёрнул её посильней. Дверь скрипнула и стала падать на министра культуры. Вся делегация с удивлением и страхом смотрела на эту процедуру.

– Макс, помоги, – крикнул Тяпкин, придерживая руками уже окончательно вывалившуюся дверь.

И вот в этот драматический момент из-за угла вышли три здоровых, добротнo одетых мужчины. Гаврил Гаврилович повернул голову в их сторону, в одном узнал министра промышленного строительства области Петра Трифоновича Кутейкина. Петр Трифонович тоже сразу узнал своего министерского коллегу и подскочил, чтобы удержать дверь. Дверь быстро водрузили на место, нашли какую-то жердь, и для полной уверенности, что её никто не вырвет больше, приткнули.

– Это что за безобразие?! – стал возмущаться, ошарашенный произошедшим Гаврил Гаврилович.

– Я везу делегацию англичан, по культурным связям. Вот это что такое? – он показывал рукой на только что «отремонтированный» туалет. В этот момент к ним подошла в одеянии снежной бабы работница этого рынка.

– А вы что это здесь разбойничаете? Туалет работает только летом. Зимой все за угол ходят. Вон, откуда эти мужики вышли.

Гаврил Гавриловича возмутила, как ему показалось, грубоватая речь женщины.

И в тот момент, когда он хотел резко осадить эту особу, увидел идущего к ним Главу области Ивана Петровича Иванова.

Он резко развернувшись пошёл к нему навстречу.

– Иван Петрович, а что же это туалет-то закрыт? Мы везём делегацию, и куда прикажете их проводить? Вы детей за угол сводите, а этим как объяснить?

Глава области, конечно, не ожидал встретиться в таком месте, да ещё сразу с двумя министрами.

– Добрый день, Гаврил Гаврилович и Пётр Трифонович, – проговорил Иван Петрович, не свойственным ему, вдруг, охрипшим голосом, вобрав голову в плечи. И дёрнуло же его выйти из машины именно здесь! Как он мог забыть, что этот туалет принят полностью с недоделками, а потом его постоянно закрывали. Он даже кому-то по жалобе отвечал, что это помещение себя не окупает.

– Может вам и добрый, а мне что прикажете делать? По лесу с ними погулять!

– Что же Вы, Гаврила Гаврилович, нас заранее не предупредили, мы бы всё здесь должным образом подготовили.

К ним подошёл Пётр Трифонович и, нахмутив брови, сказал:

– Надо проверить, что здесь по проекту. А, пока, я думаю, Гаврил Гаврилович, надо проехать 20 километров, там будет частное кафе с туалетом. Всё сделано на уровне.

В то время, как министры пытались решить важный вопрос, Макс развлекал английскую делегацию, которая в полном составе с огромным ожиданием поглядывала на злополучное сооружение, уже начиная понимать, что здесь что-то не так. А когда увидели, что дверь подпирается жердью, то поняли, что их туда не пустят.

В тот самый момент, когда всё, кажется, уже решалось в ходе переговоров положительным образом, откуда-то появился не особенно опрятный парнишка и стал, размахивая рука-

ми, что-то убедительно доказывать, направляясь в противоположном направлении. Вся делегация последовала за ним.

Гаврил Гаврилович сначала ничего не понял, но, вдруг, вспомнил, что несколько лет назад был в этом ужасном заведении с выбитыми плахами. Он ехал с московскими артистами, и по дороге не нашлось ни одного туалета, кроме деревянного, куда и шли сейчас англичане. Тяпкин тогда работал заместителем министра культуры, и на первой же планёрке поднял вопрос о нормальных соответствующих мировым стандартам туалетах.

– Макс! – закричал он, что было сил, бросившись догонять иностранцев. Когда, наконец, вся делегация оказалась в автобусе, не успев дойти до страшного места, на его лбу выступала лёгкая испарина.

– Надо, надо нам налаживать культуру во всём! – подумал он и глубоко вздохнул.

Михаил Кыров

Не пишет просто так поэт

Не пишет просто так поэт,
В его словах есть Божий свет.
Ему важнее знать и верить,
Что в души не закрыты двери.

Стихами свежести взовьётся
И настежь сердце распахнётся.
Хоть иногда тоска иголкой
Блеснёт в глазах поэта колко.

Как ястреб метко словом бьёт
И продолжает свой полёт.
От зорких глаз его не скрыться,
Лжи пеленою не укрыться.

Немногим суждено понять,
Как может он весь мир обнять.
Легко паря над облаками,
Неся рассвет, живя стихами.

Хороших людей очень много на свете

Хороших людей очень много на свете,
Но нам на бегу не всегда разглядеть их.
Ведь сотни людей друг на друга похожи,
Шагают вокруг нас толпою прохожих.

Мелькают весёлые, грустные лица
И те, кто не могут определиться.
У каждого взгляд свой на этом пути,
И каждый судьбу свою хочет найти.

Казалось бы — вот он счастливый билет,
Но порой шагает мужчина ей вслед.
Стараешься мимо пройти, не заметив,
Да мало ли их на большом Белом свете?

А где-то свербит, постоянно мешает,
И кто-то на пятки всегда наступает.
С судьбой не поспоришь, наверняка,
Когда она учит тебя, дурака.

Но Сердце — твой компас на сложном пути,
Оно и подскажет, как надо идти!

Для тебя

Они звучат всё ярче и сочнее,
Слова, в нас растопившие печаль,
И пусть твой взгляд меня всё реже греет,
Свяжу словами кружевную шаль.

Когда потянет сыростью и стужей,
Накинь её на голое плечо
И вспомни одинокий ужин,
Питавший нас мечтами горячо.

Вновь заструится свет своим напором,
Вливая вдохновение в уста,
И распахнёт окно, срывая шторы,
Совсем другая нежная весна.

Пусть не всегда мы можем прикоснуться
И прошептать заветные слова,
Я дам тебе возможность улыбнуться
И осознать, насколько ты нужна...

Потери и находки

Из жизни твоей постепенно уходят
Те люди, которых другие находят.
Одни, лишь коснувшись руки незаметно,
Другие порывом безумного ветра.
И место здесь есть категории третьей,
С тобой навсегда они в собственных детях.
А жизнь продолжает бежать и смеяться
И надо встречаться и вновь расставаться.
Иначе тебе не получится встретить
Того, кто дороже всей жизни на свете.
Того, кто полюбит тебя за изъяны,
С кем можно легко покорять океаны,
С улыбкой смотреть на прожитые годы,
Любуясь закатом, встречая восходы.
И вместе страницу писать за страницей,
Вдаль провожая года вереницей.
Твой день обязательно тоже придёт,
И, кто тебя ищет, тот точно найдёт.

Муза

Когда ты видишь в человеке музу,
Уже не тратишь попусту слова.
Её улыбка добавляет вкуса
Твоим изрядно высохшим стихам.

Она весенним ранним половодьем
Питает корни свежего ростка.
И отпускает крепкие поводья,
Державшие стремления скакуна.

И вихри мыслей, рвущихся наружу,
Взволнуют сердце, подгоняя прыть.
Ему всего одну лишь музу нужно,
Кому бы жизнь хотелось посвятить.

Шантаж

Наш мир и так не идеален,
И каждый день необратим.
А мы жестокими словами,
Забыв любовь, друг другу мстим.

Ты шантажируешь меня
То сексом, то, порой, детьми.
В своих истериках виня,
Наотмашь хлопая дверьми.

Уничтожая мою гордость,
Заводишь нас в глухой тупик.
Эгоистично и оплошно,
Нацелив в мир пустых интриг.

К чему сжигать остатки веры,
Что я к тебе не потерял.
Утратив чувство тонкой меры,
Ты распыляешь идеал.

Тобой я выброшен на берег
Из моря страсти и любви
Надменной волею истерик,
Пронзивших сердце до крови.

Не стоит временем швыряться
И спотыкаться по пути.
Мы каждый день могли расстаться,
Но ведь и жизнь могли пройти.

Надежда Кетрарь

Мириады огненных созвездий

Огненных созвездий мириады
Отражает водяная гладь.
Кажется, что космос вечный рядом,
Можно и рукой его достать.
Прикоснуться к тайнам мироздания,
Пролететь по млечному пути,
В дальних закоулках подсознания
С космосом единство обрести.
Пронестись кометою мгновенно
Рядом с не открытой звездой.
Где-то в темных уголках Вселенной
Обрести и счастье, и покой...

Водопад

Водопада мощь неусдержимая
С грохотом несется с высоты.
Ширина от брызг необозримая
С самого подножия черты.

Все величье силы в неизвестности,
Что уходит там за горизонт.
И полет воды до бесконечности.
Капель диких целый триллион.

Пеленой туманною укутаны
Струи водопада и звенят.
Меж собою очень тесно спутаны,
От оков избавиться хотят.

Стелется низко молочный туман...

Стелется низко молочный туман
Плотной завесой по рекам, долам.
Сыро вокруг и не видно ни зги,
Лишь вдалеке чуть мерцают огни.
Тишь да молчание в сонной глуши,
Только листвой тихо ветер шуршит.
Плотности этой не видно конца,
Давит к земле, тяжелее свинца.
Думаешь только, туда ли идешь?
В млечной завесе не разберешь.
Тропка в тумане. С нее б не сойти,
В мареве этом не сбиться с пути.

Стелется низко молочный туман,
Плотной завесой по рекам, долам...

Родимая сторонка

Солнца ясного заждался
Нежный горизонт.
Над долиною раздался
Колокольный звон.
Отблески зари сверкают
В маковках церквей.

Звезд осколки быстро тают,
Небо все светлей.
Над полями, над рекою
Слышен перезвон.
Эхо вторит над землею,
Разгоняя сон.
Будет ясный день. Пшеница
Будет поспевать.
Много хлеба уродится –
Божья благодать.
Отцветают василечки
Снова у реки.
Только летние денечки
Больно коротки.
В поле мужики и бабы –
Весь в трудах народ.
Только б солнце, без дождя бы...
Так из года в год.

Раскрылатилась ночь ...

Раскрылатилась ночь темнотою своей,
Словно серость впитала всех прожитых дней.
Мрачной цепкою хваткой сдавить хочет грудь.
Страхом лезет под кожу. Теперь не уснуть.

Тени тварей малюет опять на полу.
Зашуршит громко мышью за стенкой в углу.
Завывает, бормочет, скрипит в тишине.
Через окна прокрасться все хочет ко мне.

Я тебя, тьма ночная, в свой дом не пущу
И бить страхом по нервам себе запрещу.
«Скоро утро настанет!»- себе говорю.
И с надеждой и верой я встречу зарю.

По огурцы

Скучно. Нестерпимо скучно было Витьке в родном селе-нии после разбитых армейских будней, когда все домаш-ние дела в эту беспокойную майскую пору уже переделаны. Надоели еженедельные клубные танцульки. Наскучили пьянки-гулянки со знакомыми парнями и девчонками. Вот бы чего-нибудь нового, необычного, чтобы адреналин хле-стал через край! Хотя мать предлагала ему устроиться на ра-боту, но Витьке всё не хотелось: «Не нагулялся, не отдохнул я еще пока».

И вот одним весенним вечером Витька вместе со своим закадычным другом Митькой сидели в нетопленной бане – от родительского взора подальше. Вмазав по паре стаканов мутноватой самогонки, заранее вытащенной и надежно при-прятанной Витькиным товарищем из многочисленных от-цовских заначек, изнывая от скуки, парни затеяли разговор.

– Слышь, Митька, а ты не знаешь, где можно взять свежих огурцов? Страсть как хочется. Соскучился я по ним в армии-то.

Надо сказать, что в ту пору свежих огурцов в небольшом магазинчике далекого сибирского села просто не водилось. Теплиц тогда еще особо не было. Люди садили эти пупырча-тые зеленые овощи в укрытых навозных парниках. А чтобы попробовать хоть один огурец, нужно было дожждаться хотя бы конца июня. На дворе же только начали отцветать ябло-ни.

Митька, жуя горбушку ржаного хлеба, от такого желания товарища чуть не подавился:

– Маринованных могу хоть десять банок достать. А све-жих... Не сезон еще.

– Да, понимаю. Может, у кого в парниках выросли уже?

– Навряд ли. Хотя дядя Семен Быков, мой дядька, их рань-ше всех высаживает. Да и навоз в парнике жирный, ядреный.

Сам недели три назад помогал ему таскать.

– Ну, давай, хоть на разведку ходим.

Жидкость в пол-литровой бутылке вскоре подошла к концу. Горячая кровь молодых парней под действием алкоголя жаждала приключений.

А на дворе уже вовсю хозяйничала ночь. В округе стояла тишина. Лишь изредка было слышно, как то тут, то там забрешет какая-нибудь собака, да зазвенит колокольчик припозднившейся коровы или лошади. Луна своим всевидящим оком беспечно смотрела на засыпающее село. Да только осматривать свои подлунные владения ей пришлось не долго. Вскоре темная туча накрыла ее своим пухлым телом. Сразу же стало темно. Пробираться вперед пришлось по едва очерченным силуэтам заборов и светящихся электрическим светом окошек деревянных изб.

Возле высокого забора местного клуба Витька споткнулся и упал на какой-то «булыжник», который хрюкая и визжа, обдал водой из лужи незадачливого дембеля и рванул в ближайший проулок. Витька встал с земли. Смеясь, отряхнул себя от придорожной пыли и грязи. Начало приключений было многообещающим.

Парни по закоулкам вскоре добрались до дома Митькиного дяди. Свет в избе не горел. Заходить решили с тылу. В дощатом заборе, сколоченном из ладных широких досок, одна доска легко отодвигалась. Это Митька заметил еще во время перетаскивания навоза в дядькин огород. С бойцовой сноровкой парни один за другим прошмыгнули в дыру. Витька в огороде Быкова ещё ни разу не был. На задворках стоял добротный туалет ромбиком. Рядом расположился просторный коровник с огромной кучей навоза.

– Ишь, как много. И чем он ее только кормит?

Было хорошо слышно, как корова лениво пережевывает сено. К коровнику прилепился, заглядывающий в огород своим единственным глазом-окошком, скромный курятник. Доносилось негромкое, уже дремлющее квохтанье петушиного семейства.

Наконец, взошла луна, озарив мягким светом владения Быкова. Стали хорошо различимы ровные прямоугольники грядок, а так же крытых пленкой парников. Вот они, родимые! Витка с Митькой приоткрыли пленку и засунули свои руки в нутро парника. Сразу же конечности обдало жаром перегнивающего навоза. И впрямь, ядреный. Начали щупать парниковую землю. Огуречные стебли были совсем не высоконькими. Руки кололо от колючих листьев. Однако вождественных огурцов нигде не было. Парни чуть слышно мажугались, разочаровавшись в своей задумке.

Вдруг Митька, находившийся на другом конце у туалета, громко заверещал. В лунном свете было хорошо видно, как здоровенный хозяин парников в безразмерных семейных трусах и растянутой тельняшке, в огромнейших галошах на босу ногу, схватил своего племянника за ухо:

– Мать, перемать!!! Это вы чего тут удумали? Без урожая меня решили оставить?

Вчерашний защитник Отечества от неожиданности бухнулся в теплую навозную кучу. Митька, потирая покрасневшее ухо, пытался объясниться:

– Да мы, это, свежих огурцов решили попробовать.

Крупный Быков разразился оглушительным смехом:

– Какие огурцы в это время? Ладно. Валите-ка, товарищи, пока я добрый.

Друзья дружно стартанули к спасительному забору, получив напоследок по увесистому пинку под зад. Через минуту Витка просунул голову в дыру в заборе и сказал повеселевшему Быкову:

– Дядь Семен, ты это.., мамке не рассказывай, – и, шмыгнув носом, добавил – А то стыдно.

Галина Свириденко

Домашнее задание

В определённое время многие люди начинают перелистывать свою жизнь с возрастных достижений. Но мне хочется углубиться в свои школьные годы, когда ещё все участники воспоминаний были живы. В памяти всплывает 5 класс. Это 1966 год. Урок гражданской обороны. Ведёт его учитель труда – Селезнёв Иван Романович, мужчина лет сорока, худощавый, с густыми, всегда сведёнными к носу бровями. Почему-то думалось, что и после окончания уроков, он никогда не улыбался. Из таких людей памятники можно делать.

В тот день Иван Романович рассказывал нам об угрозе ядерной войны и способах защиты от неё. Говорил о страшных последствиях после взрыва, уточняя при этом, что живём мы в степи, спрятаться от такого взрыва нигде будет, так как нет у нас ни гор, ни тайги, ни больших бетонных зданий. Поэтому каждому дал домашнее задание: вырыть возле своего дома бомбоубежище.

Был месяц май. Все мы ждали каникул. Но тревога закралась в сердце: ведь мне нужно было спасти всю семью. «Они

ещё ничего не знают», – думала я. Придя домой, я сразу пошла выбирать место для бомбоубежища. Лучше чем выкопать его у забора, перед самыми воротами в дом, я не придумала. Очертив предполагаемый размер, стала пробовать землю на твёрдость. Копать было трудно. Черенок и лопата оказались рассчитаны на взрослого человека, и мне они явно не подходили. Но степь – это большей частью песчаная земля, и дело пошло. Я уставала и часто отдыхала.

Когда прокопала на две лопаты в глубину, поняла, что это только на меня одну хватит, а отец – высокий, не войдёт. Погрустила, но прибавила к своим разметкам ещё полметра в длину. Сил моих хватило только на то, чтобы к вечеру бомбоубежище было равномерно выкопано на метр в ширину, два в длину и всего лишь полметра в глубину. Я была очень довольна, что мы все пятеро спасёмся.

Вечером я спросила старшую сестру: «Почему ты не помогаешь мне копать»? Она ответила, что им такого домашнего задания никто не давал.

Когда пришёл с работы отец, то первый его вопрос был: «Кто вырыл могилу? Младший брат и сестра показали пальцами на меня.

– Кто тебя надоумил?

Я ответила, что это домашнее задание и показала ему дневник, в графе которого мной было написано – вырыть бомбоубежище!

Он поскреб в затылке:

– А как теперь домой на велосипеде попадать?

Взял лопату и пошёл закапывать бомбоубежище. Я чуть не ревела, говорила, как мне трудно было копать.

– Такие вещи, – сказал отец, – надо со всей семьёй согласовывать. Наш сосед, участник войны, бомбоубежище не увидит и улетит в эту яму. Как он с одной рукой выберется из неё?

На другой день я выбрала место за домом, но земля там была очень твёрдая. И чтобы не сразу нашли новое бомбоубежище, я взяла у отца несколько штакетин и насобираала

мешок «хламья» для того, чтобы прикрыть сверху мой «блиндаж». Трудилась я около трёх дней.

На этот раз сосед, участник войны, спросил у отца, что это я всё время копаю за домом.

— Видно, клад ищете, — высказал он свою догадку.

В тот же день неожиданно прошёл дождь, а земля там была глинистая. Отец шёл домой подвыпивший, без велосипеда и решил войти в дом с другой стороны двора, откуда выгонял по утрам корову. Подскользнувшись на мокрой земле, он, естественно, угодил прямо в бомбоубежище, которое было прикрыто лишь слегка. К этому моменту мне оставалось только принести туда зимней одежды и подушек для того, чтобы там было мягко ночевать.

Не сразу мы слышали его крик и побежали вытаскивать. На помощь пришёл участник войны. Отец сильно ушиб ногу. Сказать, что он рассердился будет мало. Он хромал и выражался так, как мы слышали только в крайних случаях.

— А, если бы не я, а корова туда залетела, она бы все ноги переломала! — бушевал он, не переставая растирать свою повреждённую ногу.

Чуть позже он взял дневник и пошёл со мной к нашему учителю труда. Я очень боялась, что отец его налупит, они были одногодки.

Иван Романович сидел и курил на крыльце, не подозревая, что последует за приветствием моего отца.

— Не мог бы ты, Романыч, показать прилежащую к твоему дому территорию? — спросил отец озабоченным голосом.

— А ты что, Фёдорыч, дом мой покупать собрался? — пошутил учитель.

Отец не увидел никаких убежищ и спросил:

— А где твои Васятка и Юрок?

— Да, видно, на рыбалку ушли, — подумав, ответил учитель, но парнишки прилипли к окну с его внутренней стороны.

— А где они у тебя бомбоубежище вырыли? — не унимался отец.

Иван Романович замолчал, мало что понимая. Отец показал ему мой дневник с записью домашнего задания и свои ссадины на ноге.

– Я через твоё задание увечье получил. Завтра на работу не пойду. Сниму показания в милицеем участке и поеду в город узнать, кто дал право так издеваться над детьми. Ты тоже скоро на работу ходить не будешь. Тебя выгонят! Одного, или вместе с директором, хотя директора мне жаль. Он войну прошёл, уцелел. А я вот не уцелел, улетел в бомбоубежище, которое по твоему заданию выполнил мой ребёнок. Тут отец, внезапно взяв меня за руку, развернулся, и мы пошли домой.

– И в больнице ты теперь здесь лечиться не будешь. В ней, если ты помнишь, жена моя врачом работает.

Дома отец хромал и хохотал: «Пусть теперь не спит».

Поздним вечером к нам пришла жена Ивана Романовича, наша библиотечарь, Тамара Васильевна, и слёзно просила маму, чтобы отец простил её мужа. Тут засмеялась мама. Она сказала, что отец всего лишь пошутил.

Однако, на следующей неделе в школе произошли удивительные перемены. Девочек действительно забрали у Ивана Романовича. Ему оставили только мальчишек, с которыми он работал в мастерской по дереву и металлу. Нам же показали новую учительницу труда, с которой мы шили позже косыночки и платочки. Но запах металла и дерева нравился мне куда больше.

Двойная охота

– Я был ещё небольшим пареньком, лет двенадцати. Осенью мои старшие братья вернулись из тайги и принесли несколько мешков кедрового ореха, – вспоминал сосед по общежитию Павел, угостивший меня свежим орехом и решившийся поделиться своим удивительным воспоминанием.

– Собранные в тот год шишки, были большие и ещё влажные. Перерабатывали мы их «комбайном», этаким руч-

ной машиной по переработке ореха, не один день. А потом орех сушили, рассыпав на льняные простыни. В мою обязанность входило шевелить отшелушенный орех лопатой в течение дня.

Орех щёлкал не только я. К нему проявляли интерес и куры, и различные птицы. Но я старался его сберечь. И вот, когда он хорошо просох, подняли на чердак, засыпали в деревянный сундук и прикрыли. Все были довольны и спокойны, что теперь его надолго хватит. Но я, из своего мальчишеского любопытства, решил приглядывать за сундуком и там.

Поднялся вечером на чердак, пошевелил руками урожай, решив пощелкать немного и усмотрел, как с одного угла сундука он просел. Разравнял я его. А на другой день смотрю, а там снова просевший уголок, в том же месте и немного просыпанного ореха рядом.

– Кто же этот воришка? – думаю.

Решил его отследить. Лёг под одеяло рядом, а сам службу нес. Вдруг, услышал лёгкий шорох, пригляделся осторожно, а это – полосатый бурундучок разгрызает отверстие в сундуке и вскоре исчезает в нём. Вылез я тут из своего укрытия и жду, когда он покинет кладези сундука. А он, видно, тоже меня учуял и сидит там продолжает. И началась у нас игра – кто кого пересидит? Но моё терпение закончилось быстрее, я взял палку и постучал по тому краю сундука, где орех проседал. Что тут началось?

Воришка испугался и засуетился. Хочет вылезти, а не может. Щёки-то его забиты орехом. Одну щеку он высунет, а другая не пролазит, а я сижу и хохочу. Ещё разок стукнул. Понял бурундучок, что бежать из сундука надо, иначе худо будет. Часть ореха он оставил и кинулся опрометью, откуда пришёл.

Я так и знал, что не поймаю его и решил отпустить. Но тут, наш кот Прыгун, и откуда только взялся, хватя его в лапы и всё!

Не смог я помочь бурундучку, который успел мне понравиться.

Ничего никому не сказав, на завтра я снова наблюдать отправился. Лежу, поглядываю. «Всё, – думаю, – теперь воришки нет, орех сохранится».

Как бы не так, другой бурундучок, и та же самая история. Жалко мне стало их. Взял я жестяную ленту и обил мелкими гвоздями весь сундук по низу, чтобы никто его прогрызть не смог.

Но вы бы видели, каким огромным и тяжёлым стал наш Прыгун. Отъелся на зверьках, морда с усами лосниться стала.

Так уж устроено в жизни: у кота промысел – поймать свою добычу, а бурундучки-дурачки не захотели в тайгу за орехом бегать. Труднее, конечно, орешки из самой шишки доставать, хотя опасностей там тоже хватало, но зато кота Прыгуна, который глядя на чердак ещё долго облизывался, там не было.

Добыча

Однажды мои старшие братья взяли отцовское ружьё и отправились на охоту. Меня, конечно, не взяли с собой. В школу я тогда ещё не ходил. Поэтому втихушку, прячась за порослью леса и стараясь не отставать, пришлось увязаться за ними.

Говорили они между собой так тихо, что я ничего не мог слышать. Оно и понятно: всякие лишние звуки отпугивают настоящего зверя, это уже тогда было мне известно.

Почувствовав за собой слежку, братья вдруг остановились.

– Эй ты, хитрец, выходи, – сказал Сергей. – И давно ты нас ведёшь? Хотя, понятно, с самого начала, – тут же ответил сам себе.

Делать уже было нечего, и я предстал перед родственниками.

– Так, в сандалиях и рубашонке без рукавов, – уточнил Лёнька и, сняв с себя охотничью куртку, повесил её на мои плечи.

– Не выгоните? – с надеждой спросил я.

– Если бы это было в деревне, то не обсуждалось бы, а теперь ты – в команде.

Они рассмеялись и я тоже. Здесь мы должны были рассредоточиться, но повисло молчание – видно никто не хотел быть со мной в паре. И вдруг я увидел на ветви кедра появившегося зверька, который тоже смотрел на нас.

Я тронул Сергея за рукав и пальцем показал зверушку. Он всем сделал знак молчать и прицелился. Раздался выстрел, и «зверь» моментально свалился и, лежал не шевелясь. Крови не было нигде. Его безжизненное тело брат прощупал, потряс, но зверёк никак не реагировал.

Ленька посмотрел на ветку, где бурундук, так они его называли, любовался природой, как и мы. На ветке была свежая царапина от пули.

– Вот и думай теперь, то ли от выстрела свалился, то ли от сильного сотрясения ветки, – добавил Сашка.

– Думай, не думай, а охоте нашей всё равно пришёл конец, – решили братья, снимая с меня картуз. На дно его они положили «убитого зверя», завязав в охотничий рюкзак, который надели мне на плечи со словами: «Твоя первая добыча, тебе и нести её».

Увесистый рюкзак при каждом шаге бил меня по ногам, но я терпел. Это ведь, в самом деле, был самый первый мною добытый зверь. И пусть не я произвёл выстрел, но они бы не добыли его без меня.

Я думал, моим братьям, наверное, было обидно, что не они, а я первым увидел бурундука. Но, когда братья стали рассказывать родителям правду про охоту, я узнал, что вернулись они всё-таки из-за меня. Домой отправить не могли, потому что я бы заблудился, а идти дальше – шаг короткий, устал бы, но самое обидное было – дитём называли.

– Ну, доставай свою добычу, – заинтересовался отец.

Струдом развязав рюкзак, я достал картуз, но вместо зверя там оказалась большая неровная дырка. Такая же дырка была и на дне рюкзака. Трудно было сдерживать слёзы. Фу-

ражку только что купили мне в первый класс. И если рюкзак крепко накрепко починили, то дырка из моего новенького картуза осталась в памяти до сих пор. А ещё все смеялись до упада. И хотя стрелять мне довелось только в армии, всю жизнь было приятно от того, что никого я не погубил в лесу ни тогда, ни позднее.

Ловушка

Начиналось лето, и по всему июнь должен был быть жарким, но не в этот раз. Напротив, на всю неделю устойчиво закрепились дожди. Холодные дожди. И всё бы ничего, но пожилой сосед попросил молодого парня Илью посмотреть в отдалённом логу его пропавшую корову.

Согласившись, Илья второпях не проверил при себе наличие спичек и отправился на помощь. А как бы они сейчас пригодились! Поскольку для разжигания костра оказалось всё, кроме них, то погреться не удалось. А раз так, то ничего кроме спортивной ходьбы на ум ему и не пришло. Вскоре, ноги привели парня к ручью, который надо было перейти. Обувь давно успела промокнуть, и он остановился обдумать своё положение.

На глаза попало бревно, одним краем укрепившееся за землю и послужившее спонтанным мостком, который позволил ему оказаться на другом берегу ручья. И тут, в сторонке, он услышал злобное верещание.

– Где-то совсем рядом беда..., – предположил парень.

Не раздумывая, осторожно пересёк кучу густого валежника, рядом с которым увидел капкан. В нём бился детёныш колонка. Молодое животное извивалось и шипело. Задняя его лапа была прочно сдавлена, внезапно сработавшими створками ловушки. Возможно, капкан остался забытым здесь своим хозяином ещё с зимы, и случилось то, что случилось.

И хотя колонки вблизи сельского поселения обычно представляют собой немалую опасность для птицы, но тут наряду со злобным шипением, в глазах бедолаги читалась

такая боль и безысходность, что Илья не раздумывая, решил помочь зверьку в беде.

Понимая, что дикое животное может изорвать руки, он нашёл довольно длинную раздвоенную деревянную палку и, обрезав её концы, соорудил острую прочную рогатину. Прижимая детёныша к земле, чтобы не прыгал и не вылез из-под неё, Илья сдавил ногой пружину ловушки, которая раскрылась. На какой-то миг колонок замер, а Илья успел отпрыгнуть в сторону, чтобы зверёк не впился ему в ноги.

– Свободен! Беги и постарайся больше не попадаться! – успел крикнуть напутственные слова спаситель, поднимая рогатину. Неизвестно какие чувства испытало вымученное животное. Подпрыгивая на трёх лапах и пища от боли, колонок метнулся в противоположную от человека сторону. Чтобы Илью не обвинили в воровстве, освободившийся капкан он повесил на ветку берёзы. И хотя добыча ушла, парень остался доволен своим приключением, которое навсегда стало тайной лесной опушки.

PS. Что же касается пропавшей коровы, то по странному стечению обстоятельств, вскоре, она сама вернулась домой с новорожденным телёнком.

Экзамен

– Было в моей жизни время, когда я, как и все ребята, тоже был подростком, – вспоминал Григорий Петрович, – глядя на соседского мальчугана, который с лихостью пронёсся мимо него на велосипеде.

– Ишь как летит, за руль, дурачок, не держится, – делился своим наблюдением пенсионер. – Оно конечно, асфальт здесь ровный, да гладкий. Ему бы по дороге гравийной, да горной полихачить. Хотя, похоже, он не вчера ездить научился: головой не вертит, спина прямая..., – и расхохотался, вспомнив что-то своё.

– Для меня, в своё время, тоже был праздник, когда велосипед подарили, – продолжал общаться вслух Геннадий Петро-

вич – я сам катил его из магазина, боясь признаться встречным, что ездить на нём ещё только предстоит научиться. Голубого цвета рама, блестящий изогнутый руль, педали, насос – всё как положено. От движения его колёс, спицы вертелись как будто в глазах у меня самого, и я подумал: скоро их пересчитаю. Отец установил сиденье и сказал, чтобы я продолжал راستи, потому что его всегда можно сделать по росту.

Объяснив мне технику безопасности, которая заключалась в том, чтобы постараться не налететь на камень, не вертеть поминутно рулём и содержать свою машину в чистоте, он придержал велосипед, пока я садился и легонько толкнул вперёд.

Только самого главного он не сказал: научиться держать равновесие. Велосипед покатился, а я не понимал, что делать. Смотреть перед собой – значит не смогу увидеть, что под ногами. Начал смотреть под ноги – руль дрогнул, завернулся, и я упал.

Как мне было больно и стыдно. Все друзья умеют, а я нет. Уговорив меня снова сесть, отец покатил велосипед, а я сидел и держался за руль, как маленький.

– Хорошее начало, – сказал он, одобряя, – телёнка на прививку тоже так водят. Подошедшие друзья расхохотались и толкнули велосипед сзади ещё сильнее.

– Держи прямо руль! – крикнули мне все, и я поехал. Недолго.

Отцу стало жаль меня, и он замкнул велосипед в сарай. Дома я пересчитал синяки и кровоточащие ссадины. Стало не совсем весело. Утром отец снова вывел велосипед на улицу и сказал к обеду научиться ездить, а если не смогу, придётся подарить его двоюродному брату Илье. Ездить посоветовал пока в ограде, чтобы не позорить нашу фамилию.

Естественно, я не мог допустить передаривания моей мечты. Через несколько свежих падений пришлось понять на что смотреть и успевать переключать внимание, чтобы удержаться за рулём. В обед я должен был сдать экзамен по вождению.

Экзамен состоял в том, чтобы съездить в соседнее село и сказать другу отца, что завтра утром он заедет за ним на рыбалку. Я с ужасом смотрел на велосипед. Мне предстояло ехать пять километров.

Выведя велосипед на улицу, с нескрываемым страхом сел за руль, не понимая, как мне удастся добраться. На повороте руки дрогнули, и я улетел в одну из выбитых ям, заполненную дождевой водой. А когда весь мокрый и злой вытащил из неё велосипед, меня вдруг осенило. Я просто сел и поехал.

Джек без потерь

В человеческой памяти не так много воспоминаний остаётся из самого раннего детства, хотя иные помнят, во что были одеты в школе, с кем сидели за одной партой и кто был первый учитель. Я же хочу рассказать о собаке.

Школа в селе была не маленькая: пять кабинетов, длинный коридор, и зимой в ней всегда было холодно. Утром нас провожали родители, так как ночные степные выюги заносили дорогу полностью, и мы могли заблудиться. Если кто-то из родителей провожал своих детей, к ним подкидывали ребятшек все соседи.

А вот из школы, помнится, нас забирал пёс Джек. Когда ему говорили слово «дети» и снимали с него ошейник, он пулей летел в школу и сидел у дверей, дожидаясь троих нас и двух соседских мальчишек. Так мы и уходили: первый – пёс, а за ним – мы. Сначала самые маленькие, а заканчивала наш строй двенадцатилетняя сестра Таня. Джек прокладывал дорогу. Иногда псу приходилось ждать долго.

Пёс без труда открывал дверь в класс, за которой находился наш младший брат. И однажды вошёл и сел рядом с ним «учиться». Все дети хранили молчание, пока его не заметил учитель. Потом долго смеялись. Но Джек понял, что учитель сделал ему замечание и стал отныне сидеть в коридоре, у двери. Он не выходил из школы, пока не дожидался

нас всех. И если его пытались вывести силой, не шел, пока не соберутся все пятеро.

Сначала его боялись и не пускали в коридор: думали, что он кого-нибудь напугает или укусит, а потом стали уважать за преданность своему делу.

Но всё меняется в жизни. Решила и наша семья продать дом и уехать жить в город. Отец понимал, что охотничью овчарку нельзя будет запереть в городскую квартиру, а сельский пастух давно просил подарить ему этого пса.

Рано утром отец погладил Джека со словами: «Прощай, ты был для нас преданным другом», – и передал ошейник с цепью пастуху. Пёс всё понял сразу. Он понимающе посмотрел отцу в глаза и молча пошёл за новым хозяином в другую жизнь.

Джек уходил спокойно и навсегда, не оглядываясь. Гордый, чёрный и красивый. Младшие дети плакали.

– Газуй! – крикнул отец водителю.

Много лет спустя, он спросил пастуха, как там Джек проживает? На что пастух ответил ему, что он прожил с ним еще с десятков лет, и что пока тот нёс службу, самому в поле ему можно было не выезжать. Стадо овец он приводил домой без потерь, и что лучшей овчарки, чем Джек, у него больше не было...

Схрон

У каждого человека есть такое секретное место, где он хранит свои тайны. У взрослых, чаще всего, это места на верхних полках сервантов – это небольшие ларцы, сейфы, папки.

– Но что значит – в квартире? Будь в ней хоть сколько комнат, найдут и разграбят. В семье-то народу много, не считая гостей. Бабушка была не в счёт, хотя вдруг и ей вздумается искать очки?

Примерно так думал Василий, пятилетний мальчуган. А хранить Василию было что. Он находил редкие по детскому уразумению прозрачные стеклянные осколки, которые вы-

зывали его любопытство. Часто парнишка крутил их в руках. Кривые, округлые, с острыми углами – они переливались множеством разных оттенков. Мальчуган пытался сравнить их с бриллиантами, представляющими огромную ценность. Иногда находку требовалось тщательно отмыть. Однажды ему даже попался красный светоотражатель от автомобиля, который вызвал особый интерес Василька.

– В своё время он может пригодиться, – решил собиратель необычностей, предоставляя и ему местечко в своём сундучке.

О сундуке надо сказать особо. Мальчик всегда с любопытством наблюдал, чем занимался дома его отец. Когда он видел, оставшийся от чего-либо бросовый материал: мелкие узкие, полированные дощечки, ненужные остатки то, чтобы их не сожгли в печке, припрятывал их.

Отец, видя сметливость мальчугана, не препятствовал этому, а лишь вздыхал, почему остальных сыновей подобные вещи не интересуют?

Но Вася, всё делал с определённой целью. Чтобы сохранить клад, ему нужен был свой ларец. Картонные коробки для этого не годились, а фарфоровая посуда могла в любой момент расколоться. И когда материала набралось сколько надо, он, выровняв ножовкой дощечки по размеру, сколотил удлинённый ящичек. Для крышки Вася припас остаток отцовского ремня, из которого вырезал две мелкие полоски – места для сгиба крышки. С их помощью соединил мелкими гвоздями крышку с ящичком. Последним аккордом стал замочек, который был сделан из двух согнутых гвоздиков, цепляющихся друг за друга.

Наконец, секретный ларец был готов. Никто его не видел, никто не подозревал, что на свете появилась тайна. Оставалось только найти место для её хранения.

Посёлок, где жил с семьёй Васятка, находился очень далеко от города и крупных селений. Это была тайга, настолько глухая, что приезжающие взрослые иной раз блудили в ней, уходя туда в одиночку.

Сильно далеко мальчонка не ходил, но ближайшие места научился отмечать и запоминать. Как правило, это какое-то особенное дерево, или своеобразный камень. Для схрона надо было подобрать что-то такое, что не понадобилось бы человеку взрослому и не попало на глаза его сверстникам.

Думая об этом, Вася споткнулся о пенёк. Он основательно рассмотрел его. Пень, был не какой попало, не от сломенного ветром дерева. Это был ровный спил. Видно, кому-то понадобился кедр средней величины. Вася машинально погладил распил рукой, и вдруг почувствовал мягкость его середины. Он вытащил перочинный ножик и начал потихоньку вырезать эту мягкость.

– Самое то, что нужно, – решил мальчик, – кора ещё прочная, и несколько лет никто ни о чём не узнает. Правда, потребовалось немалое время, чтобы выдолбить в нём отверстие, подходящее по размеру ларца. Более того, нужно было сделать ещё и прибавку на верхнее прикрытие самого схрона.

На другой день Вася, взяв осколки шифера, молоточек и ларец с драгоценностями, отправился в тайгу для завершения своей мечты. Ему не потребовалось расширять и углублять отверстие. Деревянная коробка легко вошла в означенное место. Выровняв съёмный настил из шифера, он прикрыл им свои сокровища. Но этого было мало. Весь кедровый спил Вася присыпал землей, чередуя её с иглами от сухого кедра, чтобы ничто не привлекало чужого внимания. Забросав на земле следы своего пребывания, он покинул укромное местечко.

Иногда, наведываясь туда, мальчик продолжал тщательно следить за тем, чтобы никто не встретился. Эти разноцветные стёкла снились мальчишке по ночам. Зимой его согревала мысль, что никакая чужая рука не подберётся к кладу. Часто обладатель прибегал сюда просто налюбоваться своими сокровищами, пополнить их мелкими монетами и бусинками. Покидал схрон он так же осторожно, только твёрдо убедившись в секретности содеянного.

Но в какой-то момент, Василий забыл о своей детской за-

баве. Забыл совсем, потому что наступила юность. Прошли годы, прежде чем он очутился на месте, которое непонятно чем, но заставило испытать его лёгкое волнение.

И тут сработала память – чуйка. Вот же оно, то особое дерево – выросший кедр с двойной макушкой, когда-то сломенной им же. Вот он – камень, вросший в землю и сам пенёк – тайный схрон его сокровищ.

Он стоял совсем дряхлый, усыпанный разросшимися опятами. С волнением, уже взрослый мужчина, стал зачищать его верхушку. Всё правильно. Земля провалилась. Убрав когда-то выбитый по размеру шифер, он увидел свой сгнивший и рухнувший ларец с драгоценностями. «Бриллианты» лежали засыпанные древесной трухой.

Встретившись с детством, Василий вновь тщательно рассматривал предметы своей заветной тайны и грустно улыбнулся.

Не каждому удаётся воочию встретиться со своим детством.

Водопад из мельницы...

Известно, что события из детства хранятся всю жизнь и никуда не исчезают. И вспоминаются они разные: не только радостные, но и тревожащие, а то и страшные.

Вот и я в детстве своём, да и в юности, за наводнение принимала весенние степные ручьи, вяло перетекающие из одних луж в другие. Венцом великолепия и общего страха был ревущий овраг, куда стекалась вода со всей округи. Ревел он так сильно, что подойти к нему было невозможно. Скользящая глина и проваливающийся снег могли подтолкнуть кого угодно в эту образовавшуюся промоину.

Больше всего боялись, что какая-нибудь животина или дитё там сгинет совсем. Никаких ограничений движения не существовало. Лишь только его рёв сигнализировал о том, что зима закончилась, и место стало опасным.

Растаявшая под снегом вода скрыто и тайно подкрадывалась к оврагу. Плохо было тому, кто не имел высоких рези-

новых сапог. Кое-как находя «твердые» утоптаные тропки, соседи пробирались к своим домам. Это были дни, когда малых детей не пускали в школу.

Мы, детвора, считали, что у оврага есть хозяин – мельник Михей. Небольшого роста, в вывернутой шапке, горбатый и всегда обсыпанный мукой, он наводил на детей ужас. Михей не походил на человека. Волосы и ресницы его были настолько белыми, как не было ни у кого. Казалось, он весь был покрыт белой шерстью, которая прорастала даже через его одежду.

Когда дети подходили к мельнице совсем близко, он выскакивал, приплясывал и громко хохотал! А мы, ожидая, что сейчас он погонится за нами со своей лопатой, удирали кто куда, чтобы больше с ним не встречаться.

Даже летом, выходя из своей мельницы, он громко стонал и кашлял, хлопая руками по одежде, и из него во все стороны летела белая пыль. А тут ещё – этот ревущий водопад! Кстати, страшный овраг шумел и вытекал, так нам тогда казалось, именно из-под его мельницы. И хотя мельника в эти дни на мельнице не бывало, но овраг-то ревел!

Каждый день мы подбирались к нему всё ближе и ближе. Нас просто магнитом тянуло туда. Снег обваливался. Теперь через падающие глыбы льда открывался сам провал, куда вместе с бурлящей водой летела и земля. Растаивая, он всё больше становился видимым. Это была огромная трещина земли. Как будто земля взяла и лопнула. Со временем его поток постепенно расширялся. Это был момент освобождения окраины села от воды. Но наступало время, когда овраг постепенно переставал гудеть, плавно переходя в тихое журчание, а потом и исчезал вовсе.

Летом мы свободно подходили к нему и не могли поверить, что он был такой страшный. Стекая в озеро, овраг постепенно превращался в пологий берег, по которому каждый год летом устанавливалась проезжая дорога. В оставшейся воде росли камыши и цвели кувшинки, и мы катались по этой летней дороге на велосипедах.

А однажды вставили туда ивовые прутья, смешно огордив ими огород от соседей. Через несколько лет, когда я вернулась туда, то оврага не нашла, как и мельницы, а вместо прутьев обнаружила целое царство растущего ивняка. Впрочем, огородов не было тоже.

За всем должен быть хозяйский догляд и уход. Не было ничего. Стояла только баня и шест, на котором весной оживал сделанный ещё отцом скворечник. Он и теперь напоминает о том, что здесь жили люди. Но овраг-то был! Он действительно впадал в озеро, которое находилось в нашем огороде. А воды весной он поставлял столько, что хватало её на целое лето...

Подмена...

Знакомство, которое произошло со случайно попавшимся мне котом, было обычное. Необычен был сам кот. Как настоящий хозяин окружающего пространства, он обходил павильоны туристической базы, прислушиваясь и отмечая, что и где происходит. И поскольку я оказалась тем звеном, которое потребовало дополнительного наблюдения, кот, похожий на «медведя», прилёг на кресло напротив, слегка прищурив глаз, и сделал вид, что дремлет. Так он сознательно успокаивал бдительность чужака, чтобы самому следить за тем, чего можно ожидать от постороннего человека.

А гостя, в это время, слушала историю появления этого громадного сибирского поселенца, семи килограммов своей значимости, густого медвежьего окраса.

Хозяйка Люба, была владелицей этого туристического комплекса, и должно быть инстинктивно чувствовала, что кот и есть тот объект, на который ведутся приезжие. Самое удивительное, что и он чувствовал это.

Отказавшись от угощения, он в который раз, прослушивал историю своего появления в этой сказочной горной местности с суровой и быстроходной рекой.

– Понимая, что частенько я буду здесь жить одна, знако-

мый добродетель безо всякой договорённости принёс мне однажды маленького котёнка, – начала повествование Люба. – Передавая его в мои руки, он сказал, что имя у него уже есть, зовут – Сонькой. И поскольку у меня это была единственная животинка, то я с удовольствием стала её выкармливать. Днём частенько прикрывала котёнка тёплым шарфом, а ночью мы с Сонькой согревались вместе.

Подрастающая кошечка сразу стала удивлять меня своими интересами и привычками. Она рано начала обследовать территорию здания и однажды, после нескольких падений с высоты, второй этаж перестал быть для неё недоступным. Обустраиваясь на перилах верхней террасы, она наблюдала места, которые впоследствии становились её объектами. И как-то раз, услышав её рык, я поняла, что это — не «Сонька!» Но не могла же я назвать его Сонэт. Хотя, кто знает, на что он будет способен в марте?

Некоторое время кот жил без имени. Вскоре, увидев, как мастерски он набрасывается на всё, что движется, лучшего имени, чем Барс, придумать было невозможно.

Было странным наблюдать эту пару вместе. Любу, собирающую в лесу грибы и ягоды, и подростка Барсика, позднее — повзрослевшего Барса, с одного броска отлавливающего зазевавшуюся птицу, мышей и других зверушек. Складывая их на крыльце, он предъявлял существенные доказательства, что не зря живёт в этом доме.

Всем известно, что коты отлично лазают по деревьям. И если подросток Барсик любил висеть среди них на одной лапе, демонстрируя свои актёрские способности, то став Барсом, мог часами лежать, развалившись на развилках стволов, выжидая намеченную жертву.

Днём для него были открыты все двери гостиных комнат, а ночью они закрывались. Барс понимал, что уснув, хозяйка не услышит бестолковые царапания по входящей двери и решил себе помочь. На одном из подоконников боковой комнаты первого этажа была накрепко прикручена металлическая решётка для безопасности жильцов. Её и использо-

вал Барс, попадая в дом через открытую форточку. Чувствуя свою вину за задержку по кошачьим делам, кот только в темноте занимал место под рукой хозяйки.

Это был настоящий охранник. Он защищал Любу ото всех. Что было взять от мелкой собачонки на цепи, которая при должном окрике пряталась в конуре? Непостижимым образом Барс всегда чувствовал опасность, грозящую хозяйке.

Кот обладал невероятной силой и резкими хищническими инстинктами. Высокий берег реки скрывал нору, в которой жила куница. Однажды Барс сразился и с ней. Домой пришел с разорванным глазом и пораненной лапой. Уши были обтрёпанные и висели лоскутами. Люба сразу поняла, что именно с куницей и состоялась его схватка. Со стороны ей было видно, как Барс часто садился на верхушку невысокого столба, вбитого в край берега, и оттуда наблюдал за проворным зверем.

Однажды, навещая Любу, я решила подождать её в беседке, но догадавшись, что женщина у реки, решила пойти ей навстречу. Барс лежал рядом со щенком, греясь на песке. Он, в тот же момент, утробно зашипев, оказался рядом. По мере моего резкого отхода назад к беседке, Барс успокоился и снова поджаривался на солнце, коронно прищурив глаз.

А ещё кот любил охотиться на самой реке. Он запросто мог вырвать из воды любопытную рыбёшку. И это только то, что известно о нём. А сколько осталось не узнанным.

Через несколько лет жизни на туристической базе, у Любы возникла необходимость переезда в другую страну, где ей предстояло жить в высотном здании. Она не могла взять с собой кота. Это вольнолюбивое животное не смогло бы продолжить там своё существование. Коту было невозможно объяснить, что отныне у него появится другой хозяин, к которому нужно будет привыкнуть.

Оказавшись через несколько лет на базе, Люба начала спрашивать про Барса.

– Кот исчез сразу после вашего отъезда, – услышала она в ответ. Рассчитывать на то, что его кто-то мог прикормить,

было нелепостью. Скорее всего, самостоятельное животное осознало, что его предали. Отдельные люди вспоминали, что встречали в лесу похожего одичавшего зверя.

Кошки ходят везде...

Холодный день весны. Начало мая. И хотя земля песчаная, но грязи ещё хватает. В такой вот неласковый день решила наша учительница, Евдокия Ивановна, в четвёртом классе провести урок природоведения на природе.

Со вчерашнего дня посоветовала теплее одеться, обуться по сезону и захватить с собой ручку и блокнот. Темой урока оказалось «Наблюдение времени года».

– Всё, что вы увидите, – сказала она, – запишите, зарисуете, а работы ваши сдадите мне завтра.

Перед нами было пустое место: несколько голых берёз и чахлых кустиков непонятно чего. На освободившейся от снега земле клочками сохранился сухой овёс с торчащими из неё колючками.

С серьёзным видом мы разошлись по поляне так, чтобы никто не смог списывать друг у друга. А смотреть больше было некуда. Она советовала не торопиться и осмотреться внимательней.

Мы так и не понимали, чего учительница хочет от нас. Хоть бы подсказала что-нибудь. Некоторые ребята хотели уйти совсем, чтобы их не нашли. Евдокия Ивановна им не позволила.

– Ну, наблюдать, так наблюдать, – решила я, и давай по всем сторонам оглядываться. Подняла глаза вверх – небо с облаками. А они разные и плывут высоко. Вдали медленно двигались машины, что-то везли. Стала я кустики зарисовывать, зачем-то пересчитала их. Записала, что земля мокрая, и никакой свежей травы ещё не выросло. Прилетало несколько грачей на голые ветки берёз, но при нас они гнёзда вить не стали. Наверное, думали, что мы им какой-нибудь еды принесли.

Можно было уже уходить, но Евдокия Ивановна сказала, что наблюдать нужно полчаса. Мальчишкам все эти наблюдения надоели, и они принялись носиться друг за другом, «рожи» корчить. Это я записывать не стала.

Солнце то появлялось, то исчезало. У некоторых ребят промокли ботинки и они стали приплясывать.

Когда она спросила: почему многие не работают, мальчишки заверили, что всё запомнили и напишут дома.

– А скажи, Саша, что ты запомнил? – поинтересовалась она у моего соседа по парте.

– Так здесь же нет ничего, а раз нет, так и запоминать нечего, – сказал он и рассмеялся.

– Это настоящий урок, и я буду ставить вам оценки, – серьёзно предупредила учительница, – вы должны будете написать главное.

Но, что главное, а что нет – толком никто из нас не понял.

На другой день мы сдали ей листочки с названием «Экскурсия». Пониже – число и год. Всё обвели в рамку. Внутри развернутого листа у кого-то на третьей странице были нарисованы кочки на земле и точечные птички на дереве. У других было небо и смешное солнце. Я нарисовала с одной стороны листа мелкие машины, а вверху три облачка. Сам лист весь был пустой. Евдокия Ивановна заинтересовалась

– Почему нет, хотя бы, дороги?

Я сказала, что она далеко, за горизонтом...

Сашка написал «Весны нет, потому что она ещё не наступила». Был один листок, где на земле сидел грач и держал в клюве веточку. У одного мальчика на нарисованном кусте выросли зелёные листья, а сбоку сидела кошка. А когда его спросили, почему так, ведь этого не было, он ответил:

– Листья в почках сидят, они скоро вылезут, а кошка придёт сюда, когда теплее станет. Кошки ходят везде...

Оценок за наши наблюдения так и не поставили, их показали на родительском собрании. А перед каникулами на-

помнили еще раз подмечать всё интересное, что случится летом.

С тех пор и подмечаю. А, если бы не было этого урока?...

Ловись рыба...

«Ловись рыба мала и велика», присказку эту всегда проговаривает всякий настоящий рыбак, надевая червя на крючок, непременно поплевав на него перед тем, как закинуть удилище, если не хочет прийти домой без улова.

Больше полувека назад, не сказать, чтобы текли молочные реки с кисельными берегами, но рыбы в реках водилось гораздо больше, чем теперь. Она просто там была и всякая. Лучшим временем для рыбной ловли, всегда считалась утренняя зорька, хотя иной раз и к обеду везло, а ближе к вечеру собирались самые разные любители этого промысла.

Вот и Роман с друзьями, когда им позволяло время, собирали свои рыболовные снасти и спешили к реке, с названием «Кузя». Несколько десятков лет назад крючки найти было сложно. А удилища вырезали в ту пору из ивовых прутьев, кому какое надо – по своему росту и силе рук.

У кого из соседей водились гуси, брали перо из крыла на поплавки. А потом искали свинцовые пластинки. Обернув их леской, прибавляли самодельное грузило. А вот с крючками было сложнее. Иногда приходилось «похищать» из женских запасов швейные иглы, накаливая и стигая их, как необходимо. Часто в воде червяк слетал с такого крючка, но рыба, было время, ловилась и на голый крючок.

Как-то раз Роману повезло. В одном из брошенных домов, он присмотрел чердак. Там всегда хранились какие-то припрятанные мужские секреты. Оказалась и лестница, которой парень не преминул воспользоваться. Когда же он попал туда, там было так пусто, как бывает в карманах, в которых нет ничего. Разочаровавшись, он было собрался покинуть это брошенное безлюдное место, как вдруг увидел, висящую на гвозде, старую выгоревшую фуражку.

От «нечего делать», Роман взял её в руки и покрутил. Просто так. И вдруг внутри неё блеснули настоящие рыболовные крючки, и самодельно изготовленные мушки-мармышки из какой-то непонятной черной щетины. Это была необыкновенная удача! Спустившись с чердака, он помянул добрым словом бывшего хозяина дома и отправился подновить свои удилица.

А однажды, на него «снизошло». Появилось желание побыть на речке одному. Так он и сделал, решив опробовать свою рыбацкую выдумку. Найдя неглубокое расширенное русло одного рыбного ручья, Роман пронаблюдал – какой берег для рыбы предпочтительнее. Прозрачность воды на таких местах позволяла это сделать. И когда он в этом убедился, то повытаскивал из этого местечка большие отшлифованные волной камни. Он тут же перенёс их ближе к другому берегу напротив. Получилось небольшое углубление, в которое теперь автоматически попадала рыба. Вода просто ушла в новое русло.

А уж тут-то! Подвернув брючины, стоя в этой яме босиком, он голыми руками стал выхватывать рыбу из сделанной им запруды! Брал Роман её только самую крупную и выкидывал на берег. Когда азарт ловли прошёл, он всю рыбу собрал в рюкзак. Улов оказался весом более трёх килограммов! И какие рыбы: хариусы, таймени, ускучи! Секретом этим Роман делиться не стал. Дома его рыбалку одобрили, но посоветовали это делать в сапогах, так как горные ручьи очень прохладны.

Кстати, с годами это русло, предложенное любителем-рыболовом, стало основным – наглядный пример вмешательства человека в устоявшуюся жизнь природы. Хорошо, что оно не повлекло за собой глобальных изменений.

Мария Пахорукова

Под дружеское ржание

В первые дни сентября, по устоявшейся традиции, в короткие перерывы между уроками собираются коллеги в учительской, чтобы поделиться своими воспоминаниями о проведённом летнем отпуске.

Настал черёд сказительницы, учительницы английского языка, остроslope в современных реалиях жизни, каких поискать.

– Мои дети ездили в Таиланд.

– И чего им там делать летом, когда пора высокого туризма с ноября по апрель? – заметила присутствующая коллега, учитель географии.

– Всё правильно. Но в это время у них там какие-то особые условия для изучения жизни пернатых. Вот и рванули на три месяца. А накануне привезли мне на передержку своё самое дорогое: двух попугайчиков, только что полученных в подарок от друзей, таких же повернутых на новшествах жизни, как и мои дети. Дочь мне наказывает перед отъездом:

«Мама, птички еще не начали говорить, потому, прошу тебя, при них не выражайся, как ты это любишь делать, даже на своём английском».

– Да, я чё, я ничего, ёк-макар-ёк...

– Мама! Я же просила...

– Молчу, молчу, как рыба об лёд...

На том и расстались. Дочь с зятем уехали изучать диковинных птичек Таиланда, а я осталась не приучать ненормативной лексики на всех языках мира их неразлучных попугайчиков, Кики и Кешу.

Лето у меня – знойная пора в прямом и переносном смысле: за окном жара несусветная, которая случается в последнее десятилетие у нас в Сибири. У меня встречи туристических групп со всех стран мира. Каждый день новые люди, свежие впечатления, поездки по округу, общение, и всё – на английском языке. Кажется, что свой, родной уже забывать начала. А туристы всё пребывают и пребывают. Вечером, не чуя под собой ног, с заплетающимся языком доползаю до кровати, не забыв насыпать корм своим неожиданным квартирантам.

И спать, спать...

А утром – снова в бой...

Так пролетели три месяца. Было сложно, но интересно. Да и денежек к отпускным прибавилось – всё веселее жить. На больших зимних каникулах смогу на кровные, заработанные мир посмотреть и себя показать.

Дети вернулись, забрали квартирантов. Для меня наступила лингвистическая вольница, хотя уже и не тянуло так сочно выражаться, как раньше. Отвыкла.

А вчера дочь звонит с истерикой в голосе:

– Мама, что ты наделала? Чему ты научила наших пташек?!

– Дочь, ты о чём? Я и слова не произнесла при них за три месяца. На работе так наговорюсь...

– Послушай, если мне не веришь!

Она, очевидно, поднесла к клетке свой телефон, и в трубке раздалось роскошное лошадиное ржание.

Чего не смогла сделать я, успешно выполнил табун цыганских лошадей, прятавшийся в тени под моими окнами в знойные летние дни.

– Ах, было б только с кем поговорить!

P.S. Прочитав историю, поделилась своими воспоминаниями о домашнем пернатом учительница математики.

– Как-то давно у нас был попугай. Звали его Кеша. Большую часть дня он сидел в клетке. А клетка висела в коридоре. Каждое утро, проходя мимо, каждый из нас с попугаем здоровался по-своему. Первым проходил мимо него муж:

– Привет, петух!

Я обращалась к пернатому другу почти официально:

– Иннокентий, привет!

Ну, а сын, в своём репертуаре подростка, всегда внимательно всматривался в глаза попугая и выдавал:

– Ах, ты, падла!

Говорить Кешу мы не пытались учить. Но он чётко выговаривал одну фразу:

– Да, господи, боже мой!

Много позже в разговоре с пенсионером – соседом со второго этажа, узнала, что его больная жена всякий раз, спускаясь по лестнице и проходя аккуратно мимо двери нашей квартиры, творила эту молитовку.

2022 г.

Курьёзы жизни

Несмотря на меняющийся статус страны, воровство, как явление, в нашем обществе постоянно. Воровство во всех его проявлениях: карманное, квартирное, грабёж. Наверное, нет ни одного жителя страны, который бы не испытал это на себе...

*

СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА

Студенческая пора и малоденежье сопутствовали друг другу. Приходилось рассчитывать свой бюджет «до копеечки», особенно в первые годы учёбы.

Родители моей однокурсницы жили недалеко от областного центра. Она каждую субботу ездила после занятий домой и возвращалась на учёбу последним рейсом в воскресенье. Привозила домашние продукты: соленья, варенье и какую-то сумму денег, выделенную ей из скромного семейного бюджета. Из полученных денег откладывала НЗ – рубль, на который приобретала билет до дома в следующую поездку.

В очередную субботу, едва закончились занятия, студентка поспешила на автостанцию. Добиралась по студенческому проездному билету за рубль пятьдесят на рейсовом городском автобусе, который, как всегда, был переполнен страждущими ехать. Едва втиснулась на задней площадке, как оказалась зажатой дверью. А чуть выше на ступеньке примостился паренёк подозрительного вида. Автобус шёл не останавливаясь, поскольку не было желающих на выход. А войти новым пассажирам по причине перегруженности транспорта невозможно. Оставшимся на остановках без внимания водителя только и оставалось, что вслед автобусу размахивать руками с угрозами.

Ехать ещё минут десять. Следующая остановка — автостанция — была её.

И тут она почувствовала, как в её карман, где хранился тот самый рубль для покупки билета домой, залезает посторонняя рука. Она не замедлила и запустила свою руку в карман, чтобы сохранить деньги. А здесь ещё водитель объявил: «Граждане, в салоне автобуса едет карманный вор, берегите свои кошельки». Понятно, что это её сосед по ступенькам, «подозрительного вида». Их взгляды, полные ненависти друг

к другу, пересеклись. Она с силой, палец за пальцем разжимает его руку: «Ну, конечно, вот он – её неразменный рубль!» Вырывает его и зажимает в своём кулаке.

Остановка. Попутчик бесцеремонно выталкивает её из автобуса. Хорошо, что ножичком не пырнул. Взъерошенная, но счастливая – «свое отстояла!», не оглядываясь, она добежывает до кассы. Приобретая билет и рассчитавшись за него, кладёт сдачу в карман, где обнаруживает ещё один – оказывается, свой рубль.

Много позже она знакомится со студентом строительного дорожного института. Дело движется к свадьбе. В одну из встреч будущий муж рассказывает, как года три назад он ехал в автобусе с какой-то странной особой, которая глядя в глаза, при всём честном народе отобрала у него рубль. Он на него должен был купить билет к родителям...

Они и сейчас вместе. Уже правнуки на подходе...

И коня на скаку остановит, и...

Восьмидесятые годы. У советских женщин появилась возможность приобретать меховые шапки. Мех соболя — высший пилотаж. Позже в моду вошли «норочки». У меня новую формовку-обманку из норки вынесли квартирные воры в 1993 году. Это не так страшно, как обидно.

А если сдёрнут шапку с головы в тридцатиградусный мороз, когда надо до дома добираться, да на остановках стоять...?

Советские выдумщицы пришивали резиночки к своим шапкам, которые закреплялись на подбородке. И таким образом многие сохранили свои дорогостоящие головные уборы и здоровье, заодно.

Будучи проездом в Якутске, я услышала такой рассказ.

Пришла я к своей новой формовке из норки — подарок от мужа, резиночку. Работаю в две смены. Приходится или рано утром уходить на работу, или поздно вечером возвращаться.

Буквально на первой неделе моего нововведения бегу я домой от автобусной остановки. Мороз трещит. Морозная дымка в воздухе. При дыхании горло перехватывает. Тут сзади налетает на меня разбойник, срывает шапку. Я развернулась и толкнула его. От неожиданности или поскользнувшись, он падает. Шапка рядом валяется. Я её подбираю, натягиваю на голову и — дёру. Забежала домой. На кухню. Плюхнулась на табуретку. Отдышалась. Заходит дочь, которая уроки делала:

— Мама, что с тобой? Чья шапка у тебя на голове?

— Как чья? Папа подарил перед командировкой.

— Да ты посмотри на себя в зеркало!

Смотрю. И что я вижу?

У меня на голове шапка разбойника, а за спиной на резиночке болтается моя формовочка...

Всё в дом

ВСЁ В ДОМ... ВСЁ В ДОМ... Или вот ещё воровской казус, случившийся в Советском Казахстане.

У хозяев была большая беспородная собака. Звали её просто Барбос, как в фильме «Дело было в Пенькове»: «Кошка, да кошка, у неё паспорта нет».

Обычно на ночь Барбоса отвязывали, а рано утром после ночной прогулки он сам приходил к своему просторному и комфортному жилью.

Хозяйка его кормила и садила на цепь. Так длилось изо дня в день.

Пёс был промысловый: всё, что плохо лежит — тащил домой!

Казус случился летом в степном Казахстане, где дневная жара и сухость в воздухе сохранялись до самого утра.

Однажды громкоголосая соседка вывесила на забор своего двора на ночь, для проветривания, одеяла, покрывала, подушки. Рано утром она обнаружила пропажу одной из пуховиц. Владевшая в совершенстве родным языком, подняла она шум на всю округу:

– Хтось подушку украв! Хтось подушку украв!! Така хороша була подушка!!! Шоб вин сдох! Шоб ёму було погано!

Покричала, покричала, вора попроклинала да и утихла...

А тем временем хозяйка Барбоса подоила корову, отогнала её в стадо и вернулась домой. Часть молока процедила, разлила по крынкам, спустила в погреб на холод, а остальное понесла Барбосу. Наклонилась, чтобы налить в его миску молоко, видит, что-то в будке белеет. Присмотрелась, а это соседкина подушка! Позвала она громкоголосую, вдвоём забрали у ночного воришки пропажу. Пока Барбос невозмутимо лакал молоко, он ещё раз выслушал брань хозяйки пуховицы, теперь уже конкретно в свой адрес.

На том дело и закончилось. Так что у нас не только люди, но и некоторые другие четвероногие «товарищи» могут втихаря кое-где, кое-когда, кое-что...

Читавший этот рассказ корректор, усмехнулся:

Да, ну и Барбос – хозяйственный мужичок.

2021 г.

Во!.. Сюжет!

На дворе декабрь 2021 года. Самый разгар уже которой по счёту волны пандемии. Власти всех уровней закручивают гайки относительно строгости карантина.

Но жизнь движется своим чередом. Больных надо лечить, школьников – учить. Вот и ведут борьбу за качество жизни и знаний врачи и учителя.

Сельская школа в сибирской глубинке.

Дети, взрослые страдают от covid.

Учебные классы выводят на online-обучение.

Учителя – кто в красной зоне, кто на карантине.

Оставшиеся в здравии педагоги ведут уроки с многократной нагрузкой.

А здесь ещё – федерального уровня задание: выпускники 11 класса пишут сочинение по допуску к ЕГЭ.

Ученики 7 класса на карантине – обнаружен covid у школьника.

Учительница не первой молодости, ещё Сталина захватила в живых, вползает в класс, плюхается на учительский стул, голову опускает на руки.

Предмет, который ведёт ветеран труда, не из простых, горливый, с обязательной, хотя и по выбору, сдачей ОГЭ по итогам 9 класса – география.

У неё на сегодня это был уже пятый выход на Голгофу. Причём – сдвоенный. Да ещё и в двух ипостасях: в online и в offline обучении одновременно.

И возраст учеников – самые непоседы: 7 и 6 классы.

Собравшись с силами, глубоко выдохнув, учительница начинает со слов:

– И пусть мне кто-нибудь скажет, что слетать в космос сложнее, чем в сегодняшней действительности дать уроки.

На что шестиклассники усомнились – всё-таки космос это особая подготовка, «а Вы сами говорили, что с вестибулярным аппаратом у Вас проблемы».

У несчастной географички началось раздвоение личности: в первую очередь – задание 6-классникам: вспомнить материал, изученный на прошлом уроке.

Дети читают и наблюдают за действиями учителя. А она в это время выходит на связь в online с 7-классниками. Причём у неё в тот день с ними это была уже вторая встреча, опять же по причине нехватки педагогов.

Связь с учениками, по причине слабого интернета, только через WhatsApp и только через ауди-сообщение. Получив

от каждого из учеников ответ, дала вводное задание на изучение новой темы, и вновь вернулась в offline 6 класса.

И так, в несколько этапов online — offline время приблизилось к «золотой симфонии» – звонку с урока. Прощаясь с учителем, один из здравомыслящих шестиклассников сказал:

– Вы были правы – в сегодняшних реалиях жизни дать урок, пожалуй, будет сложнее, чем в космос слетать – надо быть настоящим виртуозом...

А впереди у географички было ещё одно 45-минутное двойное путешествие в мир её любимого предмета.

2021 г.

Николай Воробьёв

Берёзка

Берёзка белоствольная
Стоит себе, довольная,
Я, проходя, дивлюсь её красотой.
Пригласил на поляночке,
За бугорочком, в ямочке,
Как девушка с распущенной косой.
Стоит она, качается,
Лишь ветру подчиняется,
Навстречу солнцу ветви протянув,
Мне нежно улыбается,
Сказать что-то пытается,
Но замер я – о возрасте вздохнув.
Летят года, как вороны,
Похвастаться которыми
Лишь может тот,
Кто век перешагнул.
Летят они, все множатся,
И сердце чуть тревожится,
Но на берёзку снова я взглянул.

Золотая пора

Окончились дождь и слякоть,
Пришла золотая пора,
И солнца арбузная мяготь
Ласково светит с утра.
Маральник расцвел на склоне,
Зимы не боится, чуждак.
И водную гладь затона
Блесной будоражит рыбака.

Осенние сказки

Морем красок в день погожий
Манит всех осенний лес,
Где, так многим сказкам схожи,
Виды, полные чудес.
Змей Горыныч – пень чумазий,
На поляне сладко спит,
Как увидишь, вздрогнешь сразу,
Очень страшный, грозный вид.
Меж берез валун большущий,
Что изба Бабы-Яги.
Как попал в лесную гущу,
Затерялся средь тайги?
Гроздья яркие рябины,
На осине желтый лист,
Прутья красные талины,
Кедр темно-серебрист.
Дальше, вглубь, –
Спокойней, тише,
Больше красок и чудес,
Не расскажешь, не опишешь,
Как красив осенний лес!

Евгений Ямшитов

По дороге

Песня

Сл. и муз. Е. Ямшитова

Разбудит солнце в палатке по утру
Меня в далёком сказочном краю,
Среди красивых гор, полей и рек,
Где просто счастлив человек.

Припев:

А я опять по дороге иду
И что я там опять найду
Не знаю я, не знаю я, друзья!

Раскроют двери по пути друзья!
Накормит матушка земля!
И где б ты не был, странник, на земле
Все рады помощь оказать тебе!

Припев:

А я опять по дороге иду
И что я там опять найду
Не знаю я, не знаю я, друзья!

Пройдя полмира вдоль и поперек,
Я понял, что прекрасней нет дорог.
Где дом – здесь родина моя,
И ждёт меня любимая семья!

Заиграл баян

Песня

Сл. и муз. Е. Ямшитова

Заиграл баян в моей деревне!
Без него никак не обойтись!
По мелодии уже всем ясно –
У маэстро изменилась жизнь!

Припев:

А он в одном лишь валенке
На земляной заваленке
Меха баяна растянул,
А песней душу распахнул!

В его душе что-то случилось!
Никто не может угадать,
А может кто-то из красавиц
Решил его захомутать!

Припев:

А он в одном лишь валенке
На земляной заваленке
Меха баяна растянул,
А песней душу распахнул!

В деревне нашей снова паника!
Баян играет день и ночь.
А может, мы все ошибаемся,
И он от нас уедет прочь!

Припев:

А он в одном лишь валенке
На земляной заваленке
Меха баяна растянул,
А песней душу распахнул!

Оглавление

Светлана Костина	3
Любовь Семенцова	9
Оксана Хлопотова	14
Лили Акпыжаева-Тягницкая	35
Валерия Тюхтенева	42
Зинаида Бузырева	48
Ольга Истомина	64
Людмила Гришка	81
Юлиана Семенцова	96
Татьяна Чанчибаева	109
Елена Попова	116
Елена Мансурова	124
Александр Кобзев	134
Борис Семенцов	152
Владимир Уделяев	165
Мария Образцова	176
Михаил Кыров	189
Надежда Кетрарь	194
Галина Свириденко	200
Мария Пахорукова	223
Николай Воробьёв	232
Евгений Ямшитов	234

Майминское литературное объединение «ЛиРа».
Майма, ул.Советская, 57.
Тел. 8-(38844)-22-9-76

Редакционная группа: *О.М.Ельдекова (Истомина),*
Г.Н.Свириденко
Вёрстка и дизайн: *А.А.Кобзев*

Отпечатано в типографии «Матрица»
Г.Бийск, ул. Мерлина, 27

